

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЧелГУ»)
Костанайский филиал

**Ғылыми-практикалық конференция материалдары
оқытушылар, жас ғалымдар, студенттер, мұғалімдер, оқушылар
«Ф.М. Достоевскийдің Ұлттық мәдениеттердегі мұрасы»
(халықаралық қатысумен)
2025 жылғы 24 қаңтар**

**Материалы научно-практической конференции
преподавателей, молодых ученых, студентов, учителей, школьников
«Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах»
(с международным участием)
24 января 2025 г.**

**Materials of the scientific-practical conference
teachers, young scientists, students, teachers, schoolchildren
«The Legacy of F.M. Dostoevsky in national cultures»
(with international participation)
24 January 2025**

г. Костанай, 2025

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»
(ФГБОУ ВО «ЧелГУ»)

Костанайский филиал

«Ф.М. Достоевскийдің ұлттық мәдениеттердегі мұрасы» атты
(халықаралық қатысумен өтетін) оқытушылардың, жас ғалымдардың,
студенттердің, мұғалімдер мен мектеп оқушыларының ғылыми-
практикалық конференция материалдары
2025 жылғы 24 қаңтар

Материалы научно-практической конференции
преподавателей, молодых ученых, студентов, учителей, школьников
«Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах»
(с международным участием)
24 января 2025 г.

Materials of the scientific and practical conference of
teachers, young scientists, students, schoolchildren “The Heritage of F.M.
Dostoevsky in national cultures” (with international participation)
24 January 2025

Костанай, 2025 г.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рус)
Ф11

Рекомендовано к печати ученым советом
Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
Издается по инициативе
кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
кафедры филологии

Ответственный редактор: Морданова Светлана Мугтасимовна, канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой филологии Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ».

Редакционная коллегия:

Видершпан Александр Валерьянович, канд. философ. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ»; Штукина Елена Эдуардовна, канд. филол. наук, профессор кафедры филологии Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ»; Гейко Наталья Романовна, канд. филол. наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ».

Ф.М. Достоевскийдің ұлттық мәдениеттердегі мұрасы: оқытушылардың, жас ғалымдардың, студенттердің, мұғалімдердің, оқушылардың ғылыми-практикалық конференциясының материалдар жинағы, 24 қаңтар 2025 ж. – Костанай: «ЧелМУ» ФГБОУ Қостанай филиалы. – 106 б.

Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах: сборник материалов научно-практической конференции преподавателей, молодых ученых, студентов, учителей, школьников, 24 января 2025 г. – Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВО «ЧелГУ». – 106 с.

The heritage of F.M. Dostoevsky in national cultures: collection of materials of the scientific and practical conference of teachers, young scientists, students, schoolchildren, 24 January 2025. – Kostanay: Kostanay branch of FSBEI HE “CSU”. – 106 p.

ISBN 978-601-82407-3-7

Жинаққа «Ф.М. Достоевскийдің ұлттық мәдениеттердегі мұрасы» (халықаралық қатысумен) ғылыми-практикалық конференциясына қатысушылардың баяндамаларының материалдары енгізілген, онда Ф.М. Достоевскийдің Қазіргі әлемдегі шығармашылық мұрасын қабылдаумен байланысты іргелі мәселелерді зерттеу нәтижелері, Ф.М. Достоевскийдің философиялық, әдеби, публицистикалық еңбектерін түсіндіру ұсынылған. Материалдар авторлық редакцияда жарияланады. Жинақ кең оқырмандарға арналған.

В сборник включены материалы докладов участников научно-практической конференции «Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах» (с международным участием), в которых представлены результаты исследования фундаментальных проблем, связанных с восприятием творческого наследия Ф.М. Достоевского в современном мире, интерпретация философских, литературных, публицистических трудов Ф.М. Достоевского. Материалы публикуются в авторской редакции. Сборник адресован широкой читательской аудитории.

The collection includes proceedings of the scientific and practical conference “The Heritage of F.M. Dostoevsky in national cultures” (with international participation), which present the results of the research of fundamental problems related to the perception of F.M. Dostoevsky’s creative heritage in the modern world, interpretation of F.M. Dostoevsky’s philosophical, literary and journalistic works. The materials are published as submitted by the authors. The collection is intended for a wide readership.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3 (2Рус)

ISBN 978-601-82407-3-7

©Костанайский филиал ФГБОУ ВО
«Челябинский государственный университет», 2025 г.

СЕКЦИЯ 1. СТЕПНАЯ ДУША Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

1-БӨЛІМ. Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙДІҢ ДАЛА ЖАНЫ

SECTION 1. STEPPE SOUL OF F.M. DOSTOEVSKY

Баяндуриян Н.А.,

студентка Филиала Ставропольского государственного
педагогического института,
г. Железноводск

*Научный руководитель – Неверова Т.А.,
кандидат филологических наук,*

доцент кафедры историко-филологических дисциплин

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АФФЕКТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ – ЖАЗУШЫ, ОЙШЫЛ, ФИЛОСОФ
ЖӘНЕ ПУБЛИЦИСТ**

SYNTACTIC MEANS OF EXPRESSING AFFECTIVE EMOTIONS IN THE LANGUAGE OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «THE IDIOT»

Аннотация: в статье рассмотрены синтаксические средства выражения эмоций в романе «Идиот». Актуальность обусловлена широкой представленностью эмоций в тексте романа. Синтаксические средства выражения рассматриваются в более широком грамматическом контексте. В качестве основных синтаксических средств выражения аффективных эмоций выявлены стилистические приемы (риторический вопрос и умолчание), восклицательные предложения, односоставные предложения. Охарактеризовано их использования для выражения тех или иных аффективных эмоций.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, роман «Идиот», аффективные эмоции, эмотивность художественного текста, восклицательные предложения, односоставные предложения.

Аннотация: мақалада «Ақымақ» романындағы эмоцияларды білдірудің синтаксистік құралдары қарастырылған. Өзектілігі роман мәтініндегі эмоциялардың кең көрінуіне байланысты. Өрнектің синтаксистік құралдары кеңірек грамматикалық контексте қарастырылады. Аффективті эмоцияларды білдірудің негізгі синтаксистік құралдары ретінде стилистикалық әдістер (риторикалық сұрақ және үнсіздік), леп сөйлемдері, бір компонентті сөйлемдер анықталды. Оларды белгілі бір аффективті эмоцияларды білдіру үшін қолдану сипатталады.

Нергізі сөздер: Ф.М. Достоевский, «Ақымақ» романы, аффективті эмоциялар, көркем мәтіннің эмотивтілігі, леп сөйлемдері, бір компонентті сөйлемдер.

Abstract: the article discusses the syntactic means of expressing emotions in the novel «The Idiot». The relevance is due to the wide representation of emotions in the text of the novel. Syntactic means of expression are considered in a broader grammatical context. Stylistic techniques (rhetorical question and omission), exclamation points, and single-part sentences are identified as the main syntactic means of expressing affective emotions. Their use for expressing certain affective emotions is characterized.

Key words: F.M. Dostoevsky, novel «The Idiot», affective emotions, emotivity of a literary text, exclamation points, single-part sentences.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что эмоции составляют основу личности человека. Являясь разнообразными по своей природе, содержанию и проявлению, они представляют интерес для специалистов различных областей знаний – философии, психологии, физиологии. Язык насковзь психологичен, человекен, так как он всегда сопровождает человека и выражает его, а эмоции – важная составляющая языка [1].

Продуктивно исследование эмоций на материале художественных текстов, поскольку любой художественный текст воспроизводит эмоциональную жизнь людей [2]. Произведения Ф.М. Достоевского представляют богатый ресурс для анализа эмоциональной стороны языка художественного текста, поскольку писатель мастерски передает сложные эмоциональные переживания, углубляя тем самым понимание человеческой природы.

Целью исследования является анализ синтаксических средств выражения аффективных эмоций в языке романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

Грамматические средства репрезентации эмоций могут состоять из морфологических и синтаксических средств. Грамматические средства в тексте Ф.М. Достоевского используются для придания речи эмоциональности, наглядности, делают ее более интересной и убедительной. Грамматические средства могут передавать различные эмоции говорящего и оказывать определенное эмоциональное воздействие на собеседника.

Среди морфологических средств реализации эмоций часты восклицательные частицы: их роль в произведениях Ф.М. Достоевского чрезвычайно велика. Они придают художественному тексту эмоциональность, экспрессивность и выразительность. Восклицательные предложения насыщают художественные произведения эмоциями и яркими красками, заставляя читателя лучше представить происходящее и сопереживать этому, а также понять характер героев, их эмоциональное состояние и поступки в разных ситуациях.

Эмоции проявляются во всех коммуникативных процессах, так как любая коммуникация включает в себя вовлеченность и участие. Очевидно, что эмотивность речи может быть выражена не только на уровне слов, но и на уровне грамматических структур, т.е. синтаксической организации речи [3]. Синтаксис обладает большими экспрессивными возможностями по сравнению с морфологией, так как он напрямую связан с мыслью, и выражает замысел автора с помощью разнообразия стилистических приемов. Несмотря на то, что роль синтаксиса в создании эмотивности произведения и в отражении идеи автора замечается читателями в последнюю очередь, значение синтаксиса в создании художественного эффекта в произведении не следует недооценивать.

В романе «Идиот» основным грамматическим средством выражения аффективных являются стилистические приемы, основанные на синтаксических конструкциях.

Риторический вопрос – это особый стилистический прием, сущность которого заключается в переосмыслении грамматического значения вопросительной формы. Высказывание в форме риторического вопроса становится более эмоциональным и эмфатичным. В тексте романа Ф.М. Достоевского раскрытие эмоционального фона речи персонажей с помощью риторических вопросов, происходит при помощи авторских ремарок: *«Так вам нравится такая женщина, князь?» продолжал Ганя, не спуская с него воспаленного взгляда»* [4, с. 37]. В этом предложении автор показывает личную заинтересованность Гаврилы, когда он задает вопрос князю, а комментарий писателя подкрепляет эмоции героя. *«Передали записку? Ответ?... Ответ? Ответ?... Когда? Когда?»*. При помощи вопросительной конструкции, которая повторяется неоднократно, можно заметить, как нарастают чувства Гани, как он раздражается, сгорая от нетерпения все больше и больше.

Не менее важным способом выражения аффективных эмоций являются восклицательные предложения. Это предложения, заключающие в себе эмоциональное отношение к содержанию высказывания и характеризующиеся восклицательной интонацией. Восклицательными могут быть и повествовательные, и вопросительные, и побудительные предложения при условии, если они приобретают эмоциональную окраску. Рассмотрим основные случаи употребления восклицательных предложений для выражения аффективных эмоций в романе «Идиот»: *«Полезай! – заревел Фердыщенко, бросаясь к Гане в решительном исступлении и дергая его за рукав:- полезай, фанфаронщика! Сгорит! О, пр-р-проклятый!»* [4, с. 725]. В этих предложениях, побудительных по цели высказывания и восклицательных по эмоциональной окраске, побуждение сопровождается чувством недовольства и раздражения, которое впоследствии сменяется еще большим гневом. Вслед за силой аффекта идет еще и утрированное произношение звука «р», что передает накал эмоционального состояния Фердыщенко.

В противовес гневу предыдущего героя представлю дисфункциональную радость Рогожина. Настасья Филипповна согласилась уехать вместе с ним, отказав Гаврилу и князю Мышкину. *«Не подходи!» – завопил Рогожин в*

иступлении, увидя, что Дарья Алексеевна подходит к Настасье Филипповне. – *Моя! Все мое! Королева! Конец!»* [4, с. 710]. Как мы видим, в данном предложении гневный всплеск рогожина, сопровождаемый восклицанием, сменяется на не менее эмоциональное чувство радости от осознания, что Настасья Филипповна наконец достается ему. Нельзя не заметить, что автором в этом же предложении использован не менее интересный прием – парцелляция, которая представлена в конце высказывания. Благодаря такому способу мы наглядно видим, как эмоции героя возрастают, возрастают, а в конце достигают своего пика – свободы аффекта.

Еще одним способом выражения чувств персонажей является умолчание – намеренный обрыв высказывания, передающий взволнованность речи и предполагающий, что читатель догадается о невысказанном. Умолчание служит для придания речи яркости.

Умолчание, как стилистический прием, способствует созданию повышенной эмоциональности всей речи или фрагментов высказывания. Умолчание актуализирует вовлеченность читателя в повествование, мобилизует воображение читателя. Используя этот прием, автор акцентирует внимание реципиента на том, что замалчивается. Как правило, прерванную мысль можно восстановить из контекста. Таким образом, умолчание не создает тайны, а служит средством акцентирования того, о чем не было сказано прямо. Рассмотрим примеры.

Как уже неоднократно было отмечено, чувство страха является одним из сильнейших эмоциональных воздействий на человека. Князь Мышкин встречает Рогожина, который слишком странно себя ведет. Лев Николаевич догадывается о намерении Парфена убить его, но чувство страха не позволяет ему убежать. Несмотря на умолчание князя Мышкина, мы понимаем, что хотел сказать герой, но из-за своего мягкого характера не стал. Автор подтверждает наши догадки фразой Парфена: « – *Что зарежу-то?»* [4, с. 879].

Часто используются для выражения аффективных эмоций в романе «Идиот» односоставные предложения, которые способны передавать яркие эмоции и создавать выразительные образы. В тексте романа среди односоставных предложений, выражающих аффективные эмоции, преобладают однословные предложения: «*Прочь!*» «*Обморок!*». Все эти фразы были произнесены героями произведения во время сильного эмоционального всплеска, при помощи одного лишь слова выражены аффективные эмоции. Большой оттенок эмоциональности придает восклицательность предложений.

Ф.М. Достоевский широко использует определенно-личные предложения. «Едем!» – определенно-личное предложение передает ярчайшую вспышку эмоционального состояния прокричал Рогожина, когда он увозил Настасью Филипповну. «*Полезай!*» – побудительное определенно-личное предложение, выражающее аффективную эмоцию ярости: Фердыщенко не мог скрывать своего возмущения от того, что Гаврила Ардалионович отказывался доставать горящие купюры.

Таким образом, синтаксис в художественном тексте Ф.М. Достоевского обладает большими выразительными возможностями, позволяя передавать всю

полноту чувств своих героев, в том числе аффективные эмоции. При помощи риторических вопросов, умолчаний, восклицательных и односоставных предложений Ф.М. Достоевский демонстрирует нам сильные эмоциональные вспышки в поведении персонажей.

Литература:

1 Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29-43.

2 Белая Е.Н. Междисциплинарность, антропоцентричность, комплексность как основные составляющие интегративного метода исследования языковых репрезентаций эмоций // Вестник Омского университета. – 2012. – № 2(64). – С. 209-212.

3 Алексеева М.Г., Фролова В.А.. Средства выражения аффекта в художественном произведении: дидактический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2021. – № 3(56). – С. 110-117.

4 Достоевский Ф.М. Идиот. – М.: АСТ, 2020. – 637 с.

Гладкова А.А.,

доцент Витебского государственного университета
имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

МОТИВ ДЕТСКОГО СТРАДАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО И З. БЯДУЛИ

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ МЕН З. БЯДУЛИДІН ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫНДАҒЫ БАЛАЛАРДЫҢ АЗАП ШЕГУ МОТИВИ

THE MOTIF OF CHILDHOOD SUFFERING IN THE WORKS OF F. DOSTOEVSKY AND Z. BIADULI

Аннотация: В статье рассмотрен мотив детского страдания в рассказах Ф. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» и «Мальчик с ручкой». В белорусской литературе тема страдальческого детства анализируется на примере рассказов З. Бядули.

Ключевые слова: тема детства, социальное неблагополучие, рассказ, стиль, художественный образ, мотив.

Аннотация: Мақалада Ф.Достоевскийдің «Мәсіхтің шыршадағы баласы» және «Тұтқасы бар бала» әңгімелеріндегі балалардың азап шегу мотиві қарастырылған. Беларусь әдебиетінде азапты балалық шақ тақырыбы З. Бядулидің әңгімелері мысалында талданады.

Түйінді сөздер: балалық шақ тақырыбы, әлеуметтік қолайсыздық, әңгіме, стиль, көркем образ, мотив.

Abstract: The article examines the motive of childhood suffering in the stories of F. Dostoevsky's "The Boy at Christ's Christmas Tree" and "The Boy with the Pen." In Belarusian literature, the theme of suffering childhood is analyzed using the example of Z. Byadulia's stories.

Keywords: childhood theme, social disadvantage, story, style, artistic image, motive.

Как известно, корни рода Достоевских находятся в Достоеве (современный агрогородок Ивановского района Брестской области), поэтому для белорусского читателя творчество знаменитого писателя особенно близко. Исследование литературного наследия Ф. Достоевского насчитывает несколько десятилетий, разработаны вопросы поэтики, философского звучания, тематики и проблематики художественных произведений классика, рассмотрена тема детства в прозе писателя. Однако продолжают оставаться актуальными компаративные исследования творчества Ф. Достоевского, связанные с рецепцией авторских идей в художественных произведениях иных культур.

В белорусском литературоведении есть работы, посвящённые сравнению творческого метода Ф. Достоевского и Кузьмы Чорного [1], которого по праву называют «белорусским Достоевским», рецепция творчества русского писателя в прозе Максима Горьцкого также стала объектом научного внимания [2]. На наш взгляд, поиск типологического сходства, мотивных параллелей прозы Ф. Достоевского и других белорусских писателей остаётся важным направлением современного литературоведения. Актуальность исследования заключается в проведении сравнительного анализа рассказов Ф. Достоевского и белорусского писателя Змитрока Бядули в контексте идейно-философского и социального звучания произведений с акцентом на детской теме. Цель статьи – на материале рассказов Ф. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» и «Мальчик с ручкой», а также рассказов З. Бядули «Осчастливила», «Скитальцы», «Маленькие дровосеки» определить типологические параллели и специфику отражения темы детства в творчестве указанных авторов. В работе использован компаративный метод, а также элементы теоретического метода исследования (анализ, синтез, индукция).

Художественная проза Ф. Достоевского показывает, что для писателя ребёнок – наивысшая ценность, равная Богу, это совесть человечества. Такое авторское видение созвучно библейскому, в соответствии с которым дитя понимается как воплощение ангельской чистоты и невинности: *«Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»* (Мф. 18:12-18:3) [3, с. 99]. В дневниках писателя за 1877 год записано судебное разбирательство дела о жестоком обращении с детьми, где приводится «Фантастическая речь председателя суда» с часто цитируемым отрывком об отношении к детям: *«... детей нельзя не любить. Да и как не любить их? Если*

уже перестанем детей любить, то кого же после того мы сможем полюбить и что станется тогда с нами самими?» [4, с. 227].

В круг детского чтения входит широко известный рассказ Ф. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», в котором отражена трагическая судьба ребёнка-сироты в атмосфере безжалостного мира. Повествование начинается с описания пробуждения мальчика в подвале, что может прочитываться как символ дна жизни, где обитают обездоленные люди. Мать маленького героя рассказа умерла, для ребёнка смерть осознаётся через тактильность: он прикасается к лицу матери и чувствует, что оно стало холодным, как стена. Ребёнок выходит из подвала на улицы города, словно попадает в мир, где теперь он один, и только воспоминанием остаются обрывки детских лет, проведённых где-то в глубинке, где был один фонарь на всю улицу, низенькие дома запирались ставнями, где было тепло и мальчику давали есть. Ребёнок обречён в чужом городе, где блюститель порядка отворачивается, делая вид, что не видит мальчика, где никому нет дела до беды маленького человека. Но детское восприятие ещё лишено трагедии: герой видит за окнами праздник, наряженных детей и ему радостно, потому что детская душа живо отзывается на радость других, она сопричастна этой радости, однако сочувствия у взрослых судьба мальчика не находит. Ребёнок засыпает, спрятавшись за дровами в чужом дворе, и снится ему ёлка, и дети кружатся вокруг него. *«У Христа всегда в этот день ёлка для маленьких деточек, у которых там нет своей ёлки...»*, – ключевая смысловая фраза рассказа [5]. Оказывается, в светлый праздник Рождества в мирской жизни не находится истинного милосердия для обездоленных детей.

Отметим, что мотив детского страдания в рассказе лишён драматизации, писатель сознательно не использует приём нагнетания трагического эффекта, вместо этого внимание концентрируется на мировосприятии героя-ребёнка. Ф. Достоевский часто использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*пальчики, ручки, ножки, копеечка*), передаёт эмоции мальчика (*удивился, засмеялся*), который до последнего мгновения отзывается на внешние события.

Рассказ Ф. Достоевского «Мальчик с ручкой» затрагивает темы детской эксплуатации, трудной жизни ребёнка, отсутствия заботы о нём. Сближает рассказы выбор времени и места действия – Рождество, лютый мороз, городские улицы. Герой – мальчик-попрошайка, который ходит «с ручкой», то есть клянчит милостыню, чтобы отдать деньги «шайке халатников» (мастеровых). Писателя заботит судьба таких детей, а она незавидна: *«Когда он подрастёт, его поскорее сбывают куда-нибудь на фабрику, но всё, что он заработает, он опять обязан приносить к халатникам, а те опять пропивают»* [6]. Кроме темы социального неблагополучия детей, Ф. Достоевский говорит о тяжёлых проблемах – пьянстве и рукоприкладстве, о голодных детях, вынужденных заниматься воровством. В результате такие дети становятся подростками, которые часто не понимают ни того, где живут, ни того, какой они нации, *«есть ли Бог, есть ли государь»*, и такое положение вещей, по мысли писателя, требует общественного внимания.

Показательно, что художественная деталь – копейка – сближает два рассказа Достоевского: в произведении «Мальчик у Христа на ёлке» ребёнок выронил копейку, протянутую ему барыней, во втором рассказе герой относит копейки взрослым, деньги эти пойдут на водку для халатников. В обоих случаях возникает ассоциация «жизнь – копейка», которая усиливает смысловую нагрузку сюжета. Кроме этого, и в первой истории, и во второй ребёнок ничего не получает для себя, он словно «исключён», «удалён» из реальности (барыня выгоняет мальчика за двери, халатники отсылают ребёнка в кабак).

В белорусской литературе тему обездоленного детства затрагивал в своём творчестве Змитрок Бядуля (псевдоним Самуила Плавника). Проблемно-тематическое пространство малой прозы писателя сформировалось в дореволюционный период. Страдальческим детством назвал цикл рассказов З. Бядули критик Я. Усиков, так как центральная тема рассказов-миниатюр писателя – тема обездоленного крестьянского детства.

Трагизм судьбы маленьких детей показан в рассказе З. Бядули «Маленькие дровосеки». Герои истории – два брата (старшему – 10, младшему – 8). Их отец работать уже не мог, поэтому дети берут на себя нелёгкий труд – рубку лесных деревьев. В лесу разыгралась метель, но дети побоялись сразу вернуться домой, чтобы не ругались родители, что мальчики мало поработали в этот день. Когда, наконец, дети решили возвращаться, то сбились с дороги, заснули в снегу, прижавшись друг к другу, и снилось им, что сидят они дома, мать угощает их вкусной лепёшкой и отец ласково смотрит на них. Нашли замёрзших детей только на третий день.

З. Бядуля – мастер миниатюры, зарисовки, стиль его лаконичен, богат художественными особенностями, среди которых выделим сравнения (*бор задумался, как седой дед, мальчики спуют, как муравьи*), метафоры (*сердце хвои*), персонификацию (*застонал, закрихтел хвойный лес*).

Показательно, что и в рассказе Ф. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», и в миниатюре З. Бядули «Маленькие дровосеки» мотив смерти связан с засыпанием героев зимой на улице. Очевидно, что это своеобразный шадящий переход души ребёнка из реального мира в лучший мир (герои обоих рассказов видят сны, где им тепло и хорошо).

Трагизм рассказа З. Бядули «Осчастливила» обусловлен жестокостью и бесчеловечностью самых близких людей для ребёнка – родителей. Сюжет прост: муж и жена живут подаяннем, так как супруг слеп, а жена умеет жалостливо просить милостыню. Когда у пары родилась здоровая дочь, то её мать расценивает здоровье ребёнка как недостаток, ведь дитя не сможет зарабатывать на жизнь милостыней. И тогда мать сама калечит ребёнка: иглой выкалывает девочке глаза.

Рассказ «Скитальцы» поднимает тему детской смертности, самой страшной потери для родителей. В крестьянской хате умирает 13-летняя дочь старого Артёма Ганулька. Осенью на молотбе она простудилась и заболела. Мать заботится о дочери до последних минут её жизни, но шёпот ребёнка слабеет, Ганулька умирает. З. Бядуля находит трогательное поэтическое

сравнение для передачи момента смерти ребёнка: *«так шепчет скрипка, когда музыка отнимает смычок от струн»* (здесь и далее перевод – А.Г.) [7]. Снова можно отметить, что писатель как можно мягче описывает уход ребёнка: слабеет дыхание, угасает последняя связь с жизнью. Читатель узнаёт, что много детей похоронила Артёмиха: Юзя утонул, Марыло убила кобыла, Агатку совсем младенцем сама Артёмиха нечаянно «приспала», а Стёпка умер сам по себе. *«Мало ли есть напастей в несчастных бедных деревнях?»* – задаётся горьким вопросом автор. Заканчивается рассказ сдержанной передачей переживаний отца, который горюет не меньше матери по любимой дочери: *«...повалился на мокрый глиняный помост и плакал, как малое дитя...»* [7].

Таким образом, компаративный анализ избранных произведений Ф. Достоевского и З. Бядули позволяет прийти к следующим выводам: во-первых, мотив детского страдания отчётливо представлен в малой прозе обоих писателей. Если Ф. Достоевский в качестве места действия выбирает город, то З. Бядуля пишет о нелёгкой доле крестьянских детей. Во-вторых, затрагивая детскую тему, оба автора используют мотив смерти-сна, что делает момент перехода детской души в иной мир деликатным, плавным, незаметным. В-третьих, оба писателя подходят к детской теме с гуманистических позиций. Известно, что образы детей встречаются как в малой, так и в романной прозе Ф. Достоевского. Так, тема «слезинки ребёнка», детского страдания отмечена в сюжетной организации «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых» и др. В творчестве З. Бядули преобладают малые жанровые формы, он считается мастером миниатюры, в ряде произведений белорусского писателя также многогранно раскрыта тема трудного детства. И Ф. Достоевский, и З. Бядуля всегда находятся на стороне ребёнка, художественным словом привлекая общественное внимание к решению социальных проблем, среди которых – детская смертность, эксплуатация детей, сиротство, голод, жестокое обращение с детьми.

Творчество Ф.М. Достоевского и З. Бядули – образец высокохудожественного литературного слога: если для русского писателя характерна реалистическая манера повествования, особое внимание к детали, философская смысловая составляющая сюжета, то творческая манера З. Бядули характеризуется лаконичностью и поэтичностью слога. В целом, неоспорим вклад обоих писателей в разработку детской темы в русской и белорусской литературах, что говорит о востребованности их произведений в современном научном дискурсе.

Литература:

- 1 Бельскі А.І. Свет дзяцінства ў прозе Кузьмы Чорнага // Беларуская мова і літаратура. – 2014. – № 12. – С. 41-49.
- 2 Трус М. Беларуская рэцэпцыя творчасці Фёдара Дастаеўскага: архіўна-медыйны дыскурс 1920-х гг. і М. Гарэцкі // Роднае слова. – 2023. – № 2. – С. 39-42.
- 3 Евангеліе. – М.: Благовест, 2011. – 608 с.

4 Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т.; Российская акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Санкт-Петербург : Наука. – Т. 14: Дневник писателя, 1877, 1880, август 1881. – 1995. – 783 с.

5 Достоевский Ф.М. Мальчик у Христа на ёлке. – URL: <https://ilibrary.ru/text/4206/p.1/index.html> (дата обращения: 30.12.2024).

6 Достоевский Ф.М. Мальчик с ручкой. – URL: <https://ryb.ru/dostoevski/01text/vol13/131.htm> (дата обращения: 30.12.2024).

7 Бядуля З. Тулягі. – URL: <https://karotkizmest.by/беларуская-літаратура/змітрок-бядуля/змітрок-бядуля-тулягі.html> (дата обращения: 30.12.2024).

Горбенко М.В.,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук,
Костанайский социально-технический университет
имени академика З. Алдамжар,
г. Костанай.

Штукина Е.Э.,

кандидат филологических наук,
профессор кафедры филологии,
Костанайский филиал,
Челябинский государственный университет,
г. Костанай

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ЗАМАН

F.M. DOSTOEVSKY AND MODERNITY

Аннотация: Актуальность творческого и духовного наследия автора не вызывает сомнений: связи Ф.М. Достоевского с длительной национальной традицией; специфика национальной мысли обрисовывается рельефнее, улавливается тоньше, когда произведения национальной литературы сравниваются с близкими ему феноменами в литературе другого народа. Отсюда и другой принцип изучения многогранного творчества Ф.М. Достоевского – сравнительно-историческое сопоставления героев с мировыми литературными типами.

Ключевые слова: творчество Ф.М. Достоевского, национальная литература, нравственные ориентиры, читательская грамотность.

Аннотация: Автордың шығармашылық және рухани мұрасының өзектілігі күмән тудырмайды: Ф.М. Ұзақ ұлттық дәстүрі бар Достоевский; ұлттық әдебиет туындыларын басқа халық әдебиетіндегі ұқсас құбылыстармен

салыстыра отырып, ұлттық ойдың ерекшелігі бедерлі түрде суреттеледі, неғұрлым нәзік суреттеледі. Осыдан Ф.М-нің көп сатылы шығармашылығын зерттеудің тағы бір принципі. Достоевский – қаһармандарды әлемдік әдебиет түрлерімен салыстырмалы тарихи салыстыру.

Түйінді сөздер: шығармашылығы Ф.М. Достоевский, ұлттық әдебиет, адамгершілік нұсқаулар, оқу сауаттылығы.

Abstract: The relevance of the creative and spiritual heritage of the author is beyond doubt; the connections of F. M. Dostoevsky with a long national tradition; the specificity of national thought is outlined in more relief, captured more subtly, when works of national literature are compared with phenomena close to it in the literature of another people. Hence another principle of studying the multi-stage creativity of F. M. Dostoevsky – a comparative-historical comparison of heroes with world literary types.

Keywords: the works of F.M. Dostoevsky, national literature, moral guidelines, reading literacy.

Есть книги с редкой силой и красотой выражающие духовную жизнь нации, которую представляет их создатель, и вместе с тем становящиеся путеводителями-маяками для всего человечества: «Гамлет» В. Шекспира, «Дон Кихот» М. Сервантеса, «Фауст» Гете, «Красное и черное» А. Стендаля... Перечень их будет обширен: у каждого народа это не единственное творение [1, с. 5]. Так начал свою монографию, посвященную 175 со дня рождения писателя «Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы как явление национального самосознания», знаменитый учёный Гурий Константинович Щенников (г. Челябинск), Гурий Константинович принадлежит к числу крупнейших специалистов по творчеству Ф.М. Достоевского. Академик РАН Г. М. Фридендер писал, что монография Г.К. Щенникова «Достоевский и русский реализм» «может быть с полным правом причислена к высшим достижениям историко-литературной науки 80-х годов в целом».

Федор Михайлович Достоевский – писатель мировой величины. Его произведения известны во всем мире. Русский классик один из самых переводимых авторов на иностранные языки. Люди, читая Достоевского, пытаются понять русскую душу, которая ищет смысла, через нравственные ориентиры. Внутренний мир героев Фёдора Михайловича раскрывается именно через духовные искания.

Поэтика Достоевского всегда была и остается на современном этапе исследования предметом глубокого изучения. Так, в литературоведении определены как традиционные, так и оригинальные категории поэтики писателя. Например, к «...нетрадиционным» эстетическим категориям, на наш взгляд, следует отнести категорию «трогательное» [2, с. 91].

Произведения Достоевского современны, так как они рассказывают о судьбах людей, о внутренних терзаниях и переживаниях, что волнует человечество на протяжении всего существования. Автор очень реалистичен. Тонкий психологизм и глубокий анализ присущ Ф.М. Достоевскому в полной

мере. Писатель глубоко анализирует своих персонажей, будто проживая их жизни. Многим читателям действительно сложно воспринимать такой полный разбор мыслей и переживаний героев.

Актуальность творческого и духовного наследия писателя не вызывает сомнений: во-первых, исследование связи Ф.М. Достоевского с длительной национальной традицией, во-вторых, специфика национальной мысли обрисовывается рельефнее, улавливается тоньше, когда произведения национальной литературы сравниваются с близкими ему феноменами в литературе другого народа. Отсюда и другой принцип изучения многогранного творчества Ф.М. Достоевского – сравнительно-историческое сопоставления героев с мировыми литературными типами.

В 2024 году студентка направления подготовки 45.03.01 Юлия Новикова в рамках выпускной квалификационной работы особо отметила, что в настоящее время по обновлённому содержанию Типовых программ по русскому языку и литературе сокращается количество изучения произведений классической литературы, не только отечественной, но и зарубежной. Авторы статьи считают, что произведения Ф.М. Достоевского в школе надо изучать обязательно. Из всех произведений «Преступление и наказание» – самый доступный для молодого сознания роман. Потом, уже в высшей школе будут анализироваться «Братья Карамазовы», «Бесы», «Бедные люди» и другие знаковые произведения писателя.

Через таких персонажей, как Родион Раскольников, Соня Мармеладова в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевский иллюстрирует, что страдание может привести к духовному пробуждению и искуплению. Такая перспектива побуждает человека противостоять нашей боли, а не избегать ее, признавая, что страдание может способствовать росту и прозрению.

В интернете мы нашли статью, определившую русскую литературу как мусор. Не будем называть автора, но считаем, что данная формулировка бесчеловечна.

Литература преподаёт нам уроки жизни. В этой связи считаем необходимым актуализировать национальный проект Республики Казахстан «Читающая школа – читающая нация». Сложно представить, что станет с человечеством, если оно перестанет читать книги. В 2020 г. соответствии с поручением Главы государства Касым-Жомарта Токаева утвержден и запущен проект «Читающая школа». Чтение для многих – это сложный интеллектуальный процесс, без которого невозможно обучение в течение всей жизни. Мы согласны с мнением многих педагогов не только нашей области, что без серьезного чтения мощь современной компьютерной техники может обернуться и уже оборачивается для человека не столько благом, сколько угрозами и рисками, опасностью манипулирования сознанием людей.

Проект «Читающая школа» направлен на привитие высокой культуры чтения. Современная система образования Республики Казахстан ориентирована на формирование у учащихся функциональной грамотности.

Из приведенной статьи Глоссария к уровневым Программам курсов повышения квалификации педагогических работников Республики Казахстан

цитируем: «Функциональная грамотность / Функционалдык сауаттылык / Functional literacy – способность учащегося решать проблемы учебной деятельности (на основе овладения познавательными умениями); стандартные жизненные проблемы (на основе усвоения правил и алгоритмов); проблемы ориентации в системе ценностей (на основе усвоения знаний о ценностях); проблемы подготовки к профессиональному образованию (на основе усвоения опорных знаний и умений, а также знаний о системе профессионального образования, о правилах приема в профессиональные учебные заведения и особенностях обучения в них)» [3, с. 97]. Считаем, что творческое наследие Ф.М. Достоевского, безусловно, отражает стремление интереса к чтению, познанию окружающего мира через книги, которые формируются со школьной скамьи, а библиотека – место средоточия этого интереса, проводник в увлекательный мир книг.

В 2018 году на кафедре филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета стартовал проект «Грамотный город», в рамках которого «зародился» мини-проект «Читай, Костанай!». Мини-проект находится на «одной волне» с Национальным проектом Республики Казахстан «Читающая школа». Цель мини-проекта – создание в Казахстане активной среды для творческого развития учащихся и обучающихся посредством повышения интереса к чтению.

Как показала практика, произведения Ф.М. Достоевского заинтересовали обучающихся, и на основе данного произведения были созданы буктрейлеры, видеоролики, посты социальной рекламы. Один из видеороликов был продемонстрирован на конференции, посвященной духовному наследию Ф.М. Достоевского. В продвижении проекта помогли заинтересованные педагоги общеобразовательных школ г. Костаная и области: Антонина Степановна Франк, Наталья Александровна Семёнова, Надежда Сергеевна Лосева, Светлана Владимировна Губарь, Татьяна Анатольевна Халупная и многие другие профессионалы.

Проект «Читай, Костанай!» ориентирован на дальнейшее продвижение в рамках сотрудничества с Костанайским социально-техническим университетом имени академика З. Алдамжар под руководством М.В. Горбенко, кандидата филологических наук, доцента кафедры гуманитарных наук.

Литература:

1 Щенников Г.К. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания: Монография. – Челябинск, 1996. – 212 с.

2 Созина Т.Н. Трогательное как категория поэтики Ф.М. Достоевского // Проблемы классического образования и духовные ценности современной России: Доклады международной научной конференции, 24-25 января 2007 г. / Под ред. В.Э Будейко. – ЧелГУ. – Челябинск, 2006. – 316 с.

3 Горошко Е.И., Полякова Т.Л. Коммуникация 2.0 как новое направление в лингвистике Интернета // Коммуникация в Интернете: благо или зло:

материалы международной научно-практической конференции. – Архангельск: КИРА, 2012. – С. 12-16.

4 Глоссарий к уровневым Программам курсов повышения квалификации педагогических работников Республики Казахстан, разработанным Центром педагогического мастерства совместно с Факультетом образования Кембриджского университета: учебно-методическое пособие – Астана: Центр педагогического мастерства АОО «Назарбаев Интеллектуальные школы». – 2012. – 164 с.

Губарь С.В.,

учитель русского языка и литературы;

Арбагулова А.К.,

учитель русского языка и литературы,

КГУ «Общеобразовательная школа № 11

отдела образования города Костаная»

Управления образования акимата Костанайской области,

г. Костанай

СТЕПНАЯ ДУША Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙДІН ДАЛА ЖАНЫ

THE SOUL OF THE STEPPE BY F M DOSTOEVSKY

Аннотация: В статье рассматривается концепция «степной души» в творчестве Ф.М. Достоевского, где степь символизирует свободу, одиночество, внутреннюю борьбу и духовные поиски. Анализируются её проявления в «Идиоте», «Преступлении и наказании», «Братьях Карамазовых», а также связь с русским национальным характером и судьбой России. Автор использует классические и современные исследования, подчёркивая актуальность и философскую глубину темы.

Ключевые слова: Достоевский, степная душа, символика степи, свобода, одиночество, духовные поиски, внутренняя борьба, русский национальный характер, судьба России, философская глубина.

Аннотация: Мақалада Ф.М Достоевскийдің шығармашылығындағы «дала жаны» тұжырымдамасы қарастырылады, онда Дала бостандықты, жалғыздықты, ішкі күресті және рухани ізденісті бейнелейді. Оның көріністері «Ақымақ», «қылмыс пен жаза», «Ағайынды Карамазовтар», сондай-ақ Ресейдің ұлттық сипаты мен тағдырымен байланысы талданады. Автор такырыптың өзектілігі мен философиялық тереңдігіне баса назар аудара отырып, классикалық және заманауи зерттеулерді қолданады.

Кілт сөздер: Достоевский, дала жаны, дала символикасы, Бостандық, жалғыздық, рухани ізденістер, ішкі күрес, орыс ұлттық сипаты, Ресей тағдыры, философиялық терендік.

Abstract: The article examines the concept of the "steppe soul" in the works of F.M. Dostoevsky, where the steppe symbolizes freedom, loneliness, inner struggle and spiritual quest. Its manifestations in "The Idiot", "Crime and Punishment", "The Brothers Karamazov", as well as its connection with the Russian national character and the fate of Russia are analyzed. The author uses classical and modern research, emphasizing the relevance and philosophical depth of the topic.

Key words: Dostoevsky, steppe soul, symbolism of the steppe, freedom, loneliness, spiritual quest, internal struggle, Russian national character, fate of Russia, philosophical depth.

Цель работы:

– рассмотреть концепцию «степной души» в творчестве Ф.М. Достоевского, где степь символизирует свободу, одиночество, внутреннюю борьбу и духовные поиски.

– доказать, что в произведениях Ф.М. Достоевского образ степи символизирует пространство духовной свободы и человеческой трагедии.

Гипотеза: «В произведениях Ф.М. Достоевского степь символизирует бескрайность, свободу и одиночество, отражая глубокую связь человека с природой, историей и культурой».

Этапы работы: изучение литературы, анализ и синтез информации.

Методы исследования: аналитический, описательный.

Тема работы актуальна и имеет практическую значимость. Данная работа рекомендуется учителям русского языка и литературы, учащимся 8-11 классов, студентам и преподавателям русского языка и литературы в вузах и колледжах, а также всем, кто интересуется данной темой в качестве дополнительного источника информации.

Фёдор Михайлович Достоевский, один из величайших русских писателей XIX века, не раз обращался к теме русского национального характера и души в своих произведениях. В его текстах встречаются образы, символизирующие степь, как пространство духовной свободы и человеческой трагедии. Понятие «степной души» становится своеобразным философским символом, отражающим глубокую связь человека с природой, историей и культурой.

Степь как символ в творчестве Достоевского.

В русской литературе степь часто символизирует бескрайность, свободу и одиночество. У Достоевского степь обретает более сложное философское значение, становясь метафорой внутреннего мира человека. В произведениях писателя она отражает как стремление к духовной свободе, так и борьбу с внутренними противоречиями.

Например, в романе «Идиот» степные мотивы прослеживаются в описаниях природы, которые окружают князя Мышкина. Герой, словно принадлежащий этой степной стихии, воплощает в себе искренность и чистоту,

но при этом сталкивается с непониманием и враждебностью со стороны общества. Этот контраст подчеркивает трагедию «степной души» – души, ищущей гармонию в мире, но находящей только боль и отчуждение.

Достоевский обращает внимание на то, что степь не только географическое пространство, но и пространство философское, наполненное символизмом. Бескрайность степи становится отражением сложной, противоречивой и часто мучительной природы человеческой души. Это пространство, где человек остаётся один на один с собой и с вечными вопросами бытия.

Понятие «степной души».

Термин «степная душа» условно описывает характер, для которого свойственны такие качества, как простота, искренность, глубокая связь с природой и стремление к свободе. Достоевский считал, что русская душа в своей сути несет черты этой степной природы. В его дневниках и письмах можно найти размышления о судьбе России, её духовной миссии и особенностях русского характера. Один из ключевых моментов этих размышлений – идея, что русская душа не терпит уз и ищет духовного обновления через страдание.

В «Братьях Карамазовых» степные мотивы присутствуют в образе Алёши Карамазова. Алёша, несмотря на свою глубоко религиозную натуру, олицетворяет ту самую «степную душу», которая, оставаясь верной духовным принципам, стремится к свободе и правде. Его внутренние метания и поиски смысла жизни напоминают бескрайние просторы степи, где человек сталкивается лицом к лицу с собой и вечными вопросами бытия.

Достоевский часто подчеркивает, что «степная душа» обладает особой чувствительностью и глубиной восприятия мира. Это та душа, которая способна чувствовать каждую деталь окружающей реальности и пропускать её через своё внутреннее «я». Такая связь с природой и миром позволяет героям Достоевского испытывать сильные эмоции и глубокие духовные прозрения.

Степь и идея свободы.

Для Достоевского идея свободы была центральной в его философии. Степь как символ этой свободы появляется в контексте обсуждения судьбы личности в обществе. В романе «Преступление и наказание» степь может быть интерпретирована как символическая перспектива, где Раскольников должен обрести духовное освобождение. Его путь через страдание и покаяние – это своего рода путешествие через степь, в которой он теряет себя, чтобы вновь обрести. *«С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем непохожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила»* [2/2, эпилог, с. 41].

Свобода, по Достоевскому, это не просто отсутствие ограничений, но и ответственность. Степь, будучи бескрайним пространством, символизирует эту двойственность свободы: с одной стороны, она открывает перед человеком безграничные возможности, с другой – требует от него принятия трудных решений и осознания своей роли в мире. Герои Достоевского часто оказываются перед выбором, который определяет их дальнейшую судьбу, и этот выбор нередко связан с их внутренней степной душой.

Важным аспектом «степной души» является также её связь с русской религиозностью. Достоевский видел в степи отражение христианских идей смирения и всепрощения. Образы степи в его произведениях часто ассоциируются с духовным очищением, которое приходит через страдание. Именно в этой связи степь становится пространством, где человек может соединиться с Богом.

Степь, как пространство свободы, одновременно является и пространством испытания. Это место, где человек сталкивается с собственными страхами, сомнениями и противоречиями. В этом смысле степь становится своего рода зеркалом души, где отражаются её самые тёмные и светлые стороны. Герои Достоевского проходят через эти испытания, чтобы обрести новое понимание себя и мира.

Противоречия «степной души».

Однако «степная душа» у Достоевского – это не только свобода и искренность, но и трагедия одиночества, разрыва с обществом. Многие персонажи писателя сталкиваются с невозможностью примирить свою внутреннюю свободу с общественными нормами. Например, герой романа «Бесы» Ставрогин – человек, в котором «степная душа» проявляется в виде безграничной свободы, но она превращается в разрушительную силу.

Противоречивость «степной души» заключается в её двойственной природе. Она одновременно стремится к свету и свободе, но часто оказывается в плену собственных страстей и сомнений. Достоевский показывает, что «степная душа» несёт в себе как созидательный, так и разрушительный потенциал. Она может вдохновлять на подвиги, но также способна привести к трагическому исходу, если человек утрачивает связь с духовными ценностями.

В романе «Идиот» князь Мышкин, олицетворяющий «степную душу», сталкивается с обществом, которое не принимает его искренности и чистоты. Его трагедия заключается в том, что его стремление к добру и правде оказывается несовместимым с реальностью. Эта несовместимость подчёркивает сложность и трагизм «степной души».

Степь как метафора России.

В более широком смысле степь у Достоевского становится метафорой самой России. В его размышлениях о судьбе страны степь символизирует русскую бескрайность, богатство и сложность. Русская душа, как и степь, полна противоречий: она стремится к свободе, но часто теряется в этом стремлении; она искренна, но порой жестока.

Достоевский видел в русской степи символ вечного поиска, который характерен для русского народа. Этот поиск отражается в культуре, истории и

литературе России. Степь становится пространством, где человек может найти себя, но также и потеряться. Эта двойственность делает образ степи особенно значимым в контексте размышлений Достоевского о судьбе России.

В своём дневнике Достоевский писал о необходимости для России сохранить свою духовную самобытность, не потеряться в процессе западной модернизации. Степь в этом контексте – это память о прошлом, источник духовной силы, которая помогает России сохранять свою идентичность.

Кроме того, степь как метафора отражает многослойность русской культуры. В ней сплетаются языческое восприятие природы, православная духовность и народное мировоззрение. Достоевский видел в этом синтезе силу, которая способна преодолевать трудности и вдохновлять на новые достижения. Таким образом, степь становится не просто географическим символом, но и культурным кодом, раскрывающим уникальность русской души.

Степь также символизирует особую связь русского человека с природой. Эта связь проявляется в любви к простору, ощущении свободы и глубокого единения с окружающим миром. Достоевский показывает, что эта связь является неотъемлемой частью русской души и играет важную роль в её формировании.

«Степная душа» в творчестве Достоевского – это глубокий философский и литературный символ, отражающий сложность человеческой природы и русской культуры. Через образы степи и её связь с душой писатель раскрывает важные темы свободы, одиночества, духовного поиска и страдания. *«Соприкосновение с природой есть самое последнее слово всякого прогресса, науки, рассудка, здравого смысла, вкуса и отличной манеры»* [3, с.3]. Это понятие остаётся актуальным и сегодня, напоминая нам о значимости внутренних поисков и гармонии с окружающим миром.

Таким образом мы доказали нашу гипотезу, что степь в произведениях Достоевского степь символизирует бескрайность, свободу и одиночество, отражая глубокую связь человека с природой, историей и культурой, становится пространством, где человек может обрести себя, но также и столкнуться с собственными страхами и сомнениями. Этот символ помогает лучше понять не только творчество Достоевского, но и русскую культуру в целом. «Степная душа» – это воплощение свободы, искренности и духовной силы, которые так ценил и воспевал великий писатель.

Литература:

- 1 Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. – М.: Наука, 1989.
- 2 Дневники и письма Ф.М. Достоевского. – Ленинград, 1976.
- 3 Лотман Ю.М. Символика пространства в русской литературе // Русская словесность, 1984.
- 4 Тихомиров М.А. Философия свободы в произведениях Достоевского. – М.: Издательство Московского университета, 2005.
- 5 Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов. – Берлин: Imwerden, 2019.

6 Чем запомнился пятилетний период жизни Достоевского в Семипалатинске // Казахстанская правда, 2021. – URL: <https://kazpravda.kz/n/chem-zapomnilsya-pyatiletniy-period-zhizni-dostoevskogo-v-semipalatinske/> (дата обращения 03.01.2025).

7 Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Эпilog. – URL: <https://ilibrary.ru/text/69/p.41/index.html/> (дата обращения 08.01.2025).

8 Дневник писателя. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1876/7/>

Котлярова Т.Я.,

кандидат филологических наук,
профессор кафедры филологии
Костанайского филиала

Челябинского государственного университета

Черненко М.А.,

студентка Костанайского филиала

Челябинского государственного университета,

г. Костанай

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙДІН ҚАЗІРГІ ОРЫС ТІЛІНДЕГІ НЕОЛОГИЗМДЕРІНІҢ ҚЫЗМЕТІ

FUNCTIONING OF F. M. DOSTOEVSKY'S NEOLOGISMS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация: В статье представлен анализ авторских неологизмов Ф.М. Достоевского в словообразовательном, семантическом и функциональном аспектах. Приведены примеры употребления неологизмов Ф.М. Достоевского в текстах разных стилей, выявлены отдельные противоречия в лексикографических описаниях анализируемых лексических единиц, сделан вывод о вкладе писателя в обогащение словарного состава русского языка.

Ключевые слова: словообразование, неологизмы, окказионализмы, литературный русский язык, Ф.М. Достоевский.

Аннотация: Мақалада Ф.М. Достоевскийдің авторлық неологизмдерін сөзжасамдық, семантикалық және функционалдық аспектілерде талдау ұсынылған. Әр түрлі стильдегі мәтіндерде Ф.М. Достоевскийдің неологизмдерін қолдану мысалдары келтірілген, талданған лексикалық бірліктердің лексикографиялық сипаттамаларында жеке Қайшылықтар анықталды, жазушының орыс тілінің сөздік құрамын байытуға қосқан үлесі туралы қорытынды жасалды.

Herizgi sөzder: sөzjasam, neologizmdер, okkasionalizmdер, әдеби орыс тілі, Ф.М. Достоевский.

Abstract: The article analyzes F.M. Dostoevsky's neologisms in word-formation, semantic and functional aspects. Examples of F.M. Dostoevsky's neologisms usage in texts of different styles are given, some contradictions in the lexicographic descriptions of the analyzed lexical units are revealed, the conclusion about the writer's contribution to the enrichment of the Russian language vocabulary is made.

Key words: word formation, neologisms, occasionalisms, literary Russian language, F.M. Dostoevsky.

Лексический уровень языка является более динамичным, чем фонетический и грамматический, он отражает изменения в жизни лингвокультурного сообщества посредством появления новых лексических единиц. Основными путями создания неологизмов являются следующие: словообразование по существующим моделям, заимствования из других языков, появление нового значения у существующих лексических единиц (семантическая неология).

В разных сферах жизни образование новой лексики имеет свои особенности. Если речь идет о терминах, то их появление, как правило, связано с именем какого-либо ученого, исследовательского коллектива, научного произведения, то есть, историю таких научных неологизмов в большинстве случаев можно проследить. В обыденной речи чаще всего коллективным автором новых слов является лингвокультурное сообщество, и только в редких случаях знакомые нам слова имеют известные источники – произведения поэтов и писателей, которые создали неологизмы, реализуя конкретные творческие цели.

Следует отметить, что судьба авторских неологизмов может быть различной – одни существуют только в художественном мире произведений, другие могут преодолеть границы текстов, в которых они появились впервые, и стать достоянием всех пользователей языка. Данные процессы, в частности, функционирование и эволюция значений неологизмов Ф.М. Достоевского, требуют дальнейшего изучения и теоретического осмысления, что обеспечивает актуальность темы данного исследования.

Цель данного исследования – проследить изменения значений лексических единиц, созданных Ф.М. Достоевским и вошедших в основной лексический фонд русского языка. Для реализации данной цели использованы метод словообразовательного анализа, метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа.

Как уже отмечалось выше, появление новых слов в языке имеет разную природу. Морфологический способ (словообразовательная деривация) – это производство новых слов на базе имеющихся словообразовательных элементов или слов (в случае словосложения и образования фразеологизмов) по продуктивным моделям. Семантическая неология связана с трансформацией

значения слова в новых контекстах, главным образом посредством метафоризации или метонимического переноса. К заимствованиям можно отнести не только слова, пришедшие из других языков, но и лексические единицы из других регистров языка, диалектов, социолектов [1, с. 654].

В творчестве Ф.М. Достоевского можно выделить несколько видов лексических единиц, впервые введенных им в язык художественной литературы. В частности, широко используются фонетический принцип для передачи особенностей речи персонажей из простого народа, в данном случае речь идет не о собственно неологизмах, а о «новой орфографии», необходимой писателю для создания речевых характеристик персонажей: некрут (вместо рекрут), омрак (вместо обморок), енарал (вместо генерал), астролом (вместо астроном), левизор (вместо ревизор) и т.д. [1, с. 655].

Данные формы, на наш взгляд, следует отнести к заимствованиям из просторечия, то есть, Ф.М. Достоевский не является непосредственным автором этих лексических единиц, он использовал лексические единицы просторечия в новом для них контексте – языке художественного произведения.

Вторую группу представляют неологизмы, созданные по существующим словообразовательным моделям. Среди этих лексических единиц можно выделить подгруппы по функциональному принципу: а) лексические единицы, используемые только в литературных произведениях; б) лексические единицы, покинувшие пределы произведений и ставшие неологизмами на уровне литературного русского языка. Первую группу можно отнести скорее к окказионализмам, поскольку данные лексические единицы создаются для решения какой-либо разовой конкретной коммуникативной ситуации. Например, исследовательница Е.А. Осокина отмечает, что для творчества Ф.М. Достоевского характерно образование глаголов от имен собственных и от нарицательных существительных по существующим моделям: фейербашничать (Пб 20:94) (от имени собств. Фейербах) фаддейбулгаринствующего (Пб 20:56) (от имени собств. Фаддей Булгарин); переевропейть (от Европа), сметафорить (от метафора), слакейничать (от лакей) [1, с. 664-665].

Лексические единицы, относящиеся ко второй группе, подлежат многократному использованию, включены в словари и функционируют подобно «анонимным» лексическим единицам. Именно эти неологизмы являются материалом данного исследования. Отметим, что в обеих группах используются существующие словообразовательные модели, то есть, разграничение этих групп основано не на формальном, а на функциональном принципе.

Рассмотрим несколько примеров.

Многие источники отмечают, что одно из самых известных слов, созданных Ф.М. Достоевским – это глагол «стусеваться», появившийся в повести «Двойник. Приключения господина Голядкина», опубликованной в февральском номере «Отечественных записок» за 1847 г. и затем неоднократно использовавшийся писателем в других произведениях. Ф.М. Достоевский сам заявил о своем авторстве в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877

г., где поместил заметку «История глагола ”стусеваться”». Он писал: «...Мне, в продолжение всей моей литературной деятельности, всего более нравилось в ней то, что и мне удалось ввести совсем новое словечко в русскую речь...» [2, с. 67]. Писатель так объяснял значение этого глагола: «стусеваться» значит «исчезнуть, уничтожиться, сойти, так сказать, на нет. Но уничтожиться не вдруг, не провалившись сквозь землю, с громом и треском, а, так сказать, деликатно, плавно, неприметно погрузившись в ничтожество» [2, с. 66]. Отметим, что многие ученые сомневаются в авторстве Ф.М. Достоевского, в частности, в статье К. Душенко «Был ли Достоевский крестным отцом слова «стусеваться»? приводятся примеры более раннего, чем у Ф.М. Достоевского, употребления данной лексической единицы [3].

Тем не менее, не вызывает сомнений факт, что глагол «стусеваться» вошел в лексический фонд русского языка именно благодаря творчеству Ф.М. Достоевского, однако его значение с течением времени изменилось, глагол стал многозначным. Например, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова дано два значения: «1. Незаметно исчезнуть, удалиться (устар.). 2. Оробеть, смутиться» [4, с. 674]. Как видим, значение, близкое к определению Ф.М. Достоевского, дано с пометой «устаревшее», а второе – актуально для наших дней.

В «Электронном словаре Ушакова» дано три значения глагола «стусеваться»: «1. Стать стусеванным, образовать постепенный переход от темного к светлому, к белому (спец.). 2. перен. Незаметно исчезнуть, удалиться совсем откуда-нибудь (разг.). 3. перен. Оробеть, смутиться, прийти в замешательство от застенчивости, нерешительности (прост.) [5].

В данном случае мы видим, что лексическая единица первоначально употреблялась в профессиональной среде, и затем приобрела новые значения посредством метафоризации, первичной (у Ф.М. Достоевского) и вторичной («метафоры метафоры» в современном языке).

Современные употребления данного глагола:

Фрагмент рецензии на фильм на сайте «Кинопоиск»: «За плечами оператора-постановщика Бенуа Деломма более сорока работ ..., в которых есть за что зацепиться взглядом, но взяв на себя еще и обязанности режиссера в этом фильме он *стусевался* и не смог предложить зрителю ничего интересного в плане визуала» [6].

В публицистических статьях спортивной тематики часто употребляется этот глагол: «Химик», уступая в счете львиную долю времени поединка, *не стусевался*, гнул свою линию, что в итоге и принесло результат; «Пахтакор» в гостях *не стусевался*; Во втором матче дня самарский «Спутник» ничуть *не стусевался* перед грозным «Локомотивом» и др. В 56 примерах, отобранных методом сплошной выборки по результатам поиска в Google и проанализированных в ходе данного исследования, глагол «стусеваться» употреблялся в значении «Оробеть, смутиться, прийти в замешательство от застенчивости, нерешительности». Отметим также, что в большинстве случаев (48) глагол употреблялся в отрицательной форме, то есть, использовался в качестве литоты в значении «действовать смело, решительно». На основании анализа можно сделать вывод, что помета «просторечное», сохранившаяся в

некоторых словарях, не соответствует действительному положению дел, поскольку данная лексическая единица активно употребляется не только в разговорной речи, но и в публицистике, художественной литературе.

Еще один глагол – «лимонничать» – также вышел за рамки литературного текста Ф.М. Достоевского, но имеет гораздо меньшую интенсивность употребления. Так, он не вошел в «Словарь русского языка» С.И. Ожегова (1986 год) и в электронную версию словаря (в отличие от «стусеваться»), но зафиксирован на сайте Академик в словаре Ушакова: ЛИМОННИЧАТЬ, (прост. фам. ирон.). Нежничать, любезничать, жеманничать [7]. Обратим внимание, что присутствуют пометы «просторечное, фамильное, ироничное».

В ходе исследования примеры употребления данного глагола в словарном значении встречались только в художественных произведениях и словарных статьях, в публицистических текстах данный глагол не встретился, за исключением каламбура «лимонничал и бегбедерствовал» в одной из критических статей, но в данном случае имелись в виду писатели Э. Лимонов и Ф. Бегбедер, обыгрывалось совпадение глагола «лимонничать» в словарном значении с глаголом, образованным от фамилии писателя Э. Лимонова [7].

Таким образом, мы видим, что у этих двух глаголов разные судьбы, но общим является то, что они обогатили русский язык и дали возможность пользователям языка более точно выражать свои мысли. Произведения Ф.М. Достоевского внесли вклад не только в художественное отображение и философское осмысление действительности, но и в формирование и обогащение русскоязычной картины мира.

Литература:

1 Осокина Е.А. Авторские неологизмы и окказионализмы. Феномен «Маленького героя» Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskie-neologizmy-i-okkazionalizmu-fenomen-malenkogo-geroya-f-m-dostoevskogo>

2 Достоевский Ф.М. История глагола «стусеваться» // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1984. – Т. 26. – С. 65-67.

3 Душенко К. Был ли Достоевский крестным отцом слова «стусеваться»? // Вестник культурологии. – 2019. – №4 (91). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byl-li-dostoevskiy-krestnym-ottsom-slova-stushevatsya>

4 Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.

5 Стусеваться // Электронный словарь Ушакова. – URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/%D1%81%D1%82%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F>

6 Рецензия на фильм «Материнский инстинкт» // Кинопоиск – URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/4967684/>

7 Лимонничать // Электронный словарь Ушакова. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/850318>.

Крамаренко Ю.А.,
старший преподаватель кафедры филологии,
Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,
г. Костанай

ОТ РАСКОЛЬНИКОВА ДО МЫШКИНА: СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В МИРЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Статья посвящена анализу социальной компетентности у персонажей Ф.М. Достоевского. Рассматривается, как различные компоненты социальной компетентности проявляются в действиях и внутреннем мире ключевых героев произведений писателя, с точки зрения их способности взаимодействовать с обществом, принимать моральные решения и адаптироваться в сложных социальных ситуациях.

Ключевые слова: социальная компетентность, социальные нормы, социальные ценности, взаимодействие, мотивация.

Социальная компетентность как ключевая составляющая личности, обеспечивающая успешное функционирование в социальной среде, является важным объектом исследования в области педагогики, психологии и социальной работы. Наличие и высокий уровень социальной компетентности позволяет людям эффективно взаимодействовать с окружающим миром, ориентироваться в социальных нормах и активно адаптироваться в различных ситуациях.

Произведения Ф.М. Достоевского, обладающие глубоким психологизмом и социальной направленностью, предоставляют уникальную возможность для анализа проявлений социальной компетентности у персонажей. Герои его романов сталкиваются с важнейшими моральными и социальными вопросами, что делает их прекрасным материалом для исследования в контексте развития социальной компетентности. Отношения героев с окружающим миром, их реакции на социальные нормы, мотивация поступков, а также способность эффективно адаптироваться в нестандартных ситуациях показывают, насколько важным является понимание и применение социальной компетентности для успешной социальной интеграции.

Цель данной работы – провести анализ героев Ф. Достоевского с точки зрения наличия социальной компетентности, выявив их слабые и сильные стороны в контексте взаимодействия с обществом. В ходе исследования будут рассмотрены ключевые персонажи произведений писателя, такие как Родион Раскольников, князь Мышкин, Дмитрий Карамазов, Соня Мармеладова и другие, через призму социального функционирования и морального выбора, с

акцентом на важность социального восприятия и поведенческих реакций в меняющемся обществе.

Анализ подходов и мнений к определению социальной компетентности, входящих в ее состав компонентов, ее содержания такими исследователями в области педагогики, психологии, социологии, как Т. В. Антонова, Е. Ф. Бехтенова, Д. С. Егоров, Н. В. Калинина, А. В. Кирьякова, Е. В. Коблянская, С. Н. Краснокутская, В. Н. Куницына, М. И. Лукьянова, В. Г. Первутинский, С. А. Писарева, С. А. Хазова и др., позволяет делать вывод, что социальная компетентность, прежде всего, рассматривается как совокупность личностных качеств, которые обеспечивают адаптацию человека, его интеграцию и взаимодействие с обществом.

Исследователь И.А. Зимняя, указывая на то, что компетентности формируются в социуме, подчеркивает социальный характер всех компетентностей [3].

В состав социальной компетентности, по мнению И.А. Зимней [3], входят компоненты:

- готовность к проявлению компетентности (мотивационный компонент);
- владение знанием содержания компетентности (когнитивный компонент);
- опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (поведенческий компонент);
- отношение к содержанию компетентности и объекту ее приложения (ценностно-смысловой компонент).

Краснокутская С.Н. считает, что структура социальной компетентности состоит всего из двух основных компонентов: содержательного, включающего социальные знания, и операционального (прикладного), включающего владение технологией деятельности, то есть социальные умения и навыки [5].

Каменская Е.В. же выделяет личностный, когнитивный, деятельностный и нравственно-ценностный компоненты социальной компетентности [4].

Борисенко Е.Н. считая социальную компетентность объединением неких парциальных компетенций, видит в каждой из них когнитивный, аксиологический, мотивационный, поведенческий, эмоционально-волевой и персональный компоненты, проявляющие свою интегративную целостность как компетентность в деятельности. Содержание компонентов обусловлено спецификой формируемых парциальных компетентностей [1].

Мы в данной статье рассмотрим наличие мотивационного, когнитивного, поведенческого и ценностно-смыслового компонентов в структуре личности персонажей Ф.М. Достоевского.

Мотивационный компонент. Герои Ф.М. Достоевского часто сталкиваются с моральными дилеммами и внутренними конфликтами, что может влиять на их мотивацию в разных ситуациях.

Мотивация Раскольникова к убийству основана на идее о «великих людях», которым можно оправдать преступление ради высшей цели. Однако его готовность к проявлению социальной компетентности оказывается недостаточной: он не способен правильно оценить моральные последствия

своих действий и не осознает в полной мере социальные нормы. Его внутренняя борьба и стремление оправдать свои поступки показывают слабую мотивацию к проявлению социальной компетентности.

Князь Мышкин, напротив, демонстрирует высокую готовность к проявлению социальной компетентности, но его идеалистический взгляд на мир и неспособность учесть реалии социальной жизни часто становятся причиной его несоответствия общественным ожиданиям. Мышкин не учитывает реальные потребности людей и их манипуляции.

Когнитивный компонент. Знание социальной реальности, способность оценить действия других людей и учитывать социальные нормы – важный аспект социальной компетентности.

Раскольников, возможно, имеет теоретическое представление о социальной роли и социальной справедливости, но его понимание этих понятий и действительность общественных норм ограничено. Он не понимает, как его действия могут повлиять на других, и не осознает важности социальных связей, что приводит его к трагическим последствиям.

Дмитрий Карамазов прекрасно осведомлен о социальных нормах, однако его эмоциональная вовлеченность и импульсивность часто приводят к социальным ошибкам. Несмотря на знание общественных ожиданий, он не всегда может правильно их применять.

Поведенческий компонент. Этот компонент социально компетентного поведения включает способность применять свои знания и навыки в реальных, как стандартных, так и нестандартных ситуациях.

Соня проявляет высокий уровень социальной компетентности в отношении других, несмотря на свою сложную жизненную ситуацию. Ее способность адаптироваться в разных социально-неблагоприятных ситуациях, помогать Раскольникову, проявлять сострадание, говорить с людьми – это пример высокого уровня поведенческой компетентности.

Поведение Ставрогина иллюстрирует скорее обратную сторону – неспособность применять свои знания о социальных нормах и отношениях в реальных ситуациях, что приводит к его моральной деградации и трагическим последствиям для других.

Ценностно-смысловой компонент. В этом контексте важно понимать, как герои воспринимают социальные нормы, отношение к другим людям и обществу в целом.

Алисей в какой-то степени идеализирует мораль, но его отказ от участия в жизни общества и склонность к уходу в уединение демонстрируют незрелое отношение к социальным обязанностям. Он не видит ценности в активной социальной жизни и взаимодействии с людьми, что ограничивает его социальную компетентность.

Отношение к миру Федора Павловича Карамазова сводится к поиску удовольствий и манипуляциям, что указывает на низкий уровень ценностного компонента социальной компетентности.

Таким образом, герои Ф.М. Достоевского часто сталкиваются с внутренними конфликтами, сомнениями в правильности своих поступков и

моральными дилеммами, что ограничивает их способность проявлять полноценную социальную компетентность. Хотя многие из них осведомлены о социальных нормах и правилах, они либо не могут применить эти знания в реальных ситуациях, либо не учитывают важность моральных и социальных ценностей. Это делает их персонажи отличным объектом для анализа в контексте социальной компетентности.

Литература:

1 Борисенко Е.Н. Педагогическое сопровождение формирования социальной компетентности студентов вузов: автореф. дис. ... доктора пед наук. – Кемерово, 2013. – 38 с.

2 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.] – Наука. Ленинградское отделение, 1972-1990.

3 Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.

4 Каменская Е.В. Формирование социальной компетентности в социокультурной среде среднего профессионального образования: автореф....дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. – 32 с.

5 Краснокутская С.Н. Формирование социальной компетентности студентов вуза: дисс. ... канд. пед. наук. – Ставрополь, 2006. – 178 с.

Кусаннова А.М.,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры филологии,

Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,

г. Костанай

СТЕПЬ КАК ВМЕСТИЛИЩЕ ДУШИ

ДАЛА ЖАН СЫЙЫШЫ РЕТИНДЕ

STEPPE AS A REFLECTION OF THE SOUL

Аннотация: В статье рассматриваются особенности изображения Ф.М.Достоевским жизни ссыльных каторжан середины XIX века на примере собственного опыта, основные черты русского помещичьего быта и киргизской степи, содержащие черты автобиографизма и исторической достоверности описываемых в произведениях событий, а также занимательного сюжета и вызывающие познавательный интерес.

Ключевые слова: степь, каторга, ссылка, широта души, русско-казахские связи, менталитет, заключённые, помещики, Семипалатинск, Чокан Валиханов, Ф.М. Достоевский, взаимодействие культур.

Аннотация: Мақалада Ф.М. Достоевскийдің 19 ғасырдың ортасындағы жер аударылған сотталғандардың өмірін суреттеу ерекшеліктері, оның өмірбаяндық ерекшеліктері мен тарихи шынайылығын қамтитын орыс помещиктерінің өмірі мен қырғыз даласының өз тәжірибесін мысалға ала отырып қарастырылады. Шығармаларда суреттелген оқиғалар, сонымен қатар қызықты сюжетті және танымдық қызығушылықты оятады.

Кілт сөздер: дала, ауыр еңбек, жер аудару, жан кеңістігі, орыс-казак байланыстары, менталитет, тұтқындар, помещиктер, Семей, Шоқан Уәлиханов, Ф.М. Достоевский, мәдениеттердің өзара байланысы.

Abstract: The article examines the features of F. M. Dostoevsky's depiction of the life of exiled convicts in the mid-19th century using the example of his own experience, the main features of Russian landowner life and the Kyrgyz steppe, containing features of autobiography and historical authenticity of the events described in the works, as well as an entertaining plot and arousing cognitive interest fo his creativing.

Key words: steppe, hard labor, exile, breadth of soul, Russian-Kazakh velanionships, mentality, prisoners, landowners, Semipalatinsk, Chokan Valikhanov, F.M. Dostoevsky, interaction of cultures fo his creativing.

Актуальность данной работы связана с непреходящей ценностью творчества Ф.М. Достоевского в настоящее время, так как писатель обращался к вопросам нравственности и глубокого психологизма в своих произведениях, показывая широту души русского человека, поднимая философские проблемы шекспировского масштаба и личной ответственности каждого человека за свои поступки, что не теряет своей значимости до сих пор.

«У казахов есть мудрая пословица, которая в переводе на русский означает: «враг скажет так, что развеселишься, а друг скажет так, что заплачешь». Своему Казахстану я желаю только добра и руководствуюсь взглядами Абая. Никто сильнее, чем Абай, не критиковал казахов, никто не говорил о своем народе более острых и горьких слов, чем Абай. О России никто не говорил более горьких слов, чем Ф.М. Достоевский, М.Ю.Лермонтов, М.Е.Салтыков-Щедрин, а делали они это из великой любви к своей Родине», – отмечал известный казахстанский писатель, критик, переводчик и общественный деятель Г.К. Бельгер [1].

Ф.М. Достоевский и казахская степь, Ф.М. Достоевский и Семипалатинск, Ф.М. Достоевский и Ч. Валиханов – эта тема хорошо известна каждому современному образованному человеку и широкому кругу читателей. Русско-казахские связи знаменитого русского писателя нашли яркое отражение в его произведениях, созданных в период ссылки, в числе которых «Дядюшкин сон», «Записки из Мертвого дома», «Село Степанчиково и его обитатели», а

также были закреплены искренней и трепетной дружбой, известной перепиской с первым казахским учёным – историком и географом – Чоканом Валихановым. К юному Чокану он относился как к младшему другу, брату и единомышленнику. Несмотря на разницу в возрасте в 14 лет, их связывали глубокие познания в области литературы и философии, одинаковое отношение к несправедливости общественного строя, а также обращение к морально-нравственным ценностям человечества в жизни и творчестве. Духовно-нравственная переключка двух гениев скрепляла эту дружбу представителей двух разных культур и менталитетов. Встречались они позже и в Санкт-Петербурге, обращались друг к другу на «ты», писали письма, в которых делились впечатлениями о прочитанном, обменивались мнениями по тому или иному вопросу, говорили о своей искренней привязанности друг к другу, родственности душ.

Например, в письме к Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 года Ф. Достоевский писал: *«Я никогда и ни к кому, даже и не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к вам, и бог знает, как это сделалось. Тут можно многое сказать в объяснение, но чего вас хвалить! А вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если бы на эту тему написать 10 книг – ничего не напишешь: чувство и влечение – дело необъяснимое»* [2]; *«Здесь уже начало киргизской Степи, – писал Ф. Достоевский в письме к родному брату. – Город довольно большой и людный. Азиатов множество. Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая степь. В нескольких верстах от города бор, на многие десяти, а может быть и сотни верст. Здесь все ель, сосна, да ветла, других деревьев нету. Дичи тьма. Порядочно торгуют, но европейские товары так дороги, что пристоупу нет. Как-нибудь напишу тебе о Семипалатинске подробнее, он стоит того...»* [2].

Слово *Степь* автор писал с большой буквы, тем самым выражая большую любовь и глубокое уважение к земле казахов, изучая их традиции и обычаи, понимая, какое значение сыграла она в развитии его литературной деятельности и мировоззрения. Ф.М. Достоевский оставил свои зарисовки о казахской земле в произведениях периода ссылки, а в трудах Ч. Валиханова мы видим серьёзное изучение произведений древнерусской литературы, тем самым способствуя взаимообогащению и взаимодействию двух культур – европейской и восточной.

Впервые с впечатлениями автора о казахской земле мы знакомимся в самом известном романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: *«Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем непохожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников*

сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила. Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился» [3, с. 572].

В 1854-1859 годах писатель находился в ссылке на территории Казахстана. Именно здесь возобновляется литературная деятельность писателя, крепнет его художественный талант, с особой силой изображает он характеры, как новых, так и уже знакомых нам персонажей – от деревенских помещиков, городских чиновников, многочисленных великосветских дам и барышень, отставных военных, бедных студентов, целого ряда «униженных и оскорблённых», «бедных людей» – до арестантов, преступников, представителей тюремно-острожной администрации, интеллигенции и прочего разношёрстного люда.

Введение к «Запискам из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского открывается следующим описанием города Семипалатинска: *«В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, с двумя церквями – одной в городе, другой на кладбище, – города, похожие более на хорошее подмосковное село, чем на город»* [4, с. 3]. В следующем отрывке из данного произведения он продолжает с внутренней симпатией и теплотой описывать данную местность: *«Всё для меня здесь было дорого и мило: и яркое, горячее солнце на бездонном небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Взглядываешь далеко и разглядишь, наконец, какую-нибудь бедную обкуренную юрту какого-нибудь байгуша: разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то хлопочет со своими двумя баранами. Все это бедно и дико, но свободно»* [4, с. 5].

Собственные впечатления каторжника-острожника он передаёт довольно правдиво, высокохудожественно и занимательно, показывая характеры разных людей, представителей разных национальностей и разного сословия, социального статуса – от деклассированных элементов до случайно очутившихся в страшном месте неопределённого вида личностей, окружающих его в эти тяжёлые годы. О каждом из них Достоевский пишет заинтересованно, с уважением, желанием понять душу грешника и причины, побудившие его попасть на каторгу, ведь основная задача литературы, по его мнению, «будить человека в человеке», суметь разглядеть даже в самом закоренелом преступнике его самые лучшие стороны.

Отсюда именно собственное положение каторжанина, волею судьбы оказавшегося сначала в Омске, затем в Семипалатинске, помогает автору самому прочувствовать и осознать происходящее и попытаться осмыслить его и глазами других заключённых. Он очень подробно описывает своих героев, давая не только их портретную характеристику, показывая события прошлого, но и отмечая постепенную динамику их нравственного развития или, наоборот, проявления ещё большего зверства, дикости и отчаяния в условиях длительного и, казалось бы, беспросветного каторжного существования.

В повести «Записки из Мертвого дома» Достоевский, изучая образы и характеры «сидельцев» разных национальностей, показывает братьев – дагестанских татар, младшего из которых, красивого, доброго и воспитанного Алея, любимца старших братьев, он обучил грамоте и письму, научил говорить на русском языке, проникся к нему любовью и уважением, каким впоследствии окажется его дружба с казаком Ч. Валихановым: *«Вся душа его выражалась на его красивом, можно даже сказать – прекрасном лице»* [4, с. 16]. *«Никогда не забуду, как он выходил из острога. Он отвел меня за казарму и там бросился мне на шею и заплакал. «Ты для меня столько сделал, столько сделал, – говорил он, – что отец мой, мать мне бы столько не сделали: ты меня человеком сделал, бог заплатит тебе, а я тебя никогда не забуду...»* [4, с. 17].

Язык произведения отличается как разговорной речью, передающей диалоги общения заключённых между собой, так и стилистически выверенными философскими рассуждениями и монологами с использованием фразеологизмов, пословиц и поговорок, устойчивых выражений, подчёркивающими разное поведение и черты характера людей, находящихся в долгой изоляции от остального общества и вынужденных смириться со своим положением: *«Не испытав, нельзя судить о некоторых вещах. Скажу одно: что нравственные лишения тяжелее всех мук физических. Простолудин, идущий в каторгу, приходит в свое общество, даже, может быть, еще в более развитое. Он потерял, конечно, много – родину, семью, все, но среда его остается та же. Человек образованный, подвергающийся по законам одинаковому наказанию с простолудином, теряет часто несравненно больше его. Он должен задавить в себе все свои потребности, все привычки; перейти в среду для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом... Это – рыба, вытасченная из воды на песок... И часто для всех одинаковое по закону наказание обращается для него в десятеро мучительнейшее. Это истина... даже если б дело касалось одних материальных привычек, которыми надо пожертвовать»* [4, с. 17-18].

«– Ишь, наговорил! На трех возах не вывезешь.

– Чего наговорил? Перед дураком шапки не снимают известно. Чего ж он от ланцета кричит? Любил медок, люби и холодок, терпи, значит.

– Да тебе-то что?

– Нет, братцы, – перебил один из наших арестантиков, – рожки ничего; я испробовал; а вот нет хуже боли, когда тебя за ухо долго тянут.

Все засмеялись.

– А тебя нешто тянули?

– А ты думал нет? Известно, тянули.

– То-то уши-то у тебя торчком стоят» [4, с. 52].

И автор приходит к такому выводу о безнадежном существовании людей, лишённых определённых желаний и свободы, которым неизбежно приходится смириться со своей участью: *«Да, живуч человек! Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение»* [4, с. 2].

Встречая разных людей, наблюдая за ними и испытывая их отношение к себе – участливое или равнодушное – Достоевский подчёркивал: *«Везде есть люди дурные, а между дурными и хорошие, – спешил я подумать себе в утешение, – кто знает? Эти люди, может быть, вовсе не до такой степени хуже тех остальных, которые остались там, за острогом». Я думал это и сам качал головою на свою мысль, а между тем – боже мой! – если б я только знал тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!* [4, с. 18].

Этот опыт каторжанина для писателя действительно оказался своего рода «школой жизни», проверки на прочность и ценности встреч с людьми, оставившими глубокий след в его душе и послужившими затем прототипами и яркими типажам его последующих произведений.

В повести «Дядюшкин сон» писатель создал образы представительниц слабого пола – помещиц, княжон, генеральш, напоминающих персонажей фамусовского общества бессмертной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» и одновременно представительниц салона Анны Шерер из романа Л.Н.Толстого «Война и мир», жаждущих богатства, славы, любви по расчёту, не гнушаясь никакими средствами для достижения своей цели, и наряду с ними был воссоздан образ Зинаиды Афанасьевны, продолжающей ряд гордых, обладающих чувством собственного достоинства, сильных и способных к самопожертвованию героинь произведений Достоевского, обладающих прекрасной внешностью и незаурядным умом, в числе которых Авдотья Раскольникова, Сонечка Мармеладова, Настасья Филипповна, Грушенька, Варенька Добросёлова.

Комичная на первый взгляд ситуация, связанная с борьбой местных обывательниц за внимание и, возможно, руку и сердце богатого князя Т., метко прозванного Достоевским «мертвецом на дружинах», всё ещё хорохорящего на людях, но старого, беззащитного и плохо воспринимающего происходящее вокруг него, показывает лицемерие, фальшь, плохо скрываемую ненависть и зависть людей по отношению друг к другу, притворяющихся любящими родственниками, верными подругами и жёнами, внимательными и отзывчивыми к близким. Свои поступки они объясняют холодным расчётом: *«Обман простителен для спасения человеческой жизни. Обнадежь его, обещай ему, наконец, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замуж, когда овдолеешь. Всё на свете можно сказать благородным образом»* [5, с. 15].

Повесть заканчивается раскрытием интриг Марьи Александровны, её ссорой с старинными подругами и неожиданной смертью старика, но она всё-таки добивается своего, выдав в скором времени дочь Зиночку за генерала, а «дядюшкин сон» звучит как аллегория безнравственных и беспощадных по своей сути поступков представителей высшего общества, стремящихся во что бы то ни стало занять своё место на «празднике жизни», буквально идя по трупам других людей, пусть даже ценой их смерти или потерей чести своих родных.

Таким образом, и в этом произведении Ф.М. Достоевский продолжает традиции русской литературы, поднимая вслед за А.С. Пушкиным, Н.В.Гоголем, И.С. Тургеневым темы «маленького человека», «униженных и

оскорблённых», «лишних людей», «отцов и детей», освещая морально-нравственные проблемы современного ему общества. Находясь в Казахстане, он продолжал создавать образы русских людей, обращаясь к тем же темам и сюжетам, которые волновали его на протяжении всего жизненного и творческого пути.

«Записки из Мертвого дома» сближают его с творчеством авторов XX-XXI веков Валаамом Шаламовым, Александром Солженицыным, Иваном Шеголихиным, обращавшимся к лагерной теме и образу русского человека, сумевшего выжить и не сломиться в невыносимых условиях бытия, сохранив в себе лучшие человеческие качества, и этим он близок и понятен современным читателям, верящим в то, что, по словам Достоевского, *«мир спасут красота и доброта»*.

«Кто-то стучится, кто-то, живой человек, с новым словом хочет отворить дверь и войти...» [2], – отмечал Достоевский в «Дневнике писателя» в XIX веке, и эти слова в наши дни звучат как никогда актуально и своевременно, побуждая к активным действиям и поступкам. С высоты XXI века ему вторил Г.К. Бельгер, радуя за развитие современной казахской и русскоязычной литературы нашей страны: *«Надо же... Достоевский это расслышал. А наши писаки не слышат. Неужели никто не стучится? Неужели на горизонте казахских степей не появился новый человек с новым словом? Неужели никто не пытается отворить дверь? ...Меня это тревожит. Упорно чудится, мерещится, будто кто-то должен прийти и решительно постучать в дверь. И даже отворить ее... Интересно – кто?»* [6, с. 341]. И вопрос этот, возможно риторический, звучит свежо и актуально до сих пор.

Литература:

1 Бельгер Г. Я хотел бы, чтобы у меня судьба была как у Гёте // Закон КЗ. – 25 января 2015 г. – <https://www.zakon.kz/stati/4684839-gerold-belger-ia-khotel-by-chtoby-u-menia-sudba-by-la-kak-u-giote.html>

2 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. – Т.27: Дневник писателя 1881. Автобиографическое. Dubia: публицистика, письма. – Л.: «Наука», 1984. – 463 с.

3 Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – Л.: «Наука», 1989. – 575 с.

4 Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. – Л.: «Наука», 1972. – 326 с.

5 Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон; Село Степанчиково и его обитатели; Скверный анекдот; Зимние заметки о летних впечатлениях: повести и рассказ. – Л.: «Лениздат», 1982. – 443 с.

6 Бельгер Г. – Алматы, «Балалар әдебиеті», 2012. – Вольные строки: Публицистика. – 536 с.

Слесарева Т.П.,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой белорусской и русской филологии
Витебского государственного университета
имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

**АДЪЕКТИВНЫЕ И ПРЕДИКАТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ
КАК СРЕДСТВА РЕАПРЕЗЕНТАЦИИ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ
ПОВЕСТИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «БЕЛЫЕ НОЧИ»**

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙДІН "АҚ ТҮНДЕР" ӘНГІМЕСІНІҢ БАСТЫ
КЕЙІПКЕРІН ҚАЙТА КӨРСЕТУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ АДЪЕКТИВТІ
ЖӘНЕ ПРЕДИКАТИВТІ КОМБИНАЦИЯЛАР**

**ADJECTIVAL AND PREDICATIVE COMBINATIONS AS A MEANS
OF RE-REPRESENTING THE MAIN CHARACTER OF
F.M.DOSTOEVSKY'S NOVELLA "WHITE NIGHTS"**

Аннотация: В статье на примере образа главной героини повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи» показывается, как учет лексической сочетаемости номинаций героев с существительными, прилагательными и глаголами в художественном тексте дает возможность характеризовать конкретными языковыми данными качества героев художественных произведений, различая их по гендерному признаку.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, повесть «Белые ночи», гендер, адъективные сочетания, предикативные сочетания, средства репрезентации

Аннотация: Мақалада Ф.М. Достоевскийдің "Ақ түндер" әңгімесінің басты кейіпкерінің бейнесі мысалында кейіпкерлердің номинацияларының көркем мәтіндегі зат есімдермен, сын есімдермен және етістіктермен лексикалық үйлесімділігін есепке алу көркем шығармалар кейіпкерлерінің қасиеттерін нақты тілдік мәліметтермен сипаттауға, оларды гендерлік жағынан ажыратуға мүмкіндік беретіні көрсетілген.

Негізгі сөздер: Ф. М. Достоевский, "Ақ түндер" повесі, гендер, адъективті комбинациялар, предикативті комбинациялар, бейнелеу құралдары

Abstract: Using the example of the image of the main character in F. M. Dostoevsky's novella "White Nights", the article shows how taking into account the lexical compatibility of hero nominations with nouns, adjectives and verbs in a literary text makes it possible to characterize the qualities of the heroes of works of fiction with specific linguistic data, distinguishing them by gender.

Keywords: F.M. Dostoevsky, the story "White Nights", gender, subjective combinations, predicative combinations, means of representation

В последние десятилетия в языкознании сформировалось новое направление, изучающее взаимосвязь пола и языка, получившее название гендерная лингвистика, где под гендером понимают не столько физические различия между мужчиной и женщиной, сколько набор характеристик, которые идентифицируют социальное поведение мужчин и женщин и отношения между ними.

Язык фиксирует различные для мужчин и женщин способы их номинации, внешнюю характеристику, функциональные обязанности.

Особенно это обнаруживается при анализе художественных текстов, главными героями которых выступают Он и Она. Поэтому нам представляется актуальным обращение к повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи», которая вышла в свет в 1848 году и до сих пор пользуется популярностью у читателей. [1].

Цель данной работы состоит в выявлении лексических маркеров репрезентации образа главной героини повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи», среди которых основными выступают адекативные и предикативные сочетания.

Таким образом, предметом анализа выступили имена существительные, прилагательные и глаголы, которые наряду с главным своим назначением служат средствами представления главных героев повести.

В качестве **материала** исследования были использованы 173 имени существительных, 75 имен прилагательных и 803 глагола, репрезентирующих главную героиню повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи».

Исследование фактического материала проведено с использованием комплекса **методов**, к которым относятся: метод сплошной выборки, классификационный метод, описательный метод, а также приемы статистической обработки результатов исследования.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования основных положений и конкретного материала, полученного в ходе анализа, в школьной практике преподавания раздела «Лексика», а также на уроках русской литературы, на факультативах по лексико-стилистической интерпретации художественного текста.

Литературоведы выделяют двух центральных персонажей повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» – повествователя и Настеньку.

Главный герой повести – добрый и романтичный молодой человек, Мечтатель. Он прожил уже восемь лет в Петербурге, но не смог найти в этом городе друзей.

Однажды ночью Мечтатель, как обычно, прогуливается по Петербургу, защищает девушку от пьяного гражданина и знакомится с ней. Эту девушку зовут Настенька. Мечтатель узнает, что Настенька любит одного человека, который уехал в Москву, но обещал вернуться за ней ровно через год после расставания. Настенька ждет его, но он не появляется. Мечтатель утешает Настеньку во время их встреч и ждет вместе с ней появления этого молодого человека. Мечтатель даже передает письмо от Настеньки к ее любимому через знакомых. Конечно, одинокий Мечтатель влюбляется в Настеньку. Но он знает,

что сердце Настеньки принадлежит другому. В четвертую встречу Мечтатель признается Настеньке в любви. И Настенька отвечает согласием Мечтателю, потому что ее любимый «жилец» забыл о ней. Настенька и Мечтатель решают быть вместе. Но счастье Мечтателя длилось недолго. В конце четвертой ночи Настенька и Мечтатель встречаются на улице того самого молодого человека. Настенька уходит с ним, оставляя Мечтателя одного.

Главная особенность произведений Достоевского – глубокий психологический анализ ситуаций и героев, которых автор успевает наделить своей особенной судьбой, историей и характером.

Для изображения своих героев автор использует различные языковые средства, среди которых наибольшую нагрузку несут имена существительные, имена прилагательные и глаголы.

173 имени существительных представляют главную героиню.

Имя главной героини звучит многократно. Антропоним *Настенька* встретился на страницах повести 137 раз. Имя Анастасия греческого происхождения – «воскрешающая». И действительно, благодаря встрече с Настенькой Мечтатель познает, что такое счастье – реальное, живое и настоящее. Она – наивная, простая мечтательница 17 лет. *Ангельчик, ангел, дружочек, дитя, друг мой, незнакомка, доброе сердце, бедняжка* – так называет Ф.М. Достоевский свою героиню, именуя ее словами с оценочными суффиксами.

К главной героине повести относится 75 имен прилагательных.

Настенька, как и Мечтатель, мало видела в жизни. Она живет с бабушкой, которая прищипливает внучку булавкой, чтобы та не убежала. В сочетании с именем героини встречается такой эпитет, как *прищипленная* (2 словоупотребления).

Девушку репрезентируют такие прилагательные, как *милая* (8 словоупотреблений), *веселая, достойная, добрая, простая* (по 2 словоупотребления), *гордая, беззащитная, откровенная, робкая, нежная*.

Встречаются в сочетании с номинацией главной героини и такие имена прилагательные, как *несчастливая, бедная, одинокая*.

Однако у Настеньки есть пережитая ею «история» и надежда на ее продолжение. Прилагательное *счастливый* в сочетании с именем героини нами зафиксировано 4 раза.

Одним из приемов, с помощью которых авторы художественных произведений описывают сущность человека, является выделение в нем тех или иных признаков, создаваемых деятельностью.

В текстах названия таких признаков часто представлены глаголами.

Мы выделяем (классификация Васильева) [2] в составе собранной нами глагольной лексики десять тематических групп: глаголы состояния, глаголы мысли, глаголы речи, глаголы чувств, глаголы движения, глаголы разрушения, глаголы созидания, глаголы изменения состояния, глаголы контактирования и глаголы, обозначающие биологические процессы. При этом количественный состав данных групп различный.

Первое место в сочетании с номинацией героини занимают глаголы речи.

И Настенька раскрывается перед читателями через рассказ своей «истории». Поэтому самыми частотными глаголами этой группы оказались такие глаголы, как *говорить* (31 словоупотреблений), *сказать* (45 глаголоупотреблений).

Глаголы чувства занимают в сочетании с именем Настеньки второе место. Это служит еще одним доказательством того, что произведения Достоевского – это романы чувств и идей. С ним в мировую литературу вошел особый способ активизации жизни, ориентирующийся в первую очередь на психологию героев.

Ф. М. Достоевский определил жанр своего произведения «Белые ночи» как «сентиментальный роман».

Среди глаголов анализируемой группы нами зафиксированы *любить* (29), *чувствовать* (4), *простить* (5).

Однако с каждым именем героев сочетаются и такие глаголы чувств, которые наиболее ярко раскрывают черты мужского и женского характера.

Так, в сочетании с именем Настенька – *бояться*, *терзать*, *нашалить*, *жалеть*, *перепугаться*, *струсить*, *страдать*.

Как отмечали критики, для главных героев произведений Ф.М. Достоевского сперва «необходимо мысль разрешить» [3, с. 99-100].

Интенсивный семантический признак (3 место) выражен группой глаголов, обозначающих мыслительные процессы героев. Частотными в этой группе оказались глаголы *знать* (39), *думать* (15), *догадаться*, *помнить*.

В сочетании с именем Настенька нами зафиксированы такие глаголы данной тематической группы, как *выучиться*, *раздумывать*, *разузнать*, *решишь*, *считать*, *угадать*, *убедиться*.

М. Бахтин подчеркивает, что для произведений Ф.М. Достоевского характерна также «катастрофическая скорость действия», «динамика». Эта особенность, безусловно, должна проявляться в соответствующих действиях и перемещениях героев. Глаголы движения по абсолютной численности употреблений занимают в сочетании с именем Настеньки 6 место.

Наряду с глаголами *прийти* (11 словоупотреблений), *пойти* (3), *поехать* (3), с ее именем сочетаются такие глаголы, как *броситься*, *мелькнуть*, *порхнуть*, *скользнуть*, *рванулась*.

Среди глаголов контактирования, которые разместились на 5 месте, в сочетании с именем Настенька зафиксировано больше таких, которые характеризуют поведение женщины: *выйти замуж* (3 словоупотребления), *довериться*, *прижиматься*, *ласкаться*, *поцеловать*. А еще нами зафиксированы глаголы *отшпилить* (2) и *давать урки*.

В сочетании с именем Настенька частыми оказались такие глаголы, обозначающие биологические процессы, как *плакать* (9), *заплакать* (4), *зарыдать*, *залиться слезами*, *удариться в слезы*.

Слова таких малочастотных тематических групп, как глаголы существования, созидания и разрушения находятся в сочетании с номинацией героини на последних позициях.

Так, например, среди глаголов изменения состояния в сочетании с

именем Настенька нами зафиксированы такие глаголы, как *заработать, оробеть, побледнеть, покраснеть* (8), *похудеть*, глаголов созидания – *вязать, навязать, шить, вплетать, писать, работать*, а среди глаголов разрушения – *сгубить, утопиться, убивать*.

Таким образом, учет лексической сочетаемости номинаций героев с существительными, прилагательными и глаголами в художественном тексте дает возможность характеризовать конкретными языковыми данными качества героев художественных произведений, различая их по гендерному признаку.

Литература:

- 1 Достоевский Ф.М. Белые ночи: Сентиментальный роман (Из воспоминаний мечтателя). – М., 1986. – 63 с.
- 2 Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения: Учебн.пособие. – Уфа: Башк.ун-т,1981. – 71с.
- 3 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – 448 с.

Франк А.С.,

учитель русского языка и литературы
КГУ «Общеобразовательная школа № 16
отдела образования города Костаная»

Управления образования акимата Костанайской области,
г. Костанай

КАЗАХСТАНСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙДІН ӨМІРБАЯНЫНЫҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕЗЕҢІ

KAZAKHSTANI PERIOD OF F.M. DOSTOEVSKY'S BIOGRAPHY

Аннотация: Данное исследование посвящено изучению казахстанского периода жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Выдвинута гипотеза о том, что изучение этого этапа биографии писателя способствует расширению кругозора школьников и повышает интерес к краеведению. В ходе исследования были проанализированы литературные произведения, переписка, дневниковые записи и мемуарные материалы, связанные с пребыванием Достоевского в Семипалатинске. На основе полученных данных был создан литературно-краеведческий буклет, посвященный этому периоду жизни писателя. Результаты проведенного анкетирования среди школьников и экспериментального использования буклета на уроках литературы подтвердили эффективность данного подхода. Сформулирован вывод о том, что изучение творчества Достоевского через призму регионального компонента позволяет глубже понять его биографию и произведения, а также способствует воспитанию патриотизма.

Ключевые слова: Достоевский, Казахстан, Семипалатинск, литературное краеведение, школьное образование.

Аннотация: Бұл зерттеу арналды зерделеу казакстандық кезеңі өмірі мен шығармашылығы Ф. М. Достоевский. Автор туралы гипотезаны ұсынып, бұл зерттеу осы кезеңінің жазушының өмірбаяны ықпал етеді, ой-өрісін кеңейту, оқушылардың қызығушылығын арттырады қарай өлкетану. Зерттеу барысында талданып, әдеби шығармалар, хаттар, күнделік жазбалары мен мемуарлық материалдар болуына байланысты Достоевский в Семипалатинске. Алынған деректер негізінде құрылған әдеби-өлкетану буклет арналған бұл кезең жазушының өмірі. Нәтижелері сауалнама оқушылар арасында және эксперименттік пайдалану буклет әдебиет сабағында тиімділігін растады осы тәсіл. Автор тұжырымға зерттеу шығармашылық Достоевский призмасы арқылы аймақтық компонентті мүмкіндік береді түсіну, оның өмірбаяны және шығармалары, сондай-ақ ықпал етеді, патриотизмге тәрбиелеу.

Негізгі сөздер: Достоевский, Қазақстан, Семей, әдеби өлкетану, мектептік білім беру.

Abstract: This study is devoted to the study of the Kazakh period of F.M. Dostoevsky's life and work. The author hypothesizes that studying this stage of the writer's biography helps broaden the horizons of schoolchildren and increases interest in local history. The research analyzed literary works, correspondence, diary entries and memoir materials related to Dostoevsky's stay in Semipalatinsk. Based on the data obtained, a literary and local history booklet was created dedicated to this period of the writer's life. The results of a survey conducted among schoolchildren and the experimental use of the booklet in literature lessons confirmed the effectiveness of this approach. The author comes to the conclusion that studying Dostoevsky's work through the prism of the regional component allows for a deeper understanding of his biography and works, and also contributes to the education of patriotism.

Key words: Dostoevsky, Kazakhstan, Semipalatinsk, literary local history, school education

Ф.М. Достоевский по праву считается классиком не только русской, но мировой литературы. Один из самых читаемых и цитируемых русских авторов почти 5 лет нес службу в Седьмом сибирском линейном батальоне, который базировался в Семипалатинске. Этот, так называемый казахстанский период его биографии, оказал огромное влияние на творчество писателя в целом.

Тема работы была определена актуальностью создания новых туристических маршрутов по нашей республике с целью знакомства с ее культурным и историческим наследием.

В нашей исследовательской работе мы выдвинули гипотезу о том, что изучение данного периода в жизни и творчестве автора способствует расширению не только литературного кругозора школьников, но и вызывает интерес к краеведению.

Кроме того, мы определили целью нашей работы создание продукта исследования. То есть, изучив биографические данные автора в рассматриваемый период и проанализировав литературные труды, а также переписку писателя, на основе полученных выводов мы решили создать литературно-краеведческий буклет, посвященный казахстанскому периоду жизни Ф.М. Достоевского.

В 1854 году Ф.М. Достоевский прибыл на службу в Седьмой сибирский линейный батальон, стоявший в Семипалатинске. Сам автор так вспоминал этот период своей жизни: «Выйдя из моей грустной каторги, я со счастьем и надеждой приехал сюда. Я походил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я хотел жить...». [1, 138]

А.Е. Врангель так описывал Семипалатинск второй половины XIX века: «Семипалатинск в то время был ни город, ни деревня, а нечто среднее. Одноэтажные, бревенчатые, приземистые домишки, бесконечные заборы, на улице ни одного фонаря, ни сторожей, ни одной живой души, и если бы не отчаянный лай собак, город показался бы вымершим...» [2, с.387].

После женитьбы на Марии Исаевой в 1857 году Ф.М. Достоевский снимал квартиру в доме почтальона Ляпухина, который ныне является Домом-музеем, единственным музеем Достоевского, находящимся за пределами РФ.

Музей насчитывает свыше 21 тысячи экспонатов, многие из которых – редкие дневниковые и мемуарные записи, публицистика, первые издания самых популярных произведений автора, в том числе романа «Преступление и наказание».

Проживая в доме почтальона Ляпухина, Ф.М. Достоевский работал над повестями «Дядюшкин сон» (1859 год), «Село Степанчиково и его обитатели» (1859 год), и «Записки из мёртвого дома», выпущенной в 1862 году. Герои провинциального города Мордасова с их обывательскими взглядами, мелкими сплетнями и интригами являются собирательными, описанными под впечатлением от знакомства с нравами Омска, Кузнецка, Семипалатинска. По определению М.М. Бахтина мир повести «Дядюшкин сон» построен в лучших традициях карнавальской комедии.

Автор сознательно «помещает» своих героев в провинциальный город, чтобы показать, что и в столице, и в глубинке злые нравы способны породить эпидемию социальных и духовных катастроф [3, с. 277]. Ф.М. Достоевский не отразил прямого указания на Казахстан в своих литературных произведениях, но о том, что в созданных здесь повестях все-таки присутствуют собирательные образы его жителей, самого города, утверждают исследователи. Так, друг Ф.М. Достоевского А.Е. Врангель в своих мемуарах писал: «...люди в то время в Сибири интересовались только картами, попойками, сплетнями и своими торговыми делами... Развлечений в Семипалатинске не было никаких» [4, с. 417].

Поэтому, мы пришли к выводу, что в повестях писателя, созданных в период пребывания в Казахстане, многие герои имеют обобщенные черты жителей провинциальных городов Сибири и Казахстана, т.е. Семипалатинска. Глубокий психологизм последующих литературных творений автора также обусловлен известными событиями в жизни Ф.М. Достоевского (острог и служба), который принято называть «творческим молчанием», т.е. внутренняя подавленность автора, стремление рефлексировать на события собственной жизни выливаются и на душевное состояние героев его произведений.

Известно, что и замысел величайшего романа Ф.М. Достоевского. Возник у него именно в пору заключения и ссылки. Изначально писатель планировал его как небольшую криминальную повесть об опустившихся людях с названием «Пьяненькие». Своему брату Михаилу в 1959 году он писал: «Не помнишь ли, я говорил тебе про одну исповедь-роман, который я хотел писать после всех, говоря, что еще самому надо пережить. На днях я совершенно решил писать его немедленно. Все сердце мое с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти и саморазложения...» [1, с. 179]. Леонид Гроссман, исследуя творчество Достоевского, так объясняет накопленный за период ссылки опыт писателя: «...его захватывает новое понимание человеческой личности. Его поражает цельность внутреннего мира и могучий закал воли окружающих его людей» [5, с. 128]. Поэтому следует считать, что период казахстанской биографии великого писателя-гуманиста оказал значительное влияние на его литературные планы, образы.

В практической части исследования мы провели анкетирование учащихся 9-10х классов, из которого выявили уровень сформированности знаний о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского, интересующие их факты о писателе. В анкетировании приняло участие 160 учащихся 9-10-х классов. Эти параллели были определены нами для анкетирования, так как школьная программа включает роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» для изучения на уроках русской литературы в 9-м классе и роман «Преступление и наказание» в 10-м. Таким образом, у данной категории старшеклассников уже должны быть сформированы основные знания о биографии и творчестве писателя.

Обработав результаты анкетирования, мы получили следующую картину:

– 100% (160) участников анкетирования ответили на первый и четвертый вопросы.

– На вопросы о том, в каком веке жил писатель и как она связан с Казахстаном ответило равное количество участников эксперимента – 142, что составляет 88,75 % от общего количества анкетироваемых.

– Чуть меньше участников ответило на вопросы о произведениях автора и о том, с кем дружил Ф.М. Достоевский: 112 и 107 учащихся соответственно (70% и 67%).

Наибольшее затруднение у учащихся вызвали вопросы о родине Достоевского, городе в Казахстане, в котором бывал писатель и обстоятельствах биографии, приведших его сюда. На данные вопросы смогли ответить только 78, 69 и 50 учащихся соответственно (49%, 43% и 31%).

Полученный результат помог нам определить материал для составления литературно-краеведческого буклета. После создания буклета мы предложили десятиклассникам внимательно изучить информацию буклета до начала знакомства с автором на уроках литературы. Такая задача позволила нам провести школьный эксперимент. Он заключался в том, что на уроке учителем сознательно были допущены ошибки в биографии писателя, названиях его произведений. Многие учащиеся, получившие ранее буклеты, указали на неточности, корректно поправили, а также подготовили творческое выступление на уроке литературы, проведенное в формате TED на тему «Как и зачем я поеду в Семей?»

В результате проделанной исследовательской работы мы пришли к выводу, что изучение творчества писателя через региональный компонент позволяет глубже понять его биографию и произведения, а также расширяет литературный и краеведческий кругозор учащихся, способствует воспитанию осознанного патриотизма.

Литература:

1 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. – Том 28. – Л.: Наука, 1990. – С. 178-179.

2 Врангель А.Е. Из воспоминаний о Ф.М. Достоевском // Э. Эгеберг. Достоевский в поисках положительно прекрасного человека. – Университет Трёмсе, 1998. – С. 385-390.

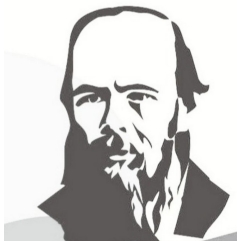
3 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Азбука, 2024. – 672 с.

4 Матыжанов К.С., Ананьева С.В. Достоевский в Казахстане: история изучения, истоки, перспективы // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». – 2021. – Т. 26. – №3. – С. 414-423.

5 Гроссман Л.П. Достоевский. Из серии «Жизнь замечательных людей» – Выпуск 24 (357). – М.: Молодая гвардия, 1963. – 128 с.

6 Сафронова Е.Ю. Вопрос о жанре произведения Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Филология и человек. – Барнаул: АлтГУ, 2021. – С. 114-116.

7 Чуйков П.Л. Из истории каторжных замыслов (по страницам «Сибирской тетради» Ф.М. Достоевского) // «Фундаментальная наука ВУЗам». Литературоведение. – 2014. – № 4. – С. 64-69.

СЕКЦИЯ 2. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

2-БӨЛІМ. Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ ҚАЗІРГІ ФИЛОСОФИЯДА

SECTION 2. CREATIVE LEGACY OF F.M. DOSTOEVSKY IN MODERN PHILOSOPHY

Бондаренко Ю.Я.,
кандидат философских наук,
г. Костанай

**ИДЕЯ БОГА В СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ ЛЮДЕЙ У Ф.
ДОСТОЕВСКОГО И Н. БЕРДЯЕВА. ВЗГЛЯД ИЗ НАЧАЛА ДВАДЦАТЬ
ПЕРВОГО ВЕКА**

**Ф. ДОСТОЕВСКИЙ ЖӘНЕ Н. БЕРДЯЕВТЕГІ АДАМДАРДЫҢ
САНАСЫНДАҒЫ МЕН МІНЕЗ-МҰНЫСЫНДАҒЫ ҚҰДАЙ ИДЕЯСЫ.
ЖИЫРМА БІРІНШІ ҒАСЫР БАСЫНДАҒЫ КӨРІНІ**

**THE IDEA OF GOD IN THE CONSCIOUSNESS AND BEHAVIOR OF
PEOPLE IN F. DOSTOEVSKY AND N. BERDYAEV. A VIEW FROM THE
BEGINNING OF THE TWENTY-FIRST CENTURY**

Аннотация: Статья посвящена одной из центральных проблем в творчестве Ф. Достоевского и Н. Бердяева – идее Бога в ее сопряженности с идеями свободы и нравственности и теми коллизиями, которые рождаются на драматических путях человеческой мысли, стремящейся решить эти проблемы. Автор акцентирует внимание на неоднозначности самого понимания и практического приложения идеи Бога, Высшей Силы в истории мировой культуры, подходу к размышлениям крупных русских мыслителей о противостоянии Человекобожества и Богочеловечества. В первом случае, следующие идее и образам Человекобожества, отталкиваются от постулатов Силы и Власти, которые субъективно и отчасти в исторической реальности якобы наделяют человека Высшей Силой. Но силой, не зиждящейся на том нравственном фундаменте, который создавался целыми поколениями. Во втором же- идея Богочеловека основывается на представлениях о движении человеческой мысли и человеческой души от Высших Идеалов к идеалам реального человеческого бытия. При этом важнейшей стороной проблемы в ее интерпретации Достоевским, а затем и Бердяевым оказывается рассмотрение проблем нигилизма, социализма и социальных революций в контексте проблем религиозных, замыкающихся на отношении к идее Бога. Проблем, оказавшихся практически значимыми в русской и мировой истории. Однако автор полагает, что, точно подметив ряд крайне опасных сторон «Человекобожия», ни

Достоевский, ни Бердяев не смогли разрешить проблему сопряжения идеи Богочеловечества с реалиями исторической практики. Да это было для них и невозможно. Более того, в силу геополитических, социально-экономических и культурных трансформаций последнего столетия поставленные ими проблемы требуют серьезнейшего переосмысления.

Ключевые слова: Идея Бога, Человекобожие, Богочеловечество, Ф. Достоевский, Н. Бердяев, тоталитаризм, свобода, нравственность

Аннотация: Мақала Ф.Достоевский мен Н.Бердяев шығармаларындағы басты мәселелердің бірі – Құдай идеясының бостандық пен адамгершілік идеяларымен байланысы және оның драмалық жолында туындайтын соқтығысуларға арналған. осы мәселелерді шешуге ұмтылған адам ойы. Автор дүниежүзілік мәдениет тарихындағы Жоғарғы Күш Құдай идеясын түсінудің және практикалық қолданудың екіұштылығына баса назар аударады, ірі орыс ойшылдарының Адам-Құдай мен Құдай-Адамның қарсылығы туралы ойларына жақындайды. Бірінші жағдайда, Адам Құдайының идеясы мен бейнесін ұстанатындар субъективті және ішінара тарихи шындықта адамға Жоғарғы Күшті сыйлайтын Күш пен Билік постулаттарын басшылыққа алады. Бірақ бұл бүкіл ұрпақ бойына қалыптасқан моральдық негізге негізделмеген күшпен. Екіншіден, Құдай-адам идеясы адамның ойы мен адам жанының Жоғарғы идеалдардан нақты адам болмысының идеалдарына қарай қозғалысы туралы тұжырымдамаға негізделген. Сонымен бірге Достоевскийдің, одан кейін Бердяевтің түсіндіруіндегі мәселенің ең маңызды аспектісі нигилизм, социализм және әлеуметтік революция мәселелерін діни мәселелер контекстінде қарастыру болып шығады. Құдай идеясына деген көзқарас. Орыс және дүниежүзілік тарихта іс жүзінде маңызды болып шыққан мәселелер. Дегенмен, автор «Адамдық құдайшылықтың» бірқатар аса қауіпті аспектілерін дәл атап өтіп, Достоевский де, Бердяев те Құдай-еркектілік идеясын тарихи тәжірибенің шындықтарымен байланыстыру мәселесін шеше алмады деп санайды. Иә, олар үшін бұл мүмкін емес еді. Оның үстіне өткен ғасырдағы геосаяси, әлеуметтік-экономикалық және мәдени қайта құруларға байланысты олар тудырған мәселелер байыпты қайта қарауды талап етеді.

Түйінді сөздер: Құдай идеясы, Адам-құдай, Құдай-адам, Ф. Достоевский, Н. Бердяев, тоталитаризм, бостандық, мораль

Abstract: The article is devoted to one of the central problems in the works of F. Dostoevsky and N. Berdyaev – the idea of God in its connection with the ideas of freedom and morality and those collisions that arise on the dramatic paths of human thought, striving to solve these problems. The author focuses on the ambiguity of the very understanding and practical application of the idea of God, the Higher Power in the history of world culture, approaching the thoughts of major Russian thinkers about the opposition of Man-godhood and God-manhood. In the first case, those who follow the idea and images of Man-godhood are based on the postulates of Power and Authority, which subjectively and partly in historical reality allegedly endow a person with a Higher Power. But a power that is not based on the moral foundation

that was created by entire generations. In the second case, the idea of the God-man is based on the ideas about the movement of human thought and the human soul from the Highest Ideals to the ideals of real human existence. At the same time, the most important aspect of the problem as interpreted by Dostoevsky, and then by Berdyaev, is the consideration of the problems of nihilism, socialism and social revolutions in the context of religious problems, which are limited to the attitude towards the idea of God. Problems that have turned out to be practically significant in Russian and world history. However, the author believes that, having accurately noted a number of extremely dangerous aspects of "Man-godliness", neither Dostoevsky nor Berdyaev were able to resolve the problem of linking the idea of God-manhood with the realities of historical practice. And this was impossible for them. Moreover, due to the geopolitical, socio-economic and cultural transformations of the last century, the problems they posed require a serious rethinking.

Key words: Idea of God, Human-God, God-manhood, F. Dostoevsky, N. Berdyaev, totalitarianism, freedom, morality

Проблема Бога в связке с проблемами свободы и нравственности – центральная в творчестве писателя Ф. Достоевского и философа Н. Бердяева. Стало хрестоматийным: «Бога нет- значит все дозволено».

Эта идея проходит сквозь долгие и мучительные размышления персонажей Ф. Достоевского и историко-философские изыскания Н. Бердяева и отливается в образы противостояния Человечекобожия и Богочеловечества. Но вот, что и показательно, и крайне интересно; Ни Достоевский ни Бердяев – не богословы. Они, а у Достоевского и его персонажи, – очень много говорят о Боге, но во множестве текстов Вы не встретите ни прямых определений, ни обрисовки центра множества размышлений – самого Бога.

Отчасти это можно было бы попытаться объяснить совсем не обязательно осознаваемым эхом апофатического богословия (апофатический – отрицательный), вырастающего из неоплатонизма и трудов Псевдо-Дионисия (Дионисия Ареопагита – 5-й в.), согласно которым Бог «безусловно неопределим и неопишум» [1, с.547]. Это в свою очередь соответствует определенному пониманию мистического опыта, согласно которому, по формулировке Н.С.Автономовой. «главное и собственное определение» такового – «словесная невыразимость» [2, с.53].

И уже тут возникает серьезнейшая проблема, связанная с так называемыми «интеллигентскими», рациональными истолкованиями идеи Бога, как Абсолютной (А. Тойнби), Высшей, надчеловеческой реальности, дающей основы нравственного поведения людей...

Эту проблему мы особенно четко ощутим, попытавшись разграничить такие понятия (включая и понятия-образы, концепты), как Бог Невидимый, Невыразимый словами и Неведомый.

Бог Невидимый – иудейский Бог. Его невидимость, незримость не мешает воспринимать Божество, как Реальность, способную определять не только порядок вещей в мироздании в целом, но и в человеческом обществе. Обычному человеку и, как правило, смертному вообще, не положено его видеть, как,

скажем, не положено было видеть китайского императора и сказочную принцессу Будур. Но глас Божий можно слышать, а Особый Человек – способен получить от Бога скрижали, с предписанными правилами поведения...

Бог, невыразимый словами (или тот, имя которого непроизносимо и скрыто от посторонних, как, скажем, Ваш личный пароль для входа в собственный ноутбук) тоже может быть не только мироуправителем, но и регулятором поведения. Отсутствие слова совсем не означает прерывание мистической связи в мироощущении людей. Мы можем не знать слова «электричество», но при этом ощущать его воздействие на нашу жизнь.

Но – стоп! Последний пример нас уже подводит к Неведомому Богу. Кстати, известно, что в античном мире, таковой был одним из объектов поклонения. Однако в чем тут особенность? Неведомый Бог, как и электричество, электро-магнитное поле, радиация и т.д., может ощущаться, как некая Реальность. Его можно молить о чем-то, на всякий случай приносить ему жертвы, но способен ли такой Бог стать регулятором человеческого поведения?

Ведь, если быть последовательными и довести Его неведомость, непознаваемость до логического завершения, то зависнет безответный вопрос: каким образом То, что мы в принципе знать не можем, способно давать нам указания, как жить? Где те нити, которые связуют совершенно неизвестное с известным – нравственными нормами? – В какой-то мере такой Бог может быть нравственно амбивалентным, как воплощенные в зримых статуях олимпийские боги. Но как он может стать основой нравственного кодекса, если, повторимся, о нем ничего неизвестно? – И это не просто логический вопрос, а вопрос, сопряженный с глубинами «массового сознания», которое не удовлетворяется распылчатыми представлениями о высшей Силе.

В старинном Китае эту проблему связи Надчеловеческого и невыразимого словами и того, что представимо, попытались решить, используя идею Первичного и Вторичного Дао, то есть того, что имеет имена. Иными словами – посредством определенной иерархичности и мироустройства и ступеней познания. Интересно было бы уже на уровне современного развития философии сопоставить данную иерархичность с иерархичностью неоплатонизма...

Но, возвращаясь к Достоевскому и Бердяеву, мы соприкасаемся и с другой гранью проблемы, неизбежно встающей перед любым исследователем текстов, и особенно текстов сакральных. В непосредственно учебной работе такую грань можно наглядно продемонстрировать примером из «Гарри Поттера».

Вчитайтесь в фразу. «Живоглот потянулся и выпустил длинные когти. Карман Рона задрожал» (а, если речь идет о старинных текстах, дошедших до наших дней не полностью, то может отсутствовать и «выпустил длинные когти» [3, с.244]. Не зная из иных частей книги, что Живоглот – это кот, а в кармане Рона – мышь, читатель совершенно не поймет, какая связь между тем, что какой-то Живоглот потянулся и при этом задрожал чей-то карман.

Но тексты Достоевского и Бердяева – не старинные, и, казалось бы, дошли до нас достаточно полно. Однако без учета «герменевтического круга» и контекста уже не узко текстового, а русской культуры 19-го – начала 20-го и даже 1-й половины 20-го века, мы не поймем и не почувствуем лишаемых определений рассуждений о Боге, которыми насыщены произведения Достоевского и Бердяева. Для них Бог, Бог христиан – это своего рода воздух, которым дышит целый мир культуры. Это – то, что в целом не нуждается в специальных богословских рассуждениях и доводах, потому, что сами они – они часть данного мира культуры и дышат таким воздухом, тогда, как у нас, живущих в мире ином и дышащих иным воздухом, совершенно резонно могут возникать вопросы, требующие уже новых размышлений. И на эти вопросы, мы уже вольно или не вольно, пытаемся отвечать, исходя из во многом горчайшего опыта последнего столетия и динамики событий современности.

После такого предварительного замечания уместно вновь обратиться к проблеме антагонизма идей Человекобожества и Богочеловечества. По Достоевскому и Бердяеву суть этого антагонизма в том, что идея Человекобожия зиждется на стремлении поднять человека до статуса божества, тогда как идея Богочеловечества воплощает в себе стремление наполнить человека дыханием Божественно-нравственного.

И речь тут идет не только о порядке составных частей слов. В первом случае речь идет об обладании такой Властью и Силой, которая создает ощущение равенства такого-то Человека или группы людей... с богами. Уже вся история Древнего мира наглядно демонстрирует то, что Верховный Правитель – либо представитель Божественных сил, либо сам полубог, либо, либо потомок богов. Уже древнегреческое слово герой изначально означает «сына бога. Да и Парис судит Богинь потому, что он –царевич – особа Божественного происхождения. О Гильгамеше же эпос прямо говорит, что он на «две трети Бог, а на одну – человек».

Это в свою очередь, как правило, порождало ощущение всесилья. Особенно в периоды, когда устоявшиеся социально-этические системы отношений расшатывались или даже рушились. Так, известным своей жестокостью и склонностью к разврату римский император Калигула, по словам античного автора Светония, на увещевания «своей бабки» ответил: «Не забывай, что я могу сделать что угодно, и с кем угодно» [4, с. 115]. А один из персидских царей повелел высечь море, разметавшее мост из персидских судов.

К 19-му веку идея «человекобожия» заиграла новыми, но не менее зловещими красками. Красками, которые так четко высветил Достоевский. В его произведениях мы видим уже не произвол Всесилья, громыхающего с вершин Власти. А что же? – Своего рода «демократизацию» и «рационализацию» самой идеи распоряжаться чужими судьбами и самими жизнями. Идею, рожденную каскадом событий эпохи.

Если «человеко-боги» с вершин власти творили нечто, исходя из того, что Они это Могут, у них на это есть Силы, то отнюдь не наделенные какими-то особыми титулами персонажи Ф. Достоевского совершают такие-то и такие-то действия, потому что они это «имеют право», основанное на логике и

«целесообразности». Причем такой целесообразности, которая субъективно не понимается, как узко личная.

Уже поверхностное сопоставление (которое при более глубоком анализе может быть уточнено или пересмотрено) наталкивает на подталкивающее к размышлениям сопоставление наиболее известных персонажей Достоевского и Шекспира. Отелло действует в состоянии аффекта. Ромео и Джульетта – захвачены стихией чувств. Да и действия Гамлета – вне упрощенно логической целесообразности. И так, не только у Шекспира. Вспомните репинский образ царя Ивана, убившего своего сына, и т.д., и т.п.

А что у Достоевского? – При всех эмоциональных бурях, которые дали Бунину повод называть Достоевского «омерзительным писателем», хватающим вас за уши и тычащим «в эту невозможную, придуманную им мерзость, какую-то душевную блевотину» [5, с. 115], известнейшие персонажи Достоевского не только многостранично рассуждают, но и действуют РАССУДОЧНО.

Вчитаемся в многократно цитированный разговор студента с молодым офицером. Студент горячо говорит о том, что мог бы убить и ограбить старуху процентщицу, и, когда офицер хохочет, продолжает: «Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, большая старушонка, никому ненужная и. напротив., всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет...

Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это повсюду. Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги... Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу, десятки семейств, спасенных от нищеты, от разврата, от венерических больниц – и все это на ее деньги. Убей ее и возьми деньги, чтобы с их помощью посвятить потом себя служению всему человечеству и общему делу. Как ты думаешь, не загладиться ли одно крошечное преступленище тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть – и сто жизней взамен – да ведь это арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши. Таракана, да и того не стоит. Она чужую жизнь заедает...

Конечно, она недостойна жить, – заметил офицер, но ведь тут природа.

– Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было. Говорят: «долг, совесть» – я ничего не хочу говорить против долга и совести, но ведь как мы их понимаем?.. [6, с. 65- 67].

Близкий холодный расчет мы видим и в «Бесах», где в замышляемом и осуществленном убийстве Шатова, казалось бы, ничего личного – одна предосторожность и защита от возможного доноса. Хотя здесь уже чувствуется жутковатое давление «Вожака».

Но мы здесь акцентируем внимание лишь на одной из схем. Сам Достоевский неизмеримо богаче наших соразмышлений. Вслушаемся в продолжение разговора студента и офицера, разговора, невзначай услышанного

Раскольниковым. Офицер спрашивает: «Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старухи или нет?»

- Разумеется, нет! Я для справедливости... не во мне тут дело...

А по моему (отвечает офицер – Ю.Б.), коли ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще партию!» [6, с. 67]

С высот уже нынешнего социального опыта эта концовка отнюдь не видится беззаботным завершением головоломного теоретизирования. Она – один из «ключиков» к шкатулке (или же кувшину Пандоры, уже двадцатого столетия. Что перед нами? – Поигрывающее логикой досууже теоретизирование? – Нет, это теоретизирование, вобравшее в себя отнюдь не только досужие разговоры, а струи целых направлений мысли.

Но в завершающем фрагменте текста для нас существенен вес слова, которое и в самом деле способно стать искрой, разгорающейся не просто в пламя, а в стихию пожара. Сам студент не убивает и даже не собирается убивать. А вот услышавший его раскольников убьет. И деньги в убийстве не будут главным.

Именно сегодня этот отрывок, словно гудящий колокол, словно «бухенвальдский набат», продолжающий гудеть уже далеко за пределами Бухенвальда, взывает ко всему миру, и прежде всего к миру так называемых интеллектуалов и пропагандистов: «Будьте осторожны! Не обязательно самим брать в руки топоры, чтобы оказаться сопричастными к убийству не отдельных старушек, а множества людей и даже масс, представляющих целые народы, причем не только при печально знаменитом холокосте.

Касаюсь же перехода к феноменам массовым, здесь было бы уместнее обратиться уже к Бердяевским текстам, текстам человека, лично пережившего переход, трансформацию либо срастание «рациональных» идеологических схем в неуправляемую стихию. Стихию грандиозную и страшную. Стихию многоцветную, но отнюдь не ограничивающуюся лишь праздником угнетенных масс, каковой рисовалась революция рационально рассуждающему романтику Марксу.

И эта стихия, с одной стороны, оказывается нерасторжимо связанной с тоталитаризмом, а с другой – со спецификой русского озападнивания, которое, по Достоевскому, ведет к тому, что «озападнившийся русский становится бунтарем и врагом России [7, с. 240].

При этом в контексте наших соразмыслений особенно значимым оказывается первое, сконцентрированное на проблеме различения Человекобога и Богочеловека, подчеркнутая Н.Бердяевым в его «Русской идее», где философ воспроизводит диалог Кириллова и Ставрогина из «Бесов».

Напоминая о том, что у становящимся популярным Ницше переход от человека к сверхчеловеку «происходит разрыв с христианской и гуманистической моралью. Гуманизм переходит в натигуманизм», Бердяев продолжает: «С большой религиозной глубиной эта проблема выражена у Достоевского. Кириллов человек высокого духа, с большой чистотой и отрешенностью, выразил последние результаты обезбоженного самоутверждения человека «Будет новый человек, счастливый и гордый»,

говорит Кириллов, как будто в бреду... Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог. Такова новая жизнь. Таков новый человек, все новое. «Будет богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли. И чувства. «Мир закончит тот, кому имя Человекобог». – «Богочеловек?» – переспрашивает Ставрогин. «Человекобог – отвечает Кириллов, в этом разница».

Далее же сам Бердяев подытоживает: «Путь человекобожества ведет, по Достоевскому, к системе Шигалева и Великого Инквизитора, т.е. к отрицанию человека, который есть образ и подобие Божье, к отрицанию свободы», к тоталитаризму, который рассматривается не как сугубое новшество большевиков, а как существенная черта... русской интеллигенции.

Тогда как «лишь путь Богочеловечества и Богочеловека ведет к утверждению человека, человеческой личности и свободы. Такова экзистенциальная диалектика Достоевского. Человечность оторвавшаяся от Бога и Богочеловека перерождается в бесчеловечность» [8, с. 78]. Причем не только на глубинно-теоретическом уровне, а и в обыденных (хотя и опирающихся на привнесенные с «запада» идеи) рассуждениях, воспроизводимых сами Ф. Достоевским в «Дневнике писателя», где демонстрируются рассуждения противопоставляемого Левину, известного литературного персонажа Стива. Рассуждения, словно берущие эстафетную палочку у «если Бога нет, то все дозволено»: «Коли все нелепо и ничего святого не существует, стало быть, можно все делать, а у меня еще времени хватит, не сейчас ведь придет страшный суд» [7, с. 431].

В итоге же, когда разгораются пожары русских революций, ломка «святого» и целых систем нравственных устоев ведет в свою очередь к чудовищным катаклизмам и их жертвам. При этом и здесь, как уже говорилось, стихия русской души и «русского социализма» сливается воедино с поисками ответов на вопросы религиозного по своей сути порядка. Вопросы есть Бог или нет Бога, вопросы о бессмертии и Боге – религиозные по существу оказываются важнейшими для русского социализма и большевизма [9, с. 21 -26].

Что же в итоге? – Даже при довольно поверхностном рассмотрении (и Достоевский, и Бердяев несравненно глубже и многограннее, чем то, что здесь цитируется) мы видим, что упомянутыми русскими мыслителями выразительно и во многом очень точно обозначены опасные тренды и болевые точки революционных движений и предпосылок тоталитаризма уже не как движения интеллигентской мысли, а как масштабного социокультурного феномена. Не случайна и исторически значима концентрация их внимания на религии, в том числе и в такой Бердяевской работе, как «Истоки и смысл русского коммунизма» [10].

И Достоевский, и Бердяев наглядно продемонстрировали капканы «Человекобожия». Но, как представляется автору этих строк, убедительно обосновать реальные исторические возможности концепции Богочеловека им не удалось. И дело тут не просто в их неких личных особенностях, в их «исторической ограниченности». – Сама проблема головоломна. Особенно,

когда мы подходим к возможностям практической реализации идеи Богочеловечества.

Более того, в реальной исторической практике (что по своему, независимо от намерений автора, демонстрирует и образ Великого Инквизитора) на уровне развертывания исторических событий Человечество и Богочеловечество могут накладываться одно на другое. И не только из-за лицемерия, корысти и прочего у тех, кто претендует на то, что действует от имени Богочеловечества, но и в силу опасности крайностей фанатизма, подчеркиваемой еще П. Гольбахом. Иными словами с позиций сегодняшнего дня, центром полемики вокруг идеи Богочеловечества становится не еще недавние атеистические выпады против теоретических основ этой идеи (хотя такая полемика сама по себе естественно допустима и может быть плодотворной), а возможности реализации тех или иных аспектов этой идеи.

И еще одна группа проблем, нуждающихся в совершенно новых подходах – это проблемы, сопряженные с глобальным расширением исторического сознания и исторической практики. В наше время, когда резко усиливаются позиции дальневосточных культур и в силу уже одних только демографических факторов (а есть еще и иные) возрастает значение ислама, базирующаяся на христианстве и даже, в определенных моментах в первую очередь, на православии идея Богочеловека выглядит ограниченной. И не просто в силу демографических, экономических и геополитических показателей. Но и потому, что расширение горизонтов нуждается в расширении основ того нравственного фундамента, без которого, по справедливым убеждениям Достоевского и Бердяева, не может быть подлинно человеческой цивилизации.

Литература:

- 1 Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
- 2 Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. – М., 1988.
- 3 Роулинг Дж. К. Гарри Поттер узник Азкабана. Пер. с англ. – М.: Росмен, 2007.
- 4 Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. – М.: Наука, 1964.
- 5 Дано по Сарнов Б. Бремя таланта. Портреты и памфлеты. – М.: Советский писатель. – 1987.
- 6 Достоевский Ф. Преступление и наказание. Собр. Соч. в 12 т. Т.5, – М.: Правда, – 1982.
- 7 Достоевский Ф. Дневник писателя (Июнь, 1876). – Санкт-Петербург: Лениздат, 1999.
- 8 Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19 века и начала 20-го века. Судьба России. – М.: ООО «Изд-во Шевчук, 2000.
- 9 Бердяев Н.А. Духи русской революции. – М., 2018.
- 10 Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение. – М.: Наука, 1990.

Великород А.В.,
независимый исследователь,
сотрудник компании «Костанайские кабельные сети»,
г. Костанай

**АКТУАЛЬНОСТЬ ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ НА
ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ИХ ПОНИМАНИИ
М.М. БАХТИНЫМ**

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ РОМАНДАРЫНЫҢ ҮЛГІСІНДЕГІ МӘДЕНИЕТ
ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ ДИАЛОГТЫҢ ӨЗЕКТІЛІГІ М.М. БАХТИН**

**THE RELEVANCE OF DIALOGUE IN THE CONTEXT OF CULTURE ON
THE EXAMPLE OF F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS AS UNDERSTOOD BY
M.M. BAKHTIN**

Аннотация: в статье проводится оценка диалога как феномена важного для сохранения и развития культуры

Ключевые слова: Бахтин, диалог, полифония, Достоевский, поступок

Аннотация: Мақалада диалог мәдениетті сақтау және дамыту үшін маңызды құбылыс ретінде бағаланады

Негізгі сөздер: Бахтин, диалог, полифония, Достоевский, әрекет

Abstract: The article assesses dialogue as a phenomenon important for the preservation and development of culture

Keywords: Bakhtin, dialogue, polyphony, Dostoevsky, act

Сегодня приходится признать, что до сих пор остаются недостаточно осознанными результаты, полученные М.М. Бахтиным в его исследовании романов Достоевского («Проблемы творчества Достоевского», С-Пб, из-во «Прибой», 1929 г.). Сегодняшний культурный кризис является в.т.ч. кризисом диалога. И в нашей работе, мы хотим показать, что диалог как метод Достоевского и Бахтина открыть «человека в человеке», диалог не только как формально общение, но и как фундаментальное явление лежащее в основе всей культуры – это явление необходимое для ее сохранения и способное помочь преодолению нравственного и культурного кризиса свойственного для сегодняшнего дня.

Диалог в романах Достоевского, таким каким его увидел М.М. Бахтин лишен всякого представления о человеке и о мире вокруг него как структуры полностью установившейся, окончательно ставшей и устойчивой. Напротив, как сам внутренний человек так и мир вокруг него описан на почве событийности, своего постоянного становления и принципиальной незавершенности, не только своего ставшего бытия, но и заданности субъекта. Мир вокруг человека это по Бахтину событие-бытие, он одновременно и дан и

задан и выстраивается вокруг каждого уникальным образом в архитектурное целое. В такой парадигме диалог как поступок ценностного противопоставления «я» и «другого» являет собой попытку преодоления «непроницаемости» позиции «другого», частью которой является и семантическая система языка, в смысле преодоления ее как чего-то, что закрывает собой внутреннее человека, целое его видения мира, его данность в нем и заданность к нему, его онтологическую и ценностную позицию. Причем, это познание, понимание «другого» не лишено событийности. У Бахтина мы видим, что, диалог принципиально дан на временной шкале и противостоит времени как ценностному фактору становления. Диалог как поступок не имеет окончания, всякое ставшее будет лишь материалом дальнейшего становления. Поэтому, он противостоит времени как своему ценностному будущему.

Но чтобы диалог стал возможным, должно стать возможным высказывание. Оно возможно там, где ценностное противопоставление ценностного «я» ценностному «другому» происходит в атмосфере «ценностной теплоты» т. е. в атмосфере определенного доверия к его дружости. Мы говорим о возможной заинтересованности другого в том, что я могу сказать, его неиндифферентности ко мне онтологически значимому для него. Высказывание всегда адресовано и всегда как минимум предполагает ценностного другого как ответ, реакцию. Но момент этого другого (и его ответа), как отмечает Бахтин, *«ценностно трансцендентен... и принципиально не гарантирован»* [1, с. 211]. И диалог как взаимосвязанные высказывания строится также на ценностном доверии к ценностному другому. Однако, в анализе Достоевского мы обнаруживаем, что диалог структурно сложнее чем просто соприкосновение высказываний двух собеседников, в диалоге участвуют и внутренние голоса собеседников. Фраза собеседника-другого из внешнего диалога может обращаться к моему внутреннему диалогу, к внутреннему голосу я. Это взаимодействие внешнего диалога с диалогом внутренним является одним из моментов доверия – внутренней, внетекстовой, внесюжетной связи высказываний в диалоге (отсюда, например, убедительность слова другого). Осознание того, что другой не только имеет в виду, заинтересован в моей определенности, но и вдруг может знать что-то обо мне внутреннем, что он может проникнуть своим словом туда где, казалось бы я непроницаем, является тем местом где рождается и укрепляется благоприятная для диалога атмосфера. Бахтин отмечает в ПТД: *«Глубокая существенная связь или частичное совпадение чужих слов одного героя с внутренним и тайным словом другого героя – обязательный момент во всех существенных диалогах Достоевского; основные же диалоги прямо строятся на этом моменте.»* [2, с. 159]. Однако, это представление о диалоге сегодня в сущности остается для нас понятиями слишком узко. В то время как феномен «малых коллективов», которые, как указывал Лотман, есть основа всякой культуры, в ближайшем рассмотрении подчинен и организован прежде всего диалогически. Диалог есть основа малого коллектива – интеллектуального кружка или общества.

Сегодняшний культурный кризис это, прежде всего, кризис вызванный неприятием, отсутствием уважения и интереса к «другому», это кризис

сверхиндивидуалистического общества. Не только беседа как форма культурного общения обедняется, но и другие формы общения, которые предполагают понимание собеседника и проникновение в его кругозор, мы их называем диалогические формы общения, отходят в небытие. Общение больше носит формальный характер в том смысле, что сводится к обмену информацией. Это не требует от говорящего серьезного столкновения с позицией другого. В то время как беседа, диалог невозможен без проявления в себе того, что Достоевский старался показать в своих романах – «человека в человеке». Бахтин говорит о «любовном утверждении» действительности и о «любовном созерцании» как о силе способной охватить целое [1, с. 59], это заинтересованная моя поза по отношению к моему собеседнику есть один из начальных моментов диалога, и в центре этого видения, прежде всего, конкретно-архитектоническое единство кругозора другого. Не вокруг идей, а вокруг человека и человеческого, его видения в целом как центра исхождения мысли, поступка концентрируется диалог. Достоевский не показывал отдельных идей, которыми сегодня так часто пытаются оперировать, он показывал позицию человека целиком. Это основной момент, который привлек внимание Бахтина в Достоевском. И разные позиции героев и их внутренние и внешние голоса встречаются, противопоставляются у Достоевского друг другу в диалоге. Однако, то, что открывается у Достоевского в бахтинском анализе, для нас сегодняшних оказывается парадоксально чуждо – внутренний интерес, обращенность к другому, желание его услышать и понять. Отсюда и глубокий кризис в котором находится диалог как основная форма понимания другого, форма его существования, для «я». Вне доверия к абсолютной дружости невозможно высказывание, поэтому невозможен и диалог.

Еще Ю.М. Лотман в своей «Воскресной лекции» [3] в 1990 году отмечал, что несмотря на полученные за счет технического прогресса невероятные возможности коммуникации, мы постепенно утрачиваем навыки действительно диалогического общения, беседы с «другим», мы не стараемся понимать других и становимся все более и более нетерпимыми как к чужой точке зрения так и вообще к другому. Цельная позиция другого сегодня перестает быть значимой, она редуцируется до ее формальных чисто содержательных моментов. В то же время, если «другой» и его точка зрения становятся невозможными и несущественными, то и собственное «я», как позиция онтологически укрепляемая в бытии через «поступок», через противопоставление себя другому, постепенно дерезализуется и становится зыбкой. Бахтин указывает *«В абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно самое сознание. Вне бога, вне доверия к абсолютной дружости невозможно самоосознание и самовысказывание»* [1, с. 210-211].

Вернувшись к теме Достоевского, заострим наше внимание на романе «Бесы» и обратимся к его общей фабуле действия, и в частности заметим диалог как основу на которой создается «малой коллектив». Основным моментом романа как и основой для общества «мыслителей» описанного в нем, а Бахтин отмечает, что все герои романов Достоевского – идеологи, основной силой их притяжения являются не сами идеи Петра Верховенского в их

отвлеченной теоретической данности, а возможное на этой почве высказывание, диалог как событие сосуществования и взаимопресечения нескольких цельных точек зрения, нескольких суверенных самосознаний. Это есть начало любого интеллектуального кружка. Развитие и жизнь идеи, возможны только в диалоге как ее одновременное проведение по нескольким голосам – таково бахтинское видение диалога у Достоевского. Однако, несмотря на «подготовленность» разворачивающихся диалогов самой идеей, эти диалоги носят характер диалогов «человека с человеком» вне всех социальных рамок т.е. чистые отношения «я» и «другого». Это стремление, крайняя нужда не только в формальном, на почве данной идеи, общении, но и нужды в диалоге с «другим» как диалога «человека с человеком» и вокруг человеческого. Эта необходимость вырастает на принципиальной зыбкости и даже невозможности одинокого голоса. Поэтика романов Достоевского показанная Бахтиным воплощает принцип *«два голоса – *tinĭtut* жизни, *tinĭtut* бытия»* [2, с.157], детально фиксирует распадении мира на «я» и «другого», и где, в их диалоге существует не только внешняя чисто «механическая» связанность реплик сюжетом, но и другая, заданная изнутри каждого участника внесюжетная и внетекстовая связь. Благодаря этому диалог не является прочтением другого как сплошь данного и завершенного образа. Диалог – это процесс понимания собеседника, овладения событийным целым нашего взаимодействия в его одновременной данности и заданности т.е. взаимного высказывания и вопрошания, и что не менее важно – понимание себя через отражение в другом. В то же время, это совсем не обозначает, что диалог возможен только с единомышленником и с тем, с кем я схожусь во мнениях, с кем я похож. У Достоевского мы не раз встречаем и диалог между героями-антиподами. Причем, в этом случае диалогическое напряжение их встречи ничуть не ослаблено. Поэтому, *«сосуществование и взаимодействие духовного многообразия»* [2, с. 40] в художественном мире Достоевского действительно полно, в нем весом каждый неслиянный голос. Если «я» и «другой» начнем говорить одинаково, то мы будем лишь повторять фразы друг друга ничем не обогатив событие бытия: *«Чем обогатится событие, если я сольюсь с другим человеком: вместо двух стал один? Что мне от того, что другой сольется со мною? Он увидит и узнает только то, что я вижу и знаю, он только повторит в себе безысходность моей жизни; пусть он останется вне меня, ибо в этом своем положении он может видеть и знать, что я со своего места не вижу и не знаю, и может существенно обогатить событие моей жизни»* [1, с.160]. Поэтому, в диалоге важна встреча и принципиально несхожих позиций.

В этом своем качестве диалог, как это было сказано выше, есть важная основа малых коллективов. Везде в романах Достоевского мы увидим, что все герои находятся в «случайных» (с точки зрения социальной) коллективах [2, с.174]. Это нас интересует именно с точки зрения преодоления в диалоге «человека с человеком» любых барьеров (социальных, сословных, семейных). Бахтин отмечает: *«Исключительно острое ощущение другого человека как "другого", и своего "я" как голого "я" предполагает, что все те определения,*

которые облачают "я" и "другого" в социально-конкретную плоть – семейные, сословные, классовые и все разновидности этих определений, – утратили свою авторитетность и свою формообразующую силу. Человек как бы непосредственно ощущает себя в мире как целом, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы...герои Достоевского движимы утопической мечтой создания какой-то общины людей, по ту сторону существующих социальных форм» [2, с.174]. В этом и есть функция малых коллективов, как центров диалогического взаимодействия и взаимопонимания, это коммуникативная среда и возможность выражения себя и своих мыслей в среде ценностно благоприятной для этого. Там, где становится возможным диалог, там становится возможна и культура. Культура в целом строится как способность видеть, слышать, знать, иметь в виду другого. Культура основана на интересе к нему и попытке понять другого или других непохожих как множество неслиянных голосов и точек зрения на мир. Поэзия, музыка, проза, скульптура – все это пути выражения и эстетической объективации «другого» или «я как другого». Без «другого» культура невозможна и немислима. Убрав «другого», отношение к нему, мы обрушим культуру. Поэтому, культура может быть понята на основе диалога. Бахтин отмечает мир Достоевского как *«художественно организованное сосуществование и взаимодействие духовного многообразия»* [2, с. 40], но существенно добавим, что сосуществование и взаимодействие духовного многообразия это и есть культура. Поэтому, ее сохранение и развитие возможно только в условиях многоголосицы, многообразия, полифонии.

В этой статье мы попытались отобразить основные моменты феномена диалога в романе Достоевского понятое через призму его анализа М.М. Бахтиным. Этот фокус на концепте диалоге и его конкретных моментах, на наш взгляд, важен сегодня для современного общества в котором редуцирование диалогического взаимодействия угрожает культуре в целом. Своевременное и адекватное понимание диалогической природы культуры является одной из важнейших задач на пути сохранения гуманитарного знания, культуры и человеческого в человеке.

Литература:

1 Бахтин М.М.. Собрание соч. в 7.т. Москва, из-во Русские словари славянской культуры, 2003г. 1 т.

2 Бахтин М.М.. Собрание соч. в 7.т. Москва, из-во Русские словари славянской культуры, 2000г. 2 т.

3 Лотман Ю. Мысли о вечном. Воскресная нравственная проповедь (1990) URL: <https://m.youtube.com/watch?v=HjZHc3vOmY> (дата обращения: 06.01.2025)

Видершпан А.В.,
профессор кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Костанайского филиала
Челябинского государственного университета,
г. Костанай

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО КАК ПРИЗНАК ИДЕЙНОГО КРИЗИСА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ДОСТОЕВСКИЙ ШЫҒАРМАЛАРЫНДАҒЫ ҚҰДАЙДЫ ІЗДЕУ ОРЫС ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯСЫНЫҢ ИДЕОЛОГИЯЛЫҚ ДАҒДАРЫСЫНЫҢ БЕЛГІСІ РЕТІНДЕ

THE SEEKING OF GOD IN THE WORKS OF DOSTOEVSKY AS A SIGN OF THE IDEOLOGICAL CRISIS OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA

Аннотация: В статье делается попытка сравнительного анализа духовного кризиса интеллигенции немецкой и интеллигенции русской, как явления породившего немецкую классическую философию и русскую философскую литературу серебряного века. Обращается внимание на то, что идеалистический характер немецкой классической философии и богоискательство русской философской литературы были обусловлены слабостью буржуазной интеллигенции, её неспособностью на социальные преобразования. Это привело её к поиску мировоззренческих оснований в мире идеальном и отказу от активной социальной деятельности в мире материальном. Именно эти тенденции больше, чем у других писателей серебряного века проявляются в творчестве Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: интеллигенция, немецкая классическая философия, идеализм, богоискательство. мировоззрение, мировоззренческий кризис.

Аннотация: Мақалада неміс классикалық философиясы мен күміс дәуірдегі орыс философиялық әдебиетін дүниеге әкелген құбылыс ретінде неміс және орыс зиялыларының рухани дағдарысына салыстырмалы талдау жасауға талпыныс жасалған. Неміс классикалық философиясының идеалистік сипаты мен орыс философиялық әдебиетіндегі Құдайды іздеу буржуазиялық интеллигенцияның әлсіздігімен және оның әлеуметтік қайта құруларды жүзеге асыруға қабілетсіздігімен шартталғанына назар аударылады. Бұл оны идеалды әлемде идеологиялық негіздер іздеуге және материалдық әлемде белсенді қоғамдық белсенділіктен бас тартуға әкелді. Дәл осы тенденциялар күміс дәуірдің басқа жазушыларына қарағанда Ф.М.Достоевскийдің шығармаларында айқын көрінеді.

Негізгі сөздер: интеллигенция, неміс классикалық философиясы, идеализм, құдайшылдық. дүниетаным, дүниетаным дағдарысы.

Abstract: The article attempts to make a comparative analysis of the spiritual crisis of the German and Russian intelligentsia, as a phenomenon that gave birth to German classical philosophy and Russian philosophical literature of the Silver Age. It is noted that the idealistic nature of German classical philosophy and the search for God in Russian philosophical literature were due to the weakness of the bourgeois intelligentsia and its inability to make social changes. This led it to search for ideological foundations in the ideal world and to reject active social activity in the material world. It is these tendencies that are more evident in the works of F. M. Dostoevsky than in other writers of the Silver Age.

Key words: intelligentsia, German classical philosophy, idealism, search for God, worldview, worldview crisis.

Писать о творчестве Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, мягко говоря, сложно. Про этих людей написаны горы книг, статей, сняты десятки фильмов. Кажется, вся их жизнь и творчество рассмотрены под микроскопом, а, значит, ничего нового про них сказать и написать невозможно. Но, тем не менее появляются всё новые и новые взгляды на их творчество. Работает принцип герменевтического треугольника, углами которого являются автор, текст и читатель. Согласно этому принципу автор вкладывает в текст своё видение ситуации, текст начинает жить своей жизнью, а читатель видит в этом тексте свой смысл, обусловленный жизненным опытом самого читателя. При этом все три эти позиции никогда не совпадают. Таким образом и при изучении письменного наследия указанных авторов всё новые читатели видят нечто новое – своё. Автор данной статьи также попытался взглянуть на философский смысл творчества Ф.М. Достоевского с позиций своего жизненного опыта. При этом главным образом применяется метод сравнительного анализа, так как в картине мира автора просматривается параллель между немецкой классической философией и философскими воззрениями русских писателей-интеллигентов второй половины XIX – начала XX веков, или "серебряного века русской культуры".

Нужно сразу оговориться, что в данной работе речь не будет идти о творчестве старших представителей русской литературы – А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове и других. Рассматриваются именно мировоззренческие позиции деятелей русской литературы второй половины XIX – начала XX веков, именно в их творчестве автор видит нечто схожее с творчеством деятелей немецкой классической философии.

В монографии И.И. Богуты "История философии в кратком изложении"[1] утверждается, что немецкая классическая философия, в основном, была философией идеализма. В подтверждение приведём цитату из этой работы: "Оборотной стороной этих позитивных результатов является мировоззренческое убеждение большинства философов в идеализме" [1, с. 456]. Одной из важнейших причин по его мнению была "...экономическая и политическая слабость немецкой буржуазии, что привело к тому, что Германия переживала своё существование скорее в теории, чем на практике"[1, с. 457].

По мнению И.И. Богуты это привело к тому, что "В социальном плане немецкая философия – свидетельство идейного пробуждения "третьего сословия" Германии. Экономическая незрелость и политическая слабость немецкой буржуазии, территориальная раздробленность Германии наложили на неё свой отпечаток" [1, с. 458]. Таким образом, нам представляется, что появление немецкой классической философии именно в идеалистической форме было во многом обусловлено кризисом социального устройства Германии и осознанием этого кризиса недавно сформировавшейся немецкой интеллигенцией. С одной стороны, эта интеллигенция – плоть от плоти буржуазного общества не могла в раздробленной полуфеодальной стране занять достойное её уровня знаний и амбиций место, с другой стороны в силу слабости буржуазии она не видела возможностей для революционного преобразования немецкого социума и объединения Германии. Это заставляло её искать основания единства страны в "германском духе", считать, что именно идеальные начала смогут послужить движущей силой социальных изменений в Германии.

Таким образом, немецкая классическая философия нам представляется во многом плодом кризиса мировоззрения немецкой буржуазной интеллигенции, которая сформировалась в конце XVIII – первой половине XIX века.

Подобно этой философии, на взгляд автора, литература "серебряного века русской культуры", в том числе философская литература, тоже во многом стала плодом поиска идейных оснований для выхода из мировоззренческого кризиса молодой русской интеллигенции, которая сформировалась во второй половине XIX века. Русская интеллигенция, так же как за пол века до этого интеллигенция немецкая, была детищем русской буржуазии, которая также была слаба и не способна изменить социальный строй в России в конце XIX века. Часть русской интеллигенции в середине XIX века была увлечена идеями революционного преобразования общества, что нашло отражение в творчестве А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и целого ряда других деятелей культуры. Однако, революционное движение привело к террору, нечаевщине, что не могло не вызвать отторжения у многих деятелей интеллигенции второй половины XIX – начала XX веков. Хождение в народ тоже не дало ожидаемого результата, и русская интеллигенция оказалась один на один с мировоззренческим кризисом. С одной сторон, её лучшие представители осознавали необходимость социальных преобразований, с другой стороны, они не видели реалистичных методов эти преобразования осуществить.

Наиболее ярко процесс нравственного и идейно-мировоззренческого поиска русской интеллигенции отражается в "Самопознании" Н.А. Бердяева. [См. 2]. В этой работе он прослеживает как шёл процесс трансформации его собственного мировоззрения от марксизма к признанию сотворчества Бога и человека. Именно Н.А. Бердяев приходит к выводу, что в своей свободе человек стремится к творчеству, как созданию нового мира, и в своём творческом акте он, выходя за рамки имманентного в область трансцендентного, становится соравен Богу. Именно Н.А. Бердяев

провозглашает, что если Бог создал человека по образу и подобию своему, то и человек создал Бога (образ Бога) по образу и подобию своему, как идеального человека. [См. 2, с. 167-172]

Подобный путь поиска мировоззренческих оснований можно проследить в творчестве и других великих русских писателей конца XIX – начала XX века. Вл. Соловьёв в своих поисках идеологических оснований мира приходит к идее всеединства в Боге, Эти его идеи приводят его к пониманию, что ни одна из имеющихся церковей не способна привести к всеединству, так как никто не готов отказываться от собственных убеждений. Таким образом, приближение к всеединству на Земле, по его мнению, должно идти через экуменистическое движение по созданию новой единой христианской церкви, которая должна вобрать в себя лучшие стороны существующих христианских церковей и избавиться от их недостатков.

Говоря о нравственно-философских исканиях русской интеллигенции нельзя не упомянуть Л.Н. Толстого. В молодости Лев Николаевич был участником обороны Севастополя во время Крымской войны. Ужасы войны произвели на него неизгладимое впечатление, сделав его стойким пацифистом в лучшем смысле этого слова. Отвращение к насилию, его неприятие в любых формах можно видеть уже в его "Севастопольских рассказах" [См. 3], в последующих произведениях эта его идея только больше развивается. В то же время Л.Н. Толстой также ищет, что может стать той мировоззренческой, этической основой, которая позволит человеку выйти из ужаса эскалации насилия. Его этика – библейская этика, которая требует "если ударили тебя по левой щеке – подставь правую". однако и он, как и Вл. Соловьёв, обращается не к традиционному православию, в котором видит ханжество, искусственность и жесткость, а к поиску "Бога живого". Его герои тогда ближе всего к Богу, когда они переживают нравственный кризис. Это конечно же князь Андрей на Аустерлицком поле, он же в саду Ростовых, наблюдающий за Наташей, и он же умирающий, примирившийся со смертью и даже уже душой пребывающий не в этом мире. Это Пьер Безухов в плену, наблюдающий за простым солдатом и учащийся у него жить здесь и сейчас. В то же время Анна Каренина, так и не сумевшая пережить свой нравственный катарсис, выйти за рамки светской условности, заканчивает жизнь самоубийством. Ни масонство, ни традиционное православие, с их рамками, внешними установлениями и догмами, не спасают героев Л.Н. Толстого от удушающей (здесь этот "штамп" действительно уместен) мировоззренческой, духовной атмосферы света.

Как мы видим, на примере трёх вышеназванных мыслителей, они чувствуют пустоту бездуховности и необходимость более высокого смысла жизни, чем просто выживание, но в традиционной религии, скованной догматами, Бога и духовности не находят. Это и толкает их на богоискательство.

Если же говорить о творчестве Ф.М. Достоевского, то, на взгляд автора, указанные черты в нём проявляются наиболее ярко. Если у Л.Н. Толстого мы видим высший свет, скованный удушающими условностями и крестьянство, в своей близости к природе более свободное и, наверное, счастливое, то у Ф.М.

Достоевского главными героями становятся маргиналы, люди, хотя и имеющие образование или благородное происхождение, но оказывающиеся на грани нищеты (а то и за этой гранью), либо ощущающие себя таковыми. Окружающие их обстановка и социум мрачны и беспросветны. В этих условиях герои Ф.М. Достоевского не могут найти радости в жизни, жизненного смысла. Таким человеком оказывается Радион Раскольников, пытающийся найти смысл жизни в великих деяниях, ради которых можно переступить через любые моральные нормы. В конечном итоге, даже мучимый угрызениями совести, Р. Раскольников не раскаивается, а лишь озлобляется на самого себя за то, что не смог соответствовать собственному высокому идеалу сверхчеловека. Только абсолютное отречение от себя, бескорыстная жертвенная любовь Сонечки Мармеладовой приводит к его духовному возрождению.

Иная ситуация у князя Мышкина. Будучи от природы честным, искренним человеком, он не может прижиться в обществе. Наверное, болезнь для него является спасением, так как вести себя "как все" он органически не способен, а его поведение для окружающих является прощительным только в силу его болезни. Но не лучше и судьба его альтер-эго Парфёна Рогожина, который не способен контролировать собственные страсти, сама обстановка в которой он вырос формирует его характер. Мрачный дом Рогожина, даже в описании давит, создаёт ощущение ограниченности, несвободы. И напрашивается вывод, что П. Рогожин, выросший в этой атмосфере, рвётся из этой душающей среды, но сам не может себя из неё выпустить.

Наиболее интересным произведением, на наш взгляд, в плане прояснения взглядов Ф.М. Достоевского являются "Братья Карамазовы" [См. 4]. Именно в этой работе показаны и безысходность бытия человека и нравственный поиск. В "Легенде о Великом инквизиторе" [См. 4, с. 148-152] Ф.М. Достоевский показывает, что даже "Царство небесное" на Земле без Бога лишено смысла. Ещё чётче эта мысль прослеживается в описании жизни и деяний старцев, Отец Ферапонт – постник, молчальник, истовый верующий, уподобляется фарисею, для которого форма заменяет содержание, противопоставляется старцу Зосиме, который как светлый луч своим живым общением и участием согревает и освещает жизнь всех с ним соприкасающихся. И здесь мы видим поиск Бога живого и то, что не в догматах и строгих обрядах Церкви Ф.М. Достоевский находит его, а в активной жизненной позиции, в соблюдении заповедей Христа и в повседневной жизни, а не только в жизни воцерковлённой. Не случайно Зосима благословляет Алёшу Карамазова на подвиг веры в жизни мирской и отказывает ему в монашеском постриге.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что такое активное богоискательство русской интеллигенции свидетельствует о её бессилии и не способности на социальное преобразование, на переносе ею надежды на выход из безысходного положения с человеческих плеч на плечи Бога. Не случайно в сборнике статей "Вехи" [См. 5] все авторы дают негативную оценку русской интеллигенции, как социальной общности не способной на положительное действие, лишь создающей видимость деятельности. Это связано с эгоизмом и нежеланием русской интеллигенции работать над собственным духовно-

нравственным совершенствованием, сопровождающейся готовностью поучать и критиковать деятельность других. На взгляд автора это и есть характерные черты, мировоззренческого кризиса, переживавшегося русской интеллигенцией на рубеже XIX – XX веков.

Литература:

1 История философии в кратком изложении/ Пер. с чеш. И.И. Богута. – М.: Мысль, 1997 – 590 с.

2 Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской биографии). – М.: Книга, 1991 – 448 с.

3 Толстой, Л.Н. Севастопольские рассказы / Л.Н. Толстой. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 126 с. – (Памятники литературы). – ISBN 978-5-534-12844-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/567155> (дата обращения: 22.01.2025).

4 Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы»: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, Харвест; Москва; 2007 – 500 с.

5 Вехи Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка/ Репринтное воспроизведения издания 1909 года. М.: Международная ассоциация деятелей культуры "НОВОЕ ВРЕМЯ", журнал "ГОРИЗОНТ", 1990 – 212 с.

Дробышева А. В.,
студентка 4 курса Филиал ГБОУ
ВО СГПИ в г. Ессентуки
*Научный руководитель –
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории, права
и общественных дисциплин,
Филиал ГБОУ ВО СГПИ в г. Ессентуки
г. Ессентуки*

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЕГО ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ:
ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ**

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ ЖӘНЕ ОНЫҢ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ МҰРАСЫ:
ҚАЗІРГІ ЗАМАН МЕН КЛАССИКАНЫҢ ТОҒЫСУЫ**

**F.M. DOSTOEVSKY AND HIS PHILOSOPHICAL LEGACY: THE
INTERWEAVING OF MODERNITY AND CLASSICS**

Аннотация: В данной статье рассматривается философское наследие Ф.М. Достоевского в контексте экзистенциальных, метафизических, этических и религиозных концепт, как метода взаимодействия с классическими и современными интерпретациями. Особое внимание также уделяется актуальным философским направлениям, подчеркивая способность автора «переговариваться» с современными проблемами, тем самым открывая новые перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Философия, мысль, писатель, классика, современность, наследие.

Аннотация: Бұл мақалада ф.м. Достоевскийдің философиялық мұрасы экзистенциалды, метафизикалық, этикалық және діни тұжырымдамалар контекстінде классикалық және заманауи интерпретациялармен өзара әрекеттесу әдісі ретінде қарастырылады. Автордың қазіргі заманғы мәселелермен "келіссөздер жүргізу" қабілетіне баса назар аударатырып, өзекті философиялық бағыттарға ерекше назар аударылады, осылайша одан әрі зерттеу үшін жаңа перспективалар ашылады.

Түйінді сөздер: Философия, ой, жазушы, классика, қазіргі заман, мұра.

Abstract: This article examines the philosophical legacy of F.M. Dostoevsky in the context of existential, metaphysical, ethical and religious concepts as a method of interaction with classical and modern interpretations. Special attention is also paid to current philosophical trends, emphasizing the author's ability to "negotiate" with modern problems, thereby opening up new perspectives for further research.

Keywords: Philosophy, thought, writer, classics, modernity, heritage.

Федор Михайлович Достоевский – одна из центральных фигур в российской и мировой литературе, чье философское наследие остается актуальным на протяжении многих десятилетий. Произведения автора оставили неизгладимый след в культуре и философии, являясь объектом глубокого анализа и обсуждения [2, с. 190].

Довольно часто Достоевский Ф.М. рассматривается как предшественник экзистенциализма. В произведениях Достоевского прослеживается осмысление таких понятий, как свобода, смысл жизни и человеческая ответственность. Примером может служить роман «Преступление и наказание», где главный герой Родион Раскольников пытается оправдать убийство старухи-процентщицы, полагая, что он имеет право на «великое дело». Экзистенциальные переживания, которые испытывает герой, подчеркивает важность свободы и личной ответственности, а также накладывают отпечаток на восприятие как личной, так и социальной философии, что делает его работы актуальными и сегодня [1, с. 60].

Философская глубина мыслителя также отражается в метафизических размышлениях. Автор часто задает вопросы о природе реальности, существования Бога, а также о двойственности человеческой природы. Так, в романе «Игрок» ставятся вопросы о зависимости и внутренней борьбе человека, что позволяет углубиться в понимание метафизических основ человеческого существования. Достоевский исследует концепцию «двойственности человеческой натуры», где каждый носит в себе добрые и злые порывы [2, с. 154].

Также одной из центральных тем творчества Достоевского является рассмотрение моральных дилемм. Данный аспект позволяет углубиться в обсуждение этических вопросов и ответственности человека за свои действия. Например, в романе «Братья Карамазовы» писатель исследует концепцию свободной воли и моральной ответственности. Этические вопросы, с которыми сталкиваются персонажи, заставляют читателя задуматься о понятии добра и зла, о том, каковы истинные причины человеческой активности [2, с. 211].

Федор Михайлович являет собой яркого представителя русской религиозной мысли, произведения которого пронизаны вопросами веры, надежды, любви и сомнения. Несомненно, концепции становятся основой для многогранного анализа религиозных вопросов, которые современное общество продолжает обсуждать. Религиозные концепции представлены в произведениях Достоевского как борьба между светом и тьмой, между верой и сомнением, что делает его творчество актуальным для читателей всех времен [1, с. 93].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что философское наследие Ф.М. Достоевского представляет собой кладь идей, которые продолжают влиять на нас и по сей день. Достоевский остается актуальным голосом в философском дискурсе, предлагая глубокие размышления о человеческой сущности, экзистенциальных переживаниях и вечных вопросах, что делает его творчество вечно живым и давним стимулом для исследователей, студентов и любителей литературы.

Литература:

1 Извекова Т.Ф., Соотношение религиозной веры и научного знания в познавательном процессе: на примере философских взглядов Ф.М. Достоевского / тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 00.00.00, доктор наук Извекова Татьяна Федоровна. – Казань, 2023. – 249 с.

2 Ли Т. Будущее человечества в философском мировоззрении Ф. Достоевского и Вл. Соловьева / тема диссертации и автореферата по ВАК РФ 00.00.00, кандидат наук Ли Тяньюнь. – Москва, 2022. – 380 с.

Капитанова О.М.,

учитель русского языка и литературы
КГУ «Школа-лицей №4 ОО г. Рудного»

УО акимата Костанайской области

г. Рудный

Научный руководитель – Волкова И.А.,

магистр педагогических наук

КГУ «Школа-лицей №4 ОО г. Рудного»

УО акимата Костанайской области

г. Рудный

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АГЕНТ (ИЗ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ИИ В АРХИТЕКТУРЕ УРОКА)

ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ-ПЕДАГОГИКАЛЫҚ АГЕНТ (АРХИТЕКТУРА САБАҚЫНДА АИ-ДІ ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІНЕН)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE – EDUCATIONAL AGENT (FROM THE EXPERIENCE OF USING AI IN THE ARCHITECTURE OF THE LESSON)

Аннотация. В статье рассматривается специфика пропедевтики искусственного интеллекта в среднем образовании, в частности для учащихся с ООП. Делается обзор современного цифрового инструментария в обучении школьников с ООП, обсуждаются различные возможные педагогические подходы к изучению искусственного интеллекта, оценивается особая важность проектной деятельности в процессе обучения детей с ООП.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, начальная школа, проектная деятельность, пропедевтика, алгоритмическая культура, математическое мышление.

Аннотация. Мақалада орта білім берудегі жасанды интеллект пропедевтикасының ерекшеліктері, атап айтқанда, ерекше білім беру қажеттіліктері бар студенттерге арналған. Мақалада ерекше білім беру

қажеттіліктері бар мектеп оқушыларын оқытуға арналған заманауи цифрлық құралдарға шолу жасалады, жасанды интеллектті зерттеудің әртүрлі ықтимал педагогикалық тәсілдері талқыланады және ерекше білім беру қажеттіліктері бар балаларды оқыту үдерісіндегі жобалық әрекеттердің ерекше маңыздылығы бағаланады.

Негізгі сөздер: жасанды интеллект, АИ, бастауыш мектеп, жобалық іс-әрекет, пропедевтика, алгоритмдік мәдениет, математикалық ойлау.

Annotation. The article examines the specifics of artificial intelligence propaedeutics in secondary education, in particular for students with OOP. An overview of modern digital tools in teaching students with PLO is given, various possible pedagogical approaches to the study of artificial intelligence are discussed, and the special importance of project activities in the process of teaching children with PLO is assessed.

Key words: artificial intelligence, AI, elementary school, project activity, propaedeutics, algorithmic culture, mathematical thinking.

Многие пользователи современных гаджетов уже дали положительные оценки голосовому помощнику Google и Яндекс станции Алиса; множество маркетплейсов прямо сегодня предлагают покупателям «умные» устройства для ведения хозяйства или бизнеса, воспитания детей или обучения, для спасения жизни или здоровья, как, к примеру, дрон-спасатель или лампа с эмоциональным интеллектом от Xiaomi, замок с распознаванием лиц бренда Vision, робот-мойщик окон или робот-пылесос. Эти устройства объединены не только целями сделать жизнь человечества намного проще и интереснее, но и основой технологией создания – искусственным интеллектом. История этого направления современной науки, подходящего для обучения роботизированной техники или аналитической системы принципу разумно мыслить подобно человеку, насчитывает более полувека; мечта учёных-первопроходцев этой научной стези о «разумных» роботах-помощниках шла рядом с созданием ранних компьютеров. Возможно ли эффективно использовать инструменты ИИ в архитектуре современного урока русского и английского языков для обучения учащихся с ООП?

Актуальность рассматриваемого вопроса осложнена малоизученностью данного направления в отечественной педагогике, в современной научной литературе ограничено освещается процесс формирования новых методов обучения и воспитания посредством возможностей ИИ обучающихся с ООП. Сегодня искусственный интеллект на основе нейронных сетей проник практически во все сферы жизни общества, совсем недавно он постучал в школу – пока еще не стоит вопрос о его включении в программы среднего образования, однако уже никто не оспорит постулат о трансформации современного урока под воздействием нейросети. В данном исследовании привлекает проблема интеграции искусственного интеллекта в образование, возможности которого являются катализатором во взаимодействии цифрового мира с организацией работы педагога в классе (в частности на уроках русской и

английской словесности с учащимися с ООП). Применение систем искусственного интеллекта позволит индивидуализировать процесс обучения, учитывая способности и степень одаренности ученика, облегчит нагрузку учителя словесности в организации процесса обучения, в частности при создании обучающего контента и в оценивании достижений обучающегося. Применение сервисов искусственного интеллекта в процессе обучения как цели работы современного педагога способствует оптимизации учительской практики, стоит исследовать возможности интеграции искусственного интеллекта в обучающую среду: проанализировать литературу и существующие изыскания в области интеграции искусственного интеллекта в сферу обучения, чтобы понять в каком направлении действовать, создать боты в мессенджере Telegram и провести анкетирование среди коллег, сформировать библиотеку контента и базу для оценивания индикаторов обучения. Предмет исследования являются технологии ИИ, объектом исследования возможности технологий использования искусственного интеллекта для оптимизации обучающей среды на уроках русской словесности. Практическая значимость данного исследования видится, что полученные результаты исследовательской работы могут быть использованы учителями на уроках словесности для повышения образовательного уровня уроков для учащихся с ООП. Методы исследования (анализ научной литературы по данной теме, личные наблюдения и исследование, анкетирование и обработка результатов анкетирования) легли в основу данных базы исследования об инструментах искусственного интеллекта для современного образования. Процедура исследования состояла из следующих этапов: изучить различные статистические сведения о ресурсах ИИ, собрать необходимые компоненты по ресурсам ИИ, создать интерактивную библиотеку, выявить эффективность данного проекта на практике в преподавании словесности.

Новизна исследования заключается в том, что по данной тематике в данной форме в нашем регионе не рассматривались подобные работы ранее. На основе полученных данных, автор пришла к следующим выводам: использование ресурсов ИИ (инструмент Gradescope AI, Fetchy, программное обеспечение для транскрибирования Nuance's Dragon, продукты Cognii, продукты провайдера Carnegie Learning, чат-бот Ivy, программа-тренер Plaito, возможности Magic Design от Canva) на уроках русского и английского языков значительно повышает уровень успеваемости учащихся с ООП, о чем свидетельствует динамика в индикации обучения за период полугодия текущего учебного года, воспитывает поликультурную личность и интерес у школьников к изучению языков. Область практического применения: интерактивный банк может быть использован на уроках словесности и внеклассной деятельности педагогами и студентами педагогических вузов.

Для подтверждения гипотезы изыскания (генерация образовательного контента – иллюстраций творческих работ или презентаций, создания учебных заданий, написания и редактирования текстов посредством ИИ) креативная задача решалась намного быстрее с помощником-машиной [2], неким нейроагентом педагога. Для генерации текстов созданный автором

исследования чат-бот нейросеть охотно собрал и скомпоновал данные, попутно помогая разобраться с грамматическими заданиями. Посредством чат GPT был разработан и сгенерирован образовательный контент (Приложение 3) для уроков русского и английского языка согласно тематическому планированию педагогов. По личному опыту могу утверждать, что составляемые чат-ботом тексты содержат достаточно много новых слов, и в процессе его сокращения ученик переводит неизвестные (непонятные) слова, что значительно пополняет лексический запас! При работе с GPT созданные тексты легко упрощать в программе twee.com. С помощью нейросети стало возможно автоматизировать процесс превращения лекций в конспекты – технология автоматически распознаёт звучащую речь и переводит её в письменный текст [2], что так необходимо в педагогическом взаимодействии с учащимися ООП: для обучающегося с группой инвалидности с нарушением зрения нами были разработаны задания для уроков английской, русской словесности посредством виртуального помощника «Кеша» на базе чат-бота GPT4, которым пользуется образовательный сервис Skyeng, «Кеша» позволил моделировать и отработать диалоги с целью получения от собеседника обратную связь с выделенными ошибками (Приложение 4). Как известно, частая проблема, с которой сталкивается каждый второй ученик – незнание, как правильно распределить время в выполнении домашнего задания [4]: для генерации изображений ИИ может помочь ученикам при нехватке воображения или времени в создании презентаций или выполнении творческих заданий (например, чтобы добавить красочности). Нейросети YandexART, Midjourney были использованы нами для генерации изображений по рассказу, стихотворению, которые можно использовать на уроках литературы, языка или на внеурочной деятельности. Практическая часть работы показала, что нейросети, генерирующие текст или изображения, могут справиться с простыми запросами, однако обращение нужно формулировать чётко и лаконично описывать необходимый результат.

Изучив содержание учебников по английскому и русскому языку за 5 класс, автор решила разработать дополнительные задания к учебному курсу с использованием ресурсов искусственного интеллекта, определив «сквозные» разделы в программе русского и английского языка за 5 класс: Жизненные ценности / Values, Мир профессий / Theworldofwork, Фантазия без границ / Fantasyworld, Живые организмы: растения/ Livingthings, Каникулы и отдых / Holidays. По каждому разделу был составлен список ключевых слов, на основе которого разработаны разнообразные задания на повторение, закрепление и применение активной лексики в предложениях и текстах, были использованы следующие ресурсы искусственного интеллекта (Приложение 2,3,4,5). Программа wordclouds.com позволяет создавать интересные задания на повторение и закрепление активной лексики. Примечательно то, что их можно использовать и на интерактивной доске, а ещё интереснее на рабочих листах, поскольку можно выделять, отмечать, соединять слова, а также выполнять лексико-грамматическое задание: раздели слова по частям речи, определи единственное и множественное число, найди синонимы, составь предложения с данными словами. Программа twee.com позволяет создавать разнообразные

задания на применение лексики: составлять понятие слова, устойчивые словосочетания, сопоставлять слова с их значением, составлять с ними предложения и даже тексты! Эта программа очень полезна как при самостоятельном углубленном изучении языков, так и при выполнении домашнего задания: - прочитай слова и найди их значения (на сопоставление); - составь предложения с новыми словами; - прочитай предложения и дополни их недостающими словами; - очень интересное задание на чтение с применением новых слов, прочитай текст и дополни его недостающими словами (Приложение 2.3). Также данный ресурс позволяет не только составлять тесты по нужной теме, но и сокращать и усложнять их (Приложение 2.4). Можно составлять разнообразные задания и сохранять их в доступном для печати PDF формате.

На основе полученных данных, автор пришла к следующим выводам: использование ресурсов ИИ на уроках языка значительно повышает уровень успеваемости учащихся, о чем свидетельствует опрос учащихся 5 и 8 классов за период полугодия текущего учебного года, воспитывает поликультурную личность и интерес у школьников к изучению языков. Область практического применения: интерактивный банк контента может быть использован на уроках словесности и внеклассной деятельности педагогами и студентами педагогических вузов. Алгоритмы ИИ превосходят человеческие возможности человека во многих сферах, где речь идет о предоставлении информации и обработке данных, они способны брать на себя и «творческие» функции, что позволяет использовать данные способности умной промышленности в образовательной сфере. ИИ может адаптировать образовательную программу и методики обучения под каждого ученика индивидуально, позволяя каждому обучающемуся развиваться в своем темпе и сосредотачиваться на своих слабых местах; помимо этого искусственный интеллект может предоставить дополнительные возможности для интерактивного обучения педагогу – робот-педагог помогает ученикам в освоении нового материала, создавая более эффективную обучающую среду.

Литература:

1 Гаранина О. Е. Искусственный интеллект: как работает и критерии оценки. Текст научной статьи по специальности «Компьютерные и информационные науки» Киберленинка. <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-rabotaet-i-kriterii-otsenki>

2 Гаранина О. Е. Искусственный интеллект: как работает и критерии оценки. Текст научной статьи по специальности «Компьютерные и информационные науки» Киберленинка <https://www.unite.ai/ru/10-best-ai-tools-for-education/>

Приложение 1. <https://disk.yandex.kz/i/t0pxdDVLhGnG6Q>

Цифровой сервис контента для уроков русского, английского языков 5 класса:

Приложение 2. <https://www.wordclouds.com/>

Приложение 3. <https://app.twee.com/>

Приложение 4. <https://web.telegram.org/a/>

Приложение 5. <https://disk.yandex.kz/d/I8muzTU6Us8H9w>

Приложение 6. <https://disk.yandex.kz/i/rQKOsklif3GjOA>

Колдыбаев С.А.,
доктор философских наук, профессор,
г. Астана

**Ф. ДОСТОЕВСКИЙ О Ч. ВАЛИХАНОВЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ
ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДОВОЙ ЧАСТИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
К КАЗАХСКОМУ НАРОДУ**

**Ф. ДОСТОЕВСКИЙ Ч. УӘЛИХАНОВ ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТ РЕТІНДЕ
ОРЫС ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯСЫНЫҢ ОЗЫҚ БӨЛІГІНІҢ ҚАТЫНАСЫ
ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНА**

**F. DOSTOEVSKY ABOUT CH. VALIKHANOV AS AN EXPRESSION OF
THE ATTITUDE OF THE ADVANCED PART OF THE RUSSIAN
INTELLIGENTSIA TO THE KAZAKH PEOPLE**

Аннотация: Дружба Ф. Достоевского и Ч. Валиханова, как выражение дружеского, искренне гуманистического отношения настоящей русской интеллигенции России к казахскому народу. Такое отношение противопоставляется иной, реакционно-шовинистической части определенной, исторической части русской интеллигенции, в том числе современной к казахам и Казахстану.

Ключевые слова: интеллигенция, личность, казахи, народ, духовность.

Аннотация: Ф. Достоевский мен Ш. Уәлихановтың достығы Ресейдің нағыз орыс зиялыларының қазақ халқына деген достық, шын жүректен жылы қарым-қатынасының көрінісі ретінде. Мұндай көзқарас орыс зиялыларының белгілі, белгілі бір бөлігінің, әсіресе қазіргі қазақтар мен Қазақстанға деген реакциялық-шовинистік бөлігімен салыстырылады.

Негізгі сөздер: зиялы қауым, тұлға, қазақтар, халық, руханият.

Abstract: Friendship of F.Dostoevsky and Ch. Valikhanov, as an expression of the friendly, sincerely warm attitude of the real Russian intelligentsia of Russia to the Kazakh people. This attitude is opposed to another, reactionary-chauvinistic part of a certain, well-known part of the Russian intelligentsia, especially the modern Kazakhs and Kazakhstan.

Key words: intelligentsia, personality, Kazakhs, people, spirituality.

Актуальность рассматриваемой темы определяется необходимостью дифференцированного подхода к оценке отношения представителей русской интеллигенции, в истории, и современности к казахскому народу.

Цель работы: показать через отношение Ф. Достоевского к известному казахскому просветителю общее, дружественное отношение к казахскому народу, что имеет важное современное значение для дружбы казахского и русского народов.

Используемые методы исследования: сравнительно-исторический, системный

Взаимные, добрые узы дружбы, которые связывали Ч. Валиханова и Ф. Достоевского – этих двух, без преувеличения, великих людей казахского и русского народов невольно наталкивают на определенные ассоциации связанные с проблемой отношения интеллигенции к другим народам. Такие узы дружбы, связывающих великих личностей истории характеризовали в частности, отношение лучшей, демократической части царской России, которую представлял Ф. Достоевский к казахскому народу, одним из представителей которой выступал в частности, Ч. Валиханов.

И здесь нельзя не напомнить, что для истории русской интеллигенции исторически всегда были присущи два типа отношения к народам национальных окраин, в том числе их лучшей части. Они существовали как в историческом прошлом, когда была Российская царская империя, так они проявляются и сегодня, когда Россия и Республика Казахстан стали независимыми государствами.

Первый характер отношений был присущ официальной царской России, мракобесным, черносотенным представителям власти, которые относились к любым инородцам национальных окраин как выразителям примитивных, отсталых народов, которых надо в будущем ассимилировать, сделать их православными по религиозной вере. В советский период подобный характер отношения проявился, по-своему, в 20-30 годы XX в. в частности, к лучшим представителям казахского народа – А. Байтурсынову, А. Букейхану, М. Дулатову и др. которые были поголовно репрессированы.

Но история русской интеллигенции знает и другой, иной характер отношения к представителям национальных меньшинств. Он тоже проявлялся как в историческом прошлом, так и существует и сейчас в отношениях между казахскими и русскими народами. Он присущ по отношению к казахам по настоящему передовой лучшей, демократической части русской интеллигенции. Дружба Ч. Валиханова и Ф. Достоевского – это выражение отношения именно этой действительной части русской интеллигенции к представителям национальных окраин. В одном из писем, Ч. Валиханову Ф. Достоевский признавался: «Вы пишете мне, что меня любите. А я вам объявляю без церемоний, что я в вас влюбился. Я никогда и ни к кому,... не чувствовал такого влечения, как к вам...» [1, с. 131]. Но подобные братские отношения к представителям казахского народа, как известно, в то далекое от современности историческое время высказывали и другие лучшие

представители русского народа – Левшин, Затаевич, Веселовский, Потанин, Григорьев и др. Можно сказать, что такое отношение сегодня характеризует лучшую, преобладающую часть современной русской интеллигенции, которая откровенно отделилась от оскорбительных, шовинистических выпадов в адрес казахского народа.

Но все же возникает вопрос, а в чем причина такой разницы в отношении к другим народам в среде русской интеллигенции? Такого вопроса, например, не возникает относительно российской власти в царской империи. Власть, она во все времена власть. Для нее всегда в приоритете, особенно если она имперская были будут на первом плане административно-геополитические интересы. Человеческим отношениям людей, в том числе между народами она менее всего склонна уделять внимание.

Но российская интеллигенция, как видим, в отношении к другим народам отнюдь не так монолитна как власть. Отсюда вопрос. Почему одна часть, олицетворением которой, в частности являлся Ф. Достоевский показывала себя к казахскому народу через отношение к Ч. Валиханову как действительно бескорыстная, братская сила.

На наш взгляд, оселком водораздела отношения к другому народу в любом интеллигенте выступает наличие и мера в нем черты интеллигентности, той самой духовности, которая собственно и является отличительной чертой этой социальной группы людей. Иллюстрация тому позиция великого русского писателя. Для Ф. Достоевского как представителя лучшей части русской интеллигенции люди делились не по ранжиру своей национальной принадлежности, а прежде всего по уровню интеллекта, приоритету духовности, порядочности.

Ф. Достоевский, отбывавший ссылку в Семипалатинске хорошо знал казахов, отмечал их дружелюбие, открытость, готовность к сотрудничеству, дружбе. Он был искренен в своей любви к казахской Степи, отмечая его приволье, воздух, природное богатство. Сама Степь в его более поздних воспоминаниях ассоциировалась с образами бесхитростных, добрых казахов, органическим следствием которой для него выступал великий сын казахского народа Ч. Валиханов. Высказывая общую позицию к казахскому народу в «Дневнике писателя» Ф. Достоевский, в частности, отмечал: «Мы первые объявим, что не чрез подавление личностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельнейшем развитии всех других нации, и в братском единении с ними восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им и от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душой и духом, учась у них» [2, с. 234].

И здесь важно помнить, на будущее, в отношениях наших народов руководствоваться тем, что духовные узы, связывающие настоящих интеллигентов в лице Ч. Валиханова и Ф. Достоевского для нас живущих в XXI веке должны выступать основными в укреплении дружбы казахского и русского народов.

Литература:

1 Валиханов Ч.Ч. собр. Соч. в пяти томах. Том 5 – Алма-Ата, главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985, 2-изд. 456 с.

2 Достоевский Ф. Дневник писателя в 2 т. М., Книжный клуб. 2011, т.2, 752 с.

Кульжанова Г.Т.,

кандидат философских наук, профессор
кафедры общеправовых дисциплин
Костанайской академии МВД РК
имени Шрапбека Кабылбаева,
г. Костанай

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДОСТОЕВСКОГО В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ XXI ВЕКА

XXI ҒАСЫРДЫҢ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ ДӘСТҮРІНДЕГІ ДОСТОЕВСКИЙДІҢ ШЫҒАРМАШЫЛЫҚ МҰРАСЫ

THE CREATIVE LEGACY OF DOSTOEVSKY IN THE PHILOSOPHICAL TRADITION OF THE 21ST CENTURY

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния творчества Ф.М. Достоевского на философскую традицию XXI века. В его произведениях рассматриваются основные темы человеческого бытия, а также экзистенциальные и постмодернистские аспекты, включая вопросы свободы, морали и духовного кризиса. Особое внимание уделяется интерпретации идей Достоевского в контексте современных философских дискурсов и их актуальности для глобальных проблем современности.

Ключевые слова: человеческое бытие, свобода и мораль, духовный кризис, постмодернизм, экзистенциализм, полифония, истина.

Аннотация: Мақала 21 ғасырдың философиялық дәстүріне Ф.М.Достоевский шығармаларының әсерін талдауға арналған. Оның шығармалары адам болмысының іргелі тақырыптарын, сонымен қатар бостандық, мораль және рухани дағдарыс мәселелерін қамтитын экзистенциалды және постмодерндік аспектілерді зерттейді. Достоевский идеяларын қазіргі заманғы философиялық дискурстар контекстінде түсіндіруге және олардың қазіргі заманның жаһандық мәселелеріне қатыстылығына ерекше назар аударылады.

Негізгі сөздер: адам болмысы, еркіндік пен адамгершілік, рухани дағдарыс, постмодернизм, экзистенциализм, полифония, ақиқат.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the influence of F. M. Dostoevsky's works on the philosophical tradition of the 21st century. The main themes of human existence, as well as existential and postmodern aspects, including issues of freedom, morality and spiritual crisis, are reconsidered in his works. Particular attention is paid to the interpretation of Dostoevsky's ideas in the context of modern philosophical discourses and their relevance to global problems of our time.

Key words: human existence, freedom and morality, spiritual crisis, postmodernism, existentialism, polyphony, truth.

Сегодня творческое наследие Ф. М. Достоевского – одного из выдающихся русских писателей, мыслителей и философов XIX века – продолжает оставаться важным объектом исследования в философской мысли XXI века. Его произведения глубоко исследуют природу человека, затрагивая вопросы морали, свободы, воли и ответственности, что делает их актуальными для современного общества. В. Г. Белинский, характеризуя талант Достоевского, справедливо отмечал: «Его [Достоевского] талант принадлежит к разряду тех, которые постигаются и признаются не вдруг. Много, в продолжение его поприща, явится талантов, которых будут противопоставлять ему, но кончится тем, что о них забудут именно в то время, когда он достигнет апогея своей славы» [1].

Как известно, Фёдор Михайлович в своих трудах обращается к фундаментальным вопросам человеческого бытия, включая экзистенциальные проблемы, роль человека в мире и его взаимоотношения с моралью и самостоятельным выбором. Его размышления находят отклик не только в литературе, но и в философских дискуссиях, исследующих природу человека и смыслы, которые он придает своей жизни.

Следовательно, целью данной статьи является исследование того, как философия великого романиста влияет на мысль XXI века. В статье будет рассмотрено, каким образом основные идеи писателя взаимодействуют с современными философскими тенденциями.

Следует отметить, что Ф. М. Достоевский – один из тех мыслителей, чьи литературные творения оказали значительное влияние на развитие философии экзистенциализма. Хотя сам писатель никогда не использовал этот термин, его размышления об идее автономии, выборе и экзистенциальных страданиях повлияли на таких философов, как С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр и А. Камю.

Центральным элементом философии автора всемирно известных романов, безусловно, является его глубокое понимание простора для действий. В своих романах, таких как «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы», он, прежде всего, исследует вопросы независимости, долга и внутренней борьбы человека с самим собой. Эти темы, как известно, тесно связаны с главными проблемами экзистенциализма, такими как кризис смысла жизни и выбор в условиях моральной неопределённости.

Особое внимание, в частности, стоит уделить теме «где границы свободы?». В экзистенциалистской философии, как правило, самостоятельность всегда связана с сознательностью, и великий романист, таким образом,

воссоздает это через своих персонажей, сталкивающихся с трудными моральными выборами. Например, Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» пытается бы, оправдать свои поступки рациональными рассуждениями. Однако в конечном итоге он сталкивается с внутренним конфликтом и экзистенциальным отчаянием. Его стремление к абсолютной независимости, а точнее, к праву действовать вне рамок морали и закона, приводит его к осознанию своих обязанностей и, в итоге, к духовному возрождению.

Тема ограничений, которой мастер слова придает огромное значение, в свою очередь также перекликается с экзистенциалистской философией. Для экзистенциалистов страдание не является чем-то случайным – оно воспринимается как неотъемлемая часть человеческого существования, согласно мнению философов, своеобразный катализатор внутреннего роста и трансформации личности.

Таким образом, философия экзистенциализма, развиваясь в XX веке, черпала множество идей из художественных трудов одного из столпов русской литературы. Его убеждение в том, что человек не может быть свободен без осознания своей готовности отвечать за свои поступки, размышления о вечной борьбе добра и зла в душе каждого человека, о мучительном поиске смысла жизни – в конечном итоге всё это продолжает оказывать значительное влияние на философскую мысль XXI века. Труды классика мировой культуры по праву служат важной основой для размышлений о человеке в условиях кризиса смыслов и культурной нестабильности, которые так характерны для экзистенциалистских подходов.

Философские идеи, заложенные в творениях одного из крупнейших представителей русской культуры, внесли неоценимый вклад в развитие мировоззренческой традиции XIX и последующих веков. Более того, его книги выходят за пределы художественной литературы, представляя собой глубокое исследование духовной и моральной природы человека. Современные исследователи справедливо отмечают, что Ф. М. Достоевский является одним из самых значительных писателей и философов, глубоко постигших диалектику и аксиологию русской души, сумевших выразить, а во многом и сформировать её базовые ценности и идеалы [2, с. 157-169; 3, с. 72-77].

В центре внимания писателя находятся вопросы религии, истины и духовного кризиса, которые остаются актуальными и сегодня, в условиях кризиса смыслов и поисков новых ценностных ориентиров. Герои автора знаменитых работ отражают духовную действительность чрезвычайно драматической ситуации, как это может быть у человека нового времени, утрачивающего связь с Богом, становящегося «чуждым» Ему. В этом контексте М. Турриан обоснованно утверждает, что классик мировой литературы через свои шедевры показывает «ломкие и больные структуры времени, которое еще в значительной мере является нашим», проникая в суть предметов глубже, чем простое поверхностное их восприятие» [4, с. 23].

Русский классик рассматривает религию не только как личное убеждение, но и как основу морального и духовного существования человека. Таким

образом, религия у выдающего философа выступает как главный источник нравственных ориентиров. По его мнению, вера позволяет человеку осознать свои пределы и обрести истинное предназначение. В «Братьях Карамазовых» старец Зосима становится воплощением христианской любви и смирения, противопоставляя себя нигилизму, который проповедует Иван Карамазов. Следовательно, через образы своих героев писатель показывает противостояние веры и сомнения, нравственной устойчивости и экзистенциальной пустоты.

Необходимо отметить, что духовный кризис занимает центральное место в творчестве великого романиста, отражая, прежде всего, внутреннюю борьбу человека за смысл жизни. Его герои, как правило, переживают утрату духовных ориентиров, что, в конечном итоге, приводит их к экзистенциальным мукам. Например, Раскольников из «Преступления и наказания» пытается оправдать своё преступление рациональными доводами, однако его внутренний конфликт и чувство вины становятся катализатором духовного перерождения.

Кроме того, мыслитель детально исследует кризис общества, погружённого в нигилизм и материализм. В «Бесах», таким образом, он описывает разрушительные последствия утраты моральных и религиозных ценностей, которые, по его мнению, неизбежно приводят к духовной деградации и хаосу.

Автор, несомненно, рассматривает истину как духовную категорию, достижимую исключительно через веру и осознание своей человеческой природы. Согласно его убеждениям, истина, в первую очередь, недостижима вне религии. Например, герои «Братьев Карамазовых» проходят сложный путь осознания, где, в конечном итоге, истина раскрывается через смирение, прощение и любовь.

Важно отметить, что русский классик подчёркивает: истина не может быть абстрактной или исключительно рациональной, поскольку она тесно связана с личным опытом и моральным выбором. Так, Раскольников, осознав свой грех, приходит к пониманию, что истина заключена в покаянии и духовном очищении.

Примечательно, что мастер слова ввёл в литературу понятие полифонического романа, что делает его идеи, безусловно, созвучными постмодернистским подходам к многообразию голосов. В его текстах, следует отметить, отсутствует доминирующий авторский голос; герои обладают собственной точкой зрения и внутренним миром, которые, в свою очередь, не подчиняются прямым суждениям автора. Например, в «Братьях Карамазовых» Иван, Дмитрий и Алёша, как известно, представляют разные мировоззрения, которые сталкиваются и сосуществуют в тексте без явного предпочтения.

Таким образом, постмодернизм, как и творчество Достоевского, отказывается от монологической истины, допуская множественность интерпретаций и перспектив.

Кроме того, следует отметить, что создатель глубоких психологических романов активно использует парадоксы, которые являются важной чертой постмодернизма. Его герои, как правило, сталкиваются с внутренними противоречиями, создающими напряжение и амбивалентность. Например,

Раскольников в «Преступлении и наказании» одновременно стремится к абсолютной возможности выбора и ощущает бремя морального осознания своих обязанностей. Его размышления, очевидно, балансируют между рациональным и иррациональным, демонстрируя сложность человеческой природы.

Герои великого романиста, преимущественно, находятся в процессе поиска и переосмысления своей идентичности, что, бесспорно, отражает стержневую тему постмодернизма – нестабильность и фрагментацию личности. К примеру, Ставрогин из «Бесов» представляет собой фигуру, лишённую твёрдого морального стержня, чьи поступки и убеждения разрозненны и противоречивы. Его внутренний разлад, несомненно, отражает постмодернистскую идею о том, что личность – это конструкция, а не фиксированная сущность.

Кроме того, мир классика мировой культуры пронизан ощущением хаоса и абсурда, особенно в кризисных ситуациях, с которыми сталкиваются его персонажи. Эти темы, как представляется, созвучны постмодернистскому взгляду на мир как на неопределённую и фрагментарную реальность. Это особенно наглядно показано в «Бесах», когда общество погружается в состояние хаоса из-за утраты идеалов и разрушения моральных устоев, что, в свою очередь, предвосхищает постмодернистскую критику идеологических систем.

Следует подчеркнуть, что литературное наследие выдающегося философа часто обращены не только к героям, но и к читателю, призывая его к активной интерпретации. Это, как можно заметить, соответствует постмодернистскому подходу к тексту как открытому повествованию, которое приобретает значение только через взаимодействие с читателем.

Таким образом, влияние автора всемирно знаменитых текстов на философскую традицию XX и XXI века остаётся неоспоримым свидетельством того, что его литературное достояние продолжает быть важным источником для осмысления основных вопросов человеческого существования в контексте современной культуры. Поддержим точку зрения исследователя Р. Ф. Исмагилова, который отмечает, что «наследие Достоевского работает на исторический союз Запада, Востока и России, а не на их противостояние» [5, с. 313]. Эта мысль подчёркивает важность творчества знаковой фигуры русской литературы как моста, соединяющего различные философские и культурные традиции, что делает его работы значимыми не только для отечественной культуры, но и для мирового интеллектуального наследия.

Литература:

1 Белинский В. Г. Петербургский Сборник, изданный Н. Некрасовым. – В: В. Критика // Отечественные записки: учёно-литературный журнал / Издатель А. А. Краевский. – 1846. – Т. XLV, № 3

2 Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Бытие и рефлексия: онтологические основания права в философии Ф.М. Достоевского // Мир политики и социологии. – 2018. – № 12. – С. 157-171.

3 Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИ Ц БашГУ, 2018. – 256 с. – С. 72-79.

4 Turrian M. Dostojewskij und FranzWerfel. Vomostlichen zum westlichenDenken. Bern: Verlag Paul Haupt, M, 2000. – 112с.

5 Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: Курс лекций / Вступ. статья докт. юрид. наук, проф., Засл. деятеля науки РФ В.П. Сальникова и докт. философ. наук, проф. Д.В. Масленникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 352 с. – С. 313. (Серия: «Наука и общество»).

Кульжанова Ж. Т.,
кандидат философских наук,
декан гуманитарного факультета
Казахского агротехнического
исследовательского
университета имени С. Сейфуллина,
г. Астана

Кабаева А. А.,
магистр филологии,
старший преподаватель
кафедры казахского и русского языков
Казахского агротехнического
исследовательского
университета имени С. Сейфуллина,
г. Астана

ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ ШЫҒАРМАШЫЛЫҒЫНА ФИЛОСОФИЯЛЫҚ КӨЗҚАРАС

PHILOSOPHICAL VIEW OF F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVITY

Аннотация: Каждый великий мыслитель имеет две жизни: одна – это творчество, развёртывающееся в рамках его существования, вторая – бытие его творческого наследия, которое усваивается различными поколениями. На заре двадцатого века многими философами Ф.М. Достоевский воспринимался как учитель. В данной статье была предпринята попытка рассмотрения влияния философских идей Ф.М. Достоевского на мировую литературу, на отечественную и западноевропейскую философскую мысль. Ф.М. Достоевский осмыслил проблему свободы духа человека, его нравственной сути, выбора между добром и злом, что позволяет говорить о писателе как о предтече философии экзистенциализма.

Ключевые слова: философские взгляды Ф.М. Достоевского, истина, добро, свобода

Аннотация: Әрбір ұлы ойшылдың екі өмірі бар: бірі – өзінің болмысының аясында өрбитін шығармашылық, екіншісі – әр ұрпақ бойына сіңірген шығармашылық мұрасының бар болуы. XX ғасырдың басында көптеген философтар Ф.М. Достоевскийді ұстаз ретінде қабылдады. Бұл мақалада Ф.М. философиялық идеяларының әсерін зерттеуге тырысады. Достоевскийдің әлем әдебиетіне, орыс және Батыс Еуропа философиялық ойларына әсері. Ф.М. Достоевский адам рухының бостандығы мәселесін, оның адамгершілік мәнін, жақсылық пен зұлымдықты таңдау мәселесін түсінді, бұл

жазушыны экзистенциализм философиясының бастаушысы ретінде айтуға мүмкіндік береді.

Негізгі сөздер: философиялық көзқарастары Ф.М. Достоевский, шындық, жақсылық, еркіндік

Abstract: Every great thinker has two lives: one is creativity, unfolding within the framework of his existence, the second is the existence of his creative heritage, which is learned by different generations. At the dawn of the twentieth century, many philosophers perceived F. M. Dostoevsky as a teacher. This article attempts to examine the influence of F. M. Dostoevsky's philosophical ideas on world literature, on Russian and Western European philosophical thought. F. M. Dostoevsky comprehended the problem of freedom of the human spirit, his moral essence, the choice between good and evil, which allows us to speak of the writer as a forerunner of the philosophy of existentialism.

Keywords: philosophical views of F. M. Dostoevsky, truth, goodness, freedom

В данной статье рассмотрен философский взгляд на творчество Достоевского, которое стало источником вдохновения для многих поколений ученых в научной сфере. Важное место занимает философия Достоевского – философия человека. Философская мысль является преемницей и продолжательницей традиций русской классической литературы. В русской культуре художественное созерцание переходит в область философского осмысления и наоборот. Неисчерпаемость и глубина творчества Ф.М. Достоевского тому подтверждение. За его сочинениями философскими по содержанию, как будто ясными по форме и предельно глубокими, исчерпывающими по смыслу, остаётся нечто ещё большее, что пока ещё не сказано. Ф.М. Достоевский – одна из вершин человеческого гения. Тайны мастерства его изучали В. Соловьёв, Н. Бердяев, К. Леонтьев, В. Розанов, Л. Шестов, М. Бахтин и другие отечественные мыслители. В последние десятилетия девятнадцатого века характерной особенностью жизни Запада был расцвет позитивистских тенденций, проявляющихся не только в философии, но и в литературе, и других сферах искусства. В.В. Розанов подчёркивал, что бесконечная интимность романов писателя значительнее, выше, ценнее, благороднее его идей [15]. Тон Достоевского есть уникальное, загадочное чудо. Л. Шестов полагал, что великий русский писатель постиг истину: к свободе знание не приводит человека, оно закрепощает его. В работе «Достоевский и Ницше» он сравнивает мыслителя с Иваном Карамазовым и Раскольниковым, полагая, что они выражают подлинные убеждения писателя: нет идеалов и истин, а тем, кто это постиг – всё позволено [16]. Л. Шестов считал философию Ницше продолжением воззрений Достоевского: нет отличий от добра и зла, любовь и сострадание есть слабость, мораль нужна лишь для «тварей дрожащих». Н.А. Бердяев говорил о себе как о духовном сыне великого писателя, творчество которого он называл «словом о всечеловеческом» [12].

Философскими идеями пронизаны все произведения Достоевского. Есть у него герои – чистые философы. Таковы парадоксалист, Шигалев, Кириллов,

Зосима, Иван. Иногда философия вмещивается в романы всякого рода исповедами, статьями (Раскольников, Валковский, Версилова). Философией насыщены образы.

В «Дневнике писателя», в письмах, в черновиках философские взгляды автора изложены от его имени. Понимание разных философских проблем имеет у Достоевского разную глубину. Широта интереса при этом огромна. Его интересует общая проблема бытия. В одной из статей 60-х годов писатель подчеркивает примат жизни, практики над теорией и говорит о последствиях отрыва теории от практики: «Если она хочет формировать жизнь, то должна подчиняться её строгому контролю. Иначе она станет посягать на жизнь, закрывать глаза на факты, начнет, как говорится, нагибать к себе действительность» [2].

Феномен Достоевского заключается в том, что интерес к нему во всем мире не только не ослабевает, но и усиливается со временем. Достоевский исследовал, в чем суть добра и зла; как человеческая душа может объединить стремление к саморазрушению и самообновлению – «идеал Содома» и «идеал Богородицы»; в чем суть и смысл жизни; как можно преобразовать мир на основе уважения к духовности, нравственности и достоинству личности; как справедливость, законность и честность могут быть объединены в единое целое? На эти «вечные» вопросы, мучающие человеческое сознание с начала времен, нашлись ответы в творчестве признанного художника и мыслителя [6, с. 14]. Пророческие толкования духовной природы человека и состояния общества – писатель предвидел будущее. «По глубине своей мысли, по широте разобранных им задач нравственного мира этот писатель занимает совершенно особое место» [4, с. 412] писал о Достоевском М.Е. Салтыков-Щедрин. «Он не только признает законность интересов современного общества, но идет дальше, в область предвидения и предчувствия того, что цели исканий человечества лежат не в ближайшем, а в отдаленном будущем» [4, с. 412]. В.В. Розанов подчёркивал, что бесконечная интимность романов писателя значительнее, выше, ценнее, благороднее его идей [4]. Тон Достоевского есть уникальное, загадочное чудо. Л. Шестов полагал, что великий русский писатель постиг истину: к свободе знание не приводит человека, оно закрепощает его. В работе «Достоевский и Ницше» он сравнивает мыслителя с Иваном Карамазовым и Раскольниковым, полагая, что они выражают подлинные убеждения писателя: нет идеалов и истин, а тем, кто это постиг – всё позволено [5].

Романы Фёдора Достоевского, насыщенные глубокими философскими идеями, оказали существенное воздействие на писателей по всему миру. Его произведения исследовали сложные аспекты психологии человека, создавая основу для многих литературных тем, которые до сих пор остаются актуальными. Это влияние проявляется не только в русской классике, но и в литературе других стран, где работы Достоевского стали источником вдохновения для авторов. Увидеть размышления Достоевского над зависимостью общих понятий от явлений жизни. Так, во «Сне смешного человека» появление категорий «братство», «гуманность», «справедливость»

связано с появлением на Земле этих и противоположных им явлений. В записных тетрадях Достоевский касается проблемы отрицания: «Отрицание необходимо, иначе человек так бы и заключился на земле, как клоп. Отрицание земли нужно, чтобы быть бесконечным. Христос, величайший положительный идеал человека, нес в себе отрицание земли, ибо повторение его оказалось невозможным.

Некоторые герои писателя живут по закону отрицания: нормальная жизнь – падение – воскресение. Своеобразная философия истории – в легенде о Великом инквизиторе. Много размышлений о проблемах народонаселения, от тревоги до утешения: «Идея Мальтуса о геометрической прогрессии населения без сомнения неверна: напротив, достигнув известного предела, население может даже совсем останавливаться [8] «Исследуя человека, писатель не столько обращал внимание на процесс формирования его личности, сколько на суть личности сформированной. Почему не первое? Право выбора проблематики за автором. Достоевского интересовали суть человека, смысл его существования, суть его личности. Желая, видимо, полемизировать с Кавелиным, он записывал: «Кавелину. Инквизитор и глава о детях. социологии, психологии и многих других областях стремление к добрым и благородным поступкам. Великий классик говорил: «Я не верю и не могу верить, что зло – это нормальное состояние человека. И противопоставление добра и зла, самосовершенствования и саморазрушения, порока и добродетели» [2, с. 102] – тема, которая звучит во всех произведениях Достоевского, в жизни и окружении читателей XXI века. Поиск добра и стремление принести добро в мир жестокости и несправедливости стали страстью автора, его болезнью и причиной его бесконечной борьбы, которая отражена на страницах его книги. Будучи сторонником царизма, он мечтал увидеть и почувствовать боль своего народа, увидеть, как все униженные и оскорбленные поднимутся с колен. Но в поисках искупления героев и их предшественников, простых людей, он неизбежно сталкивался с отчаянием и попадал в водоворот безысходности, которая толкала их на преступления и наказания. Справедливость и закон предстают в романе как синонимы антагониста, иногда отдельно, иногда безнадежно, иногда дискредитированы, а иногда слиты воедино. Федор Михайлович движется по неизбежно неровной земле, где духовные и материальные ценности диссонируют и обмениваются, балансируя между дьявольским и святым. Люди, говорит он, «как будто теряют свои корни, как будто земля ускользает у них из-под ног» [8, с. 83]. Они устремляются к пропасти и нуждаются в возрождении. Но это не то, чего можно достичь внешним давлением, оружием или внушением. Это глубоко личный, внутренний процесс, результат борьбы с самим собой, внутреннего конфликта, который удалось создать этому литературному безумцу, человеку, не знающему ни мира, ни гармонии.

Можно снова и снова перечитывать его книги и открывать в них новые смыслы. Ведь он один из тех вечных писателей, чьи мысли пророческие на все времена. Его выводы – это уроки, актуальные для всех времен и поколений [10, с. 83].

Непосредственная религиозность детства и союз веры и разума были позднее подкреплены сознательным убеждением». В примечаниях автора есть глубокое признание: «Я не верил в Христа, но исповедовал это в раннем возрасте, но моя осанна прошла через великое горнило сомнений» [2, с. 189].

Автор наблюдал за религиозным и нравственным воспитанием своих собственных детей и отметил сильное универсальное воспитательное влияние Библии. Это книга человечества. На пороге загробного мира он прочитал своим детям новозаветную притчу о блудном сыне. Затем он умер с Евангелием в руках. Новый Завет, автор которого имел видение вечности, был явлен в словах Христа «не медлите, ибо мы исполним великую правду».

Современники Достоевского оставили на память не только его собственное отношение к своим детям, но и к чужим. «Их судьба всегда была мукой для его сердца и души. Он мечтает и мечтает» [1, с. 14]. Христианское воспитание Достоевского в разных формах проявляется в его письмах, дневниках, записных книжках, публицистических произведениях, но наиболее глубоко оно проявляется в его романах, причем во всех без исключения. Можно сказать, что все его творчество – это своего рода «религиозно-просветительская поэзия» [11]. Диалектичность подхода Достоевского к миру обнаруживается во всех его художественных произведениях. Все эти «вдруг», так часто встречаемые, все катастрофы героев суть проявление диалектического подхода писателя. Сократовский принцип иронии, пронизывающий его романы, тоже выражение диалектичности. Однозначно решить вопрос о материализме или идеализме Достоевского трудно. На этой основе легко сбить писателя с философского пьедестала. Достаточно – в лоб: а как вы решаете основной вопрос философии? Для художника-философа – это вопрос нижнего этажа философии, из которого нельзя механически вывести вопросы этажа высшего. А высший этаж – это человек. Он и есть для писателя предмет философии. Философия Достоевского – философия человека. В ней писатель различает идеал человека и человека, реально существующего. И стремится к сближению действительности с идеалом. Глубина специфического, художественного проникновения в мир человека сочетается с ясным теоретическим осмыслением существенных сторон личности, её противоречивости, её отношения к обществу.

Вместе с тем нельзя не видеть и ограниченность учения писателя. Его подход к человеку абстрактен. Правильно отмечая роль социальных условий в жизни человека. Не видит Достоевский и реальных путей к справедливому обществу. Конечно же, нравственное самосовершенствование, на которое делает большой упор писатель, не может быть основным средством излечения от общественных недугов. Достоевский остро ставит вопрос о смысле жизни и видит его все в той же идейности, в личности. Человек сложен, в нем есть «бриллианты» и «грязь» [5, с. 112]. Человек у Достоевского в борьбе. С внешним, а больше с внутренним, с самим собою. Что он предпочтет в жизни: идейность или безыдейность, личность или безличность, «быть» или «иметь»? Высок человек как идеал, а не как реальность. Он должен стремиться к идеалу. Достоевский помогает ему, обнажая суть личности и безличности, показывая

при этом много грязи в человеке. Но что делать? Было бы хуже, если б он умолчал или (предел низости писателя) выдал «грязь» за «бриллиант». Достоевский не считал свое учение о человеке законченным, абсолютным. Он слишком хорошо понимал глубину и сложность человека. Недаром в его последнем романе, как и в других, не один учитель жизни, а два. И оба они, конечно, в разной степени отражают суть самого Достоевского. Но и для самих учителей не все ясно. Они в борьбе не только друг с другом, но и с собою.

Внутри каждого из них есть свой другой. Достоевский, как и его герои, разгадывает человека. Он, как и они, – в пути, в положении Ставрогина, носящего в себе разные идеи. Но, в отличие от своего героя, писатель честно рассказывает о своих сомнениях, излагает свои идеи во всех вариантах без претензии на категоричность [6].

Мировоззрение Достоевского нельзя свести к мировоззрению какого-то одного героя. Оно проявляется через всех его ищущих правду героев [12, с. 10]. Философская система Достоевского отличается высоким уровнем теоретизации, оригинальностью и самобытностью. Основа этой системы – абстрактный гуманизм, но философская система Достоевского отличается высоким уровнем теоретизации, оригинальностью и самобытностью [10]. Основа этой системы – абстрактный гуманизм, но в силу глубины проникновения в психологию человека изучение философии Достоевского не только интересно, но и способствует решению многих вопросов современной философской науки.

Литература:

1 Альбов, А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности // Русская философия права. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 8.

2 Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. – СПб., 1879. – С. 242.

3 Кони А.Ф. Фёдор Михайлович Достоевский // Кони А.Ф. Воспоминания о писателях. – М.: Правда, 1989. – С. 228 – 229.

4 Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М., 1970. – Т. 9. – С. 412.

5 Селезнев Ю.И. Достоевский. – М.: Мол. гвардия, 1985. – С. 13.

6 Синюков В.Н. Достоевский и отечественная правовая ментальность // Достоевский и юриспруденция. – Саратов: СГАПП, 1999. – С. 11 – 15.

7 Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев о русской философии / сост., вступ. ст. и прим. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова .ч.1 Свердловск, 1991

8 О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М.1991 // Сб. Антология русской философии СПб, 2001

9 Селезнев Ю.И. Достоевский. – М., 1981

10 Гильманова А.В. «Концепты правды и истины в творчестве Ф.М. Достоевского» – автореферат диссертации. – Калининград, 2007

11 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Эксмо, 2017. – 318 с.

12 Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // О русских классиках. – М., 1993. – 171 с.

13 Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Дрофа: Вече, 2002. – 910 с.

14 Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. – М., 1996. – 702 с.

15 Шестов Л. Достоевский и Ницше. Сочинения в двух томах. Т. 1. – Томск: «Водолей», 1996. – 332 с.

Олексюк А.В.,
заведующий информационно-литературным
сектором КОУНБ имени Л. Н. Толстого,
г. Костанай

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙДІН ӘЛЕУМЕТТІК ИДЕАЛЫ

SOCIAL IDEAL OF F. M. DOSTOEVSKY

Аннотация: В статье делается попытка рассмотреть предложенный Ф.М. Достоевским общественный идеал. Автор придерживается идеи о том, что сам Ф.М. Достоевский сформулировал этот идеал в ряде своих произведений. Согласно авторской позиции, этим идеалом выступает христианский социализм.

Ключевые слова: общественный идеал, революция, христианство, социализм, христианский социализм

Аннотация: Мақалада Ф.М. Достоевскийдің әлеуметтік идеалы. Автордың өзі Ф.М. Достоевский бұл идеалды өзінің бірқатар шығармаларында тұжырымдаған. Автордың ұстанымы бойынша бұл идеал – христиандық социализм.

Негізгі сөздер: әлеуметтік идеал, революция, христиандық, социализм, христиандық социализм

Abstract: The article attempts to examine the social ideal proposed by F. M. Dostoevsky. The author adheres to the idea that F. M. Dostoevsky himself formulated this ideal in a number of his works. According to the author's position, this ideal is Christian socialism.

Key words: social ideal, revolution, Christianity, socialism, Christian socialism

Идея некоего общественного идеала, т.е. идеального устройства общества занимает одно из центральных мест в мировоззрении и творчестве Ф. М. Достоевского. Это общепризнано. Но вот каков был этот идеал и, главное, как

его оценивать (положительно, отрицательно, как прогрессивный, как реакционный, как утопический или вполне осуществимый) – вот тут было сломано немало копий в жаркой полемике, как при жизни Фёдора Михайловича, так и после его смерти. Это тем более неожиданно, что сам писатель не делал секрета из своих взглядов. Напротив, всячески их проповедовал: неоднократно и весьма подробно излагал в художественных произведениях, в публицистических статьях, в частных разговорах.

Фёдора Михайловича представляют таким радетеlem за православную веру и самодержавие, отрёкшимся от своих юношеских социалистических иллюзий, чуть ли не националистом, особенно невзлюбившим почему-то поляков и евреев. И, исходя из этого представления, делают диаметрально противоположные выводы (в соответствии с собственными взглядами). Для одних он – ренегат, реакционер, мракобес, для других – пророк, патриот и истинный христианин.

Попробуем разобраться во всём по порядку. Прежде всего: был ли Фёдор Михайлович в молодости социалистом и революционером?

Был. Об этом говорят даже его показания следствию по делу «петрашевцев», хотя, конечно, давались они с оглядкой, чтобы не усугубить собственное незавидное положение и не навредить товарищам по кружку. Тем не менее, начиная холодно и рассудительно, Фёдор Михайлович затем увлекается и словно пытается убедить следователей в своей правоте, во всяком случае – в своём праве изучать социализм!

«Что же касается до социального направления, то я никогда и не был социалистом, хотя и любил читать и изучать социальные вопросы. <...>

Социализм – это наука в брожении, это хаос, это алхимия прежде химии, астрология прежде астрономии; хотя, как мне кажется, из теперешнего хаоса выработается впоследствии что-нибудь стройное, благоразумное и благотворное для общественной пользы точно так же, как из алхимии выработалась химия, а из астрологии – астрономия» [1].

А позже признавался уже откровеннее: «Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. <...> Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества» [2].

Таким образом, социалистические идеи, попав на гуманистический гумус христианских представлений, усвоенных ещё в детстве от родителей и подкреплённых на каторге и в ссылке соприкосновением с «народной верой», и дали тот «русский социализм», который позже активно проповедовал Ф. М. Достоевский: «Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский “социализм” теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы

это странным), цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществленная на земле, по коликую земля может вместить ее. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово» [2].

Было ли это отступлением от юношеских идеалов? Или развитием, эволюцией прежних идей, а не отречением?

Сам Фёдор Михайлович признавал, что пересмотрел свои взгляды, но результатом этого пересмотра стал не возврат к ортодоксальному христианству, а некий «синтез» христианских идей с социалистическими. Вот как были объяснены причины пересмотра позже в «Дневнике писателя»: «Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния. <...> И так продолжалось долго. Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга. Нет, нечто другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца наши <...>. Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастье, понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его» [2].

Таким образом, Ф. М. Достоевский позиционировал себя заступником, своеобразным Дон-Кихотом идеалов настоящего христианства в их народном понимании и основанного на этих идеалах всемирного, всечеловеческого братства. Не он был отступником от социалистических идей, а социалисты – отступниками от идей христианского гуманизма: «Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома» [2].

По свидетельству современников, ещё юношей Фёдор Михайлович очень болезненно реагировал на выпады против Христа, видя в нём непоколебимый идеал человека, пример самоотречения во имя высшей идеи.

«Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли» [3].

Позже это вылилось в прямое утверждение о том, что не экономические или политические причины, а именно нравственные идеи первичны, они движут общество.

«При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью» [2].

И в России такой «движущей», «национальной» идеей, по мнению Ф. М. Достоевского, является христианский социализм: «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм русского народа: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветлым соединением во имя Христова. Вот наш русский социализм» [2].

Утопично? Пожалуй. Да и сам Фёдор Михайлович чувствовал слабое место своей концепции: под силу ли самой высоко нравственной, самой возвышенной идее изменить всё общество? Не натяжка ли это? Ведь носителями идей являются люди. А люди слишком разные. Возможно ли такое изменение общества «изнутри» в принципе, если учесть, что столь самоотверженных энтузиастов, как Христос, всегда считанные единицы?

«Если б люди<...> были бы все как Христы, возможно ли, чтоб не было рая на земле тотчас же?» [4, с. 193].

Но Фёдор Михайлович настаивает, что так и происходит в реальности, только так и происходит:

«И не нужно всех, нужно некоторых, чтобы не умерла идея и переродился мир. – Знаете ли вы, как силен «один человек» – Рафаэль, Шекспир, Платон и Колумб или Галилей? Он остается на 1000 лет и перерождает мир – он не умирает» [4, с. 168].

Но даже если мы примем эту гипотезу, остаётся ещё один важный вопрос: что же ждёт человечество в итоге? К какому идеалу оно должно прийти по мысли Ф. М. Достоевского? Наиболее цельно и художественно убедительно (что тоже важно) будущее общество изображено им в романе «Подросток», в изложении Версилова:

«— Я представляю себе, мой милый, – начал он с задумчивою улыбкою, – что бой уже кончился и борьба улеглась. После проклятий, комьев грязи и свистков настало затишье, и люди остались *одни*, как желали: великая прежняя идея оставила их... <...>И люди вдруг поняли, что они остались совсем одни, и разом почувствовали великое сиротство. Милый мой мальчик, я никогда не мог вообразить себе людей неблагодарными и оглупевшими. Осиротевшие люди тотчас же стали бы прижиматься друг к другу теснее и любвнее; они схватились бы за руки, понимая, что теперь лишь они одни составляют все друг для друга. Исчезла бы великая идея бессмертия, и приходилось бы заменить ее; и весь великий избыток прежней любви к тому, который и был бессмертие, обратился бы у всех на природу, на мир, на людей, на всякую былинку. Они возлюбили бы землю и жизнь неудержимо и в той мере, в какой постепенно сознавали бы свою проходимость и конечность, и уже особенною, уже не прежнюю любовью. <...> Они работали бы друг на друга, и каждый отдавал бы всем все свое и тем одним был бы счастлив. Каждый ребенок знал бы и чувствовал, что всякий на земле – ему как отец и мать. <...> О, они торопились бы любить, чтоб затушить великую грусть в своих сердцах. Они были бы горды и смелы за себя, но сделались бы робкими друг за друга; каждый трепетал бы за жизнь и за счастье каждого. <...>

...Но замечательно, что я всегда кончал картинку мою видением, как у Гейне, «Христа на Балтийском море». Я не мог обойтись без него, не мог не вообразить его, наконец, посреди осиротевших людей. Он приходил к ним, простирал к ним руки и говорил: «Как могли вы забыть его?» И тут как бы пелена упала со всех глаз и раздавался бы великий восторженный гимн нового и последнего воскресения...» [5].

В целом, нарисованная Версильевым картина «атеистического мира» вполне благополучная, даже идиллическая и... не противоречит представлениям тех же социалистов. Разве не о таком братстве свободных и любящих друг друга людей мечтали они? Да, пути к этому обществу намечались принципиально разные. С одной стороны – социальная революция. С другой – духовная (нравственная) эволюция. С одной – меняя общество, создаём нового человека. С другой – преобразуя человека, создаём новое общество. С одной стороны – через науку. С другой – через веру.

Примечательно, что сам Версильев именуется деистом (как и вся «тысяча» носителей «русской идеи»). Поэтому возврат человечества к Богу в финале выглядит несколько искусственно: никакой особой нужды в нём и в загробном бессмертии эти новые люди не испытывают. Более того, Версильев (или Ф. М. Достоевский устами своего героя) прямо говорит: «Я не мог обойтись без него, не мог не вообразить его». То есть это его личная потребность, потребность представителя старого несовершенного общества.

Да и что подразумевал Фёдор Михайлович под словом Бог? Как мыслил себе Бога? Мы уже видели, что образ Христа писатель трактует не вполне канонически: не отрицая божественности Сына Божьего, он видит в нём, в первую очередь, идеал для всего человечества.

«...ни один атеист, оспаривавший божественное происхождение Христа, не отрицал того, что ОН – идеал человечества» [6].

Понятие Бога Ф. М. Достоевский тоже трактует философски:

«Человек <...> идет от многообразия к Синтезу <...> А натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии, в Анализе» [7].

И в другом месте ещё более «приземлённо»:

«Бог есть идея человечества собирательного, массы, всех [6].

Всего лишь идея! Но в том-то и дело, что для Ф. М. Достоевского нет ничего выше и могущественнее идеи!

Это означает, как ни парадоксально, что общественный идеал Ф. М. Достоевского гораздо ближе к представлениям социалистов (даже марксистов), нежели консерваторов: просто Фёдор Михайлович называет «христианством», «церковью», «русским социализмом» или «русским решением вопроса» то, что они именовали «социализмом», «коммунизмом», «бесклассовым обществом», «разрешением классовых противоречий»... Недаром, может статься, И. В. Сталин в своём экземпляре «Братьев Карамазовых» выделил, помимо прочего, и такой примечательный фрагмент: «Не церковь обращается к государству, поймите Вы это. То Рим и мечта и его... А напротив, государство обращается в церковь, исходит от церкви и становится церковью на всей земле... От Востока звезда сия воссияет» (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 62). Под «церковью» здесь подразумевается добровольное объединение людей, связанных единой верой, общим идеалом, безо всякого государственного (внешнего) принуждения. Но разве не то же самое пытались осуществить большевики, только иными методами?

Литература:

1 Достоевский Ф.М. Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев // Текст: электронный // платформа Достоевский [сайт]. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/public/petrashevcy/obyasnenie-m-dostoevskogo.htm> (дата обращения: 22.01.2025).

2 Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873 год // Текст: электронный // платформа Azbyka.ru [сайт]. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/dnevnik-pisatelya-1873/> (дата обращения: 22.01.2025).

3 Достоевский Ф.М. Зимние записки о летних впечатлениях. Текст: электронный // платформа Достоевский [сайт]. – URL: <http://dostoevskiy.lit-info.ru/dostoevskiy/proza/zimnie-zametki-6.htm> (дата обращения: 22.01.2025).

4 Достоевский Ф.М. Федор Михайлович Достоевский полное собрание сочинений Том XI / под ред. В. Г. Базанова. – Ленинград.: Издательство «Наука» Ленинградское отделение, 1974. – 420с.

5 Достоевский Ф.М. Подросток Текст: электронный // платформа Викитека [сайт]. – URL: [http://https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA_\(%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9\)/%D0%A7%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C_3/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0_7](http://https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA_(%D0%94%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9)/%D0%A7%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C_3/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0_7) (дата обращения: 22.01.2025).

6 Достоевский Ф.М. Социализм и христианство. Записная тетрадь 1864-1865 гг. Текст: электронный // платформа Достоевский [сайт]. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/public/zk-iv-zapisnaya-tetrad-1864-1865.htm?ysclid=m6xhy8hdm27176816> (дата обращения: 22.01.2025).

7 Достоевский Ф.М. Записная книжка 1863-1864 гг. Текст: электронный // платформа Достоевский [сайт]. – <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/public/zk-ii-zapisnaya-knizhka-1863-1864.htm?ysclid=m6xrcj8618993475081> (дата обращения: 22.01.2025).

Самаркин С.В.,
кандидат исторических наук,
профессор кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,
г. Костанай

Видершпан А.В.,
кандидат философских наук,
профессор кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин
Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ»,
г. Костанай

**К ВОПРОСУ О «НЕИЗБЕЖНОСТИ» РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ПОТряСЕНИЙ В РОССИИ: ОТ ПРЕДСКАЗАНИЙ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ДО РАССУЖДЕНИЙ ПОЛИТИКОВ И
ФИЛОСОФСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ**

**РЕСЕЙДЕГІ ТӨҢКЕРШІЛІК КӨТЕРІЛДЕРДІҢ «МҮМКІНДІГІ»
ТУРАЛЫ СҮРАҚҚА: БОЛЖАМДАРДАН
Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙДЕН РЕСЕЙ ЭМИГРАЦИЯСЫНЫҢ
САЯСАТШЫЛАРЫ МЕН ФИЛОСОФИЯЛЫҚ ЭЛИТАСЫНЫҢ
ПАЙДАЛАНЫСЫНА ДЕЙІН**

**TO THE QUESTION OF THE "INEVIABILITY" OF
REVOLUTIONARY UPHOLICS IN RUSSIA: FROM THE PREDICTIONS
OF F.M. DOSTOEVSKY TO THE REASONING OF POLITICIANS AND
THE PHILOSOPHICAL ELITE OF THE RUSSIAN EMIGRATION**

Аннотация: В статье предложен анализ взглядов литераторов, философов и политиков рубежа XIX-XX столетий о причинах и неизбежности цивилизационного раскола и революционных «потрясений» в Российской империи. Авторы отмечают историософский характер взглядов русской интеллигенции, размышления которой были пронизаны заботой о судьбе России и предчувствием революционной катастрофы. С целью более объективного освещения вопроса, идет обращение к зарубежным мнениям о состоянии российского общества на рубеже XIX-XX веков, которое подтверждает предчувствия политиков, философов и мыслителей.

Ключевые слова: революция, философы, политика, «почва», «цивилизация», Ф.М. Достоевский, Н.А. Бердяев, Г.П. Федотов.

Аннотация: Аннотация: Мақалада 19-20 ғасырлар тоғысындағы жазушылардың, философтардың және саясаткерлердің Ресей империясындағы өркеніеттік бөлшектену мен революциялық «төңкерістердің» себептері мен болмай қоймайтындығы туралы көзқарастары талданады. Авторлар Ресейдің

тағдырына алаңдаушылықпен және революциялық апатты алдын ала болжаған орыс интеллигенциясының көзқарастарының тарихиософиялық сипатын атап өтеді. Мәселені неғұрлым объективті түрде ашу үшін біз 19-20 ғасырлар тоғысындағы орыс қоғамының жай-күйі туралы саясаткерлердің, философтардың және ойшылдардың алдын ала ескертулерін растайтын шетелдік пікірлерге жүгінеміз.

Негізгі сөздер: революция, философтар, саясат, «топырақ», «өркениет», Ф.М. Достоевский, Н.А.Бердяев, Г. П. Федотов.

Abstract: Abstract: The article offers an analysis of the views of writers, philosophers and politicians at the turn of the 19th and 20th centuries on the causes and inevitability of the civilizational split and revolutionary "upheavals" in the Russian Empire. The authors note the historiosophical nature of the views of the Russian intelligentsia, whose thoughts were permeated with concern for the fate of Russia and a premonition of a revolutionary catastrophe. In order to shed more objective light on the issue, an appeal is made to foreign opinions on the state of Russian society at the turn of the 19th and 20th centuries, which confirms the premonitions of politicians, philosophers and thinkers.

Key words: revolution, philosophers, politics, "soil", "civilization", F.M. Dostoevsky, N.A. Berdyaev, G.P. Fedotov.

Революционные события 1917 года были спровоцированы событиями предыдущих исторических периодов. Одной из «дальних» первопричин «потрясений» начала XX столетия исследователи нередко называют «петровские преобразования». Обратной стороной колоссальных изменений страны, предпринятых Петром Великим, стал цивилизационный раскол российского общества. На это, в свое время обратил внимание В.О. Ключевский: «Из древней и новой России вышли не два смежных периода нашей истории, а два враждебных склада и направления нашей жизни, разделивших силы русского общества и обративших их на борьбу друг с другом, вместо того, чтобы заставить их дружно бороться с трудностями своего положения» [1]. Ключевский образно называет один цивилизационный уклад, сложившийся еще в допетровское время «почвой», а западный, созданный в ходе реформ рубежа XVII-XVIII столетий – «цивилизацией».

О противоречивости взаимоотношений «почвы» и «цивилизации» (в формате Восток-Запад) продолжают спорить постсоветские исследователи, бесконечное множество раз обращаясь к мнению Ф.М. Достоевского. Провидческий взгляд Достоевского на будущее страны не остался без внимания и со стороны западных специалистов – Н. Коллманн, Е. Берар, О. Файджест и мн. др. [2] Это позволяет увидеть «удаленный», не заинтересованный взгляд на проблему «неизбежности революционных потрясений» в его творчестве. В своих «ориенталистских» рассуждениях о перспективах имперской судьбы России современный британский историк Питер Франкопан также опирается на мнение выдающегося литератора: «Достоевский ...утверждал, что Россия должна освободиться от оков европейского империализма» [3, с. 384].

Получается, что обращение к Востоку есть выход из кризиса государственной системы и естественная его трансформация.

«Пессимизм» в отношении неизбежности революционных событий оказался свойственным философским (скорее историсофским) интеллектуальным кругам русской эмиграции – Г.П. Федотову, Ф.А. Степуну, Н.А. Бердяеву и другим. Николай Александрович Бердяев в «Смысле истории» вовсе заявляет, что «...русская революция, по метафизическому существу своему, есть крах гуманизма и этим подводит к апокалиптической теме» [4]. В подобных рассуждениях нередко сочетаются противоречивые идеи вплоть до «...конца истории». Рассуждая о революции, Бердяев утверждает, что для нее свойственны те же мотивы, что и для «религиозности». И здесь он не обходится без ссылки на литературные образы Ф.М. Достоевского: «Я всегда не любил силу в этом мире, не любил торжествующих. И я всегда сознавал мучительное столкновение между силой и ценностью: большую силу ценности низшей, меньшую ценность силы высшей. Было время, когда меня соблазняло вычитанное из «Бесов» – аристократ в революции обаятелен. В этом был своеобразный романтизм» [5, с. 116].

В своих литературных произведениях Ф.М. Достоевский представляет социалистическую идею как один из способов решения проблем общественного неравенства, сравнивал, отождествлял и противопоставлял его христианской нравственности. «Вершиной» творчества Достоевского Бердяев именуется «Легенду о Великом инквизиторе», в основе которой «мировое начало», которое принимает «...самые разнообразные формы, по видимости самые противоположные – католичества и авторитарной религии вообще, коммунизма и тоталитарного государства» [5, с. 179]. И, далее, в оценке революционных событий философ в экзистенциалистском ключе рассуждает о свободе выбора и крахе системы культуры, что образно предсказывалось Ф.М. Достоевским: «Русская революция была также концом русской интеллигенции, – заявляет Н.А. Бердяев, – Революции всегда бывают неблагодарны. Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, она ее преследовала и низвергла в бездну. Она низвергла в бездну всю старую русскую культуру, которая, в сущности, всегда была против русской исторической власти. Опыт русской революции подтверждал мою давнюю уже мысль о том, что свобода не демократична, а аристократична. Свобода не интересна и не нужна восставшим массам, они не могут вынести бремени свободы. Это глубоко понимал Достоевский. ...В русском коммунизме воля к могуществу оказалась сильнее воли к свободе» [5, с. 231].

Бердяев продолжает «апокалиптическую» тему крушения Российской империи в «Самопознании»: «Революция еще раз подтвердила горькость русской судьбы. Несчастье ее было не в том, что она была преждевременной, а в том, что она была запоздалой. Характер русской революции определялся тем, что она была порождением войны». Весьма верное, с нашей точки зрения, утверждение. Первая мировая снесла имперскую конструкцию, но не трудно представить, что и Крымская и Русско-японская войны при определенных обстоятельствах могли сделать это много раньше: «В России целое столетие

подготавливалась революция, – развивает эту мысль Бердяев, – происходили разного рода революционные движения. Но непосредственно революция не была подготовлена. Самодержавная монархия не столько была свергнута, сколько разложилась и сама пала» [5].

Рассуждает о Достоевском и революционном кризисе религиозный мыслитель, публицист и философ в изгнании Георгий Петрович Федотов. В статье «Революция идет» Федотовым выделяются две силы, сопоставимые с «почвой» и «цивилизацией», одна именуется пассивной (выносливость и верность народных масс), другая – активной (государственное сознание дворянства). Георгий Петрович отмечает, что по мере европеизации дворянство начинает видеть в народе «невинных дикарей», а народ воспринимал элиту как «вероотступников» и полунемцев». Пока дворянская идея «национального служения государю» и религиозное почитание народом «монархической власти» сохранялось, сохранялось и единство страны. Крымская война, обозначила кризис российской бюрократии и вместе с ней самодержавной власти, после чего началось разложение дворянства, бывшего доселе, по Федотову, «...носителем государственной идеи и государственной власти» [6].

В анализе творчества Федотова другой эмигрант – русско-немецкий философ Федор Августович Степун отмечает, что тот вступает в прямую полемику с «византистом» Константином Леонтьевыми условную с идеями «розового социализма» Ф.М. Достоевского [6, с. 94]. Один из выходов из революционного кризиса Г.П. Федотову видится в формировании «...«черносотенной» партии крестьянства, которая соединила бы религиозный монархизм с черным переделом». Эту идею возвращения «...к древним основам русской жизни» философ относит к Достоевскому, считая ее «бездарной», способной привести к «варваризации» общества и утрате «...многого созданного интеллигенцией за два века» [6, с. 132-137]. Получается, что в данном случае Достоевский не просто «провидец», но и идейный «виновник» будущей катастрофы.

При анализе так называемой «атонии (расслабленности) дворянства», Федотов обращает внимание на то, что Великие реформы и «Царствование Александра II создало совестный тип карьериста, европейски лощеного, ни во что не верующего, ловящего веяние сфер». События 1917 года многими исследователями называются реакцией на реформу 1861 года. Серьезные изменения происходят после отмены крепостного права в состоянии «почвы». Реформа привела к расслоению деревни, в дальнейшем появилось определенное количество крупных хозяйств, но у крестьян сформировалось устойчивое мнение, что их обманули. И это недалеко от истины. Лишь в 1905 году были отменены выкупные платежи, прекратившиеся выплачиваться в 1907 году. Телесные наказания имели место вплоть до начала Первой мировой войны. В 1905-1907 годах крестьянские вступления были усмирены, а не решены. Итог столыпинских реформ лишь подтверждает данный факт. Американский историк Сеймур Беккер обращает внимание и на другую особенность. Он считает, что в ходе Великих реформ, утвердившийся «бессловный характер судопроизводства» негативным образом коснулся и

элиты российского общества, которая в связи с этим «впитала» в себя особый дух революционности. Беккер в качестве аргументации приводит литературный пример из творчества Ф.М. Достоевского. Речь о персонаже его «Братьев Карамазовых» – Дмитрие, который в результате «ошибочного» обвинения, будучи потомственным дворянином «...был осужден присяжными, состоявшими из четырех чиновников, двух купцов и шести мещан и крестьян» [7, с. 37].

Окончательно «мина имперского краха» оказалось заложенной, по мнению Г.П. Федотова, именно в правление царя Миротворца: «Под пышной порфирой Александра II гниение России сделало такие успехи, что надежды на мирный исход кризиса к последнему царствованию были не велики». Деграция элиты, по Г.П. Федотову, продолжилась в правление Александра III, когда «родовитая знать» перекладывает как «обузу» право управления государством на «плечи министров-тружеников», в числе которых были и «...подлинно государственные люди, вроде графа Витте», но и они «...поражают однобокостью специалиста, отсутствием настоящей культуры» [6].

Приведем пример теоретических попыток спасения государства, предпринимаемых отдельными чиновниками. Об опасности «социалистической идеологии» и необходимости борьбы с ней в этот период писал в своих «Загробных заметках» Николай Христианович Бунге, ученый-экономист, государственный деятель второй половины XIX века. Его мысли и идеи о применении гибких методов проведения национальной политики на окраинах империи, реорганизации государственного аппарата, упорядочении местного самоуправления, создании системы народного образования, усилении частной инициативы в аграрной сфере, социального регулирования трудовых отношений, применения эффективного налогообложения. После обнародования «Заметок...» интерес к ним был чрезвычайно высок, на них ссылался ряд высших чиновников рубежа XIX-XX столетий (С.Ю. Витте, Д.С. Сипягин, А.С. Ермолов, А.Н. Куропаткин, В.К. Плеве и другие). Однако, после 1912 года о них практически не упоминали, а затем и попросту забыли. Тем временем Бунге сосредотачивается на проблемах, которые расшатывали государство. Среди них на первом месте «аграрный вопрос» и непропорциональное развитие регионов, той же Сибири. Еще более остро определяется Бунге маргинализация в пореформенный период населения, что приводит к распространению в обществе «революционных идей»: «Случайный фабричный рабочий, пришедший из села – очень часто сельский бедняк, который на фабрике бывает еще более бесприютным (и еще хорошо, если казарма не общая для обоих полов и фабрикант заботится о рабочем), где прививаются пороки и болезни, заносимые потом в деревню. Фабричный разгул вошел у нас в пословицу, и деморализация фабричная отравляет нрав сельской жизни. Можно сказать с полным правом, что масса фабричного населения, исполняющая простой физический, а не технический труд, поставлена столь неудовлетворительно и в материальном и в нравственном отношении, что учения социализма должны найти в нем очень легко своих последователей» [8, с. 206-255].

Интеллигенция, которая по Федотову «...предъявила свои претензии на власть... и мечтала власти для народа, ...боролась за нее более полувека и потерпела поражение в 1917 году». Основы интеллигенции, считает Г.П. Федотов, были заложены преобразованиями Петра, ее «...функцией было несение в Россию – в народ – готовой западной культуры, всегда в кричащем противоречии с хранимыми в народе переживаниями древнерусской и византийской культуры» [6]. Речь, в данном случае об общественно-политическом интеллектуальном споре между западниками и славянофилами. Первые «заронили зерно» либеральности, вторые – умеренного консервативного «охранительства». Но и те, и другие, будучи «англоманами», мечтали о парламентском преобразовании страны. От этого формата «пустой говорильни» предостерегал российское думающее общество и высшее руководство страны еще до начала Первой Русской революции Константин Петрович Победоносцев. Но не сложилось.

Виной этому, считает Федотов, «левые» и «правые» представители интеллигенции: ««Правые» течения поддерживали монархию и ее исторические опоры: дворянство, бюрократию, пытаясь или оправдать существующее, или возродить его огнем идей. «Левые» таранили власть более полувека, в самых сильных своих партиях и общественных движениях ставили революцию своей целью и, следовательно, несут или, по крайней мере, разделяют ответственность за нее» [6]. Понимание роли интеллигенции в революционных событиях представляет в критической статье «Г.П. Федотов и проблема интеллигенции» Федор Августович Степун: «Если бы Николаю Ппришла в голову фантастическая мысль призвать к власти в качестве министров с-ров и с-деков, то получилось бы правительство, которое за полным отсутствием конкретных знаний, политического глазомера и бюрократических навыков, оказалось бы явно неспособным к управлению страной» [6, с. 85-89]. Как утверждает Степун, интеллигенция, по Федотову, хотя и «идейный штаб русской революции», нов условиях радикальной трансформации общества способна реализовать свои принципы только при помощи так называемых «деловых людей» (учителей, врачей, инженеров, ветеринаров, телеграфистов и профессоров). Разобраться в подобных хитросплетениях сложно, но это и не является нашей задачей. Революция по факту оказалась неизбежной. Виной чему стал неоднозначный характер преобразований российской государственности, начиная с XVIII столетия. А вот способы ее реализации другой вопрос, требующий дополнительных рассуждений.

Литература:

- 1 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения – М.: Наука, 1983. – 416 с.
- 2 Коллман Н. Ш. Россия и ее империя. 1450-1801. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2023. – 783 с.; Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894—1914. – М.: Новое литературное обозрение, 2016 – 344 с.; Трубникова Н.В., Агеева В.В., Андропова Л.А., Котов А.С., Рогаева И.Е., Штанько М.А. Изучение России

современными историками Запада и Востока: Коллективная монография. – М.: Квадрига, 2019. – 262 с.

3 Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. – М.: Эксмо, 2019. – 864 с.

4 Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. – 174 с.

5 Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). – М.: «Книга», 1991. – 448 с.

6 Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. Вып. 3 / Сост. Л.Г. Филонова. – М.: Изд-во «Кн. палата», 1996. – 324 с.

7 Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России.- М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 344 с.

8 Бунге Н.Х. Загробные заметки // «Река Времен (Книга истории и культуры)». Книга 1. – М.: «Река Времен» – «Эллис Лак», 1995. – 288 с.

Тойматаев Д.Б.,

философия ғылымдарының кандидаты
А.Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті
элеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасы
профессорының ассистенті,
Қостанай қ.

АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ӨЛШЕМДЕГІ Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ

Ф.М.ДОСТОЕВСКИЙ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

F.M.DOSTOEVSKY IN THE ANTHROPOLOGICAL DIMENSION

Аннотация: Достоевский дал выдающийся пример характерного для русской культуры образно-художественного метода решения главных мировоззренческих проблем. Творчество Достоевского является гениальным и адекватным выражением национального мировоззрения XIX века. Достоевский в своих произведениях осуществил художественное «освоение» некоторых ключевых проблем, основанных на традициях интуитивного, образного мировосприятия.

Ключевые слова: антропология, трансценденция, антиномия, Бог, противоречие.

Аннотация: Достоевский негізгі дүниетанымдық мәселелерді шешудің орыс мәдениетіне тән бейнелі-көркемдік әдістерінің көрнекті үлгісін берді. Достоевскийдің шығармашылығы-XIX ғасырдың ұлттық дүниетанымының тапқыр және барабар көрінісі. Достоевский өз шығармаларында интуитивті,

бейнелі дүниетаным дәстүрлеріне негізделген кейбір негізгі мәселелерді көркемдік «игеруді» жүзеге асырды.

Негізгі сөздер: антропология, трансценденция, антиномия, Құдай, қайшылық.

Abstract: Dostoevsky gave an outstanding example of the figurative and artistic methods of solving the main ideological problems characteristic of Russian culture. Dostoevsky's work is a brilliant and adequate expression of the national worldview of the 19th century. Dostoevsky in his works carried out an artistic «mastering» of some key problems based on the traditions of intuitive, imaginative worldview.

Key words: anthropology, transcendence, antinomy, God, contradiction.

Орыс философиясының бір ерекшелігі-оның көркем әдебиетпен өзара әрекеттесуі. Ресейдегі философиялық идеялар ғылыми трактаттарда ғана емес, көркем әдебиетте де баяндалды. Бұл туралы құн орыс философтарына абстрактілі, нау тәрізді рационализмді жеңуге және адам рухының тұтастығын бекітуге мүмкіндік берді.

Ф. М. Достоевский – ұлы орыс жазушысы ғана емес, сонымен бірге ол ойшыл, рухани, тапқыр диалектик және метафизик. Ол академиялық философ болған жоқ, бірақ онсыз орыс философиясы жоқ, десе де болады. Оның данышпаны философиялаудың өзіндік жолдарын білді. «Достоевский тұлғасында, – біз тек данышпан суретшіні ғана емес, ұлы гуманист және халық сүйгіш, сонымен қатар көрнекті философиялық талантты көреміз. Біздің барлық жазушыларымыздың ішінде суретші-философтың құрметті атағына Достоевский ғана ие – деп жазды С. Н. Булгаков».

Ф. М. Достоевскийдің антропологиясының негізгі ерекшелігі -бірінші кезекте оның метафизикалық өлшемі барадам. Жазушы адамның табиғатын өмірдің ең терең негіздеріне сүйене отырып түсіндіреді. Оның кейіпкерлері эмпирикалық өлшеммен біргесонымен қатар метафизикалық өлшем болып келеді, бұл бастысы. Бұл болмыстың өлшемі Ф. М. Достоевскийде шекті нысанда – бір нысанда көрсетілген метафизикалық кейіпкер. Бұл метафизикалық кейіпкерді шартты түрде оның шығармаларының басты кейіпкерлерімен сәйкестендіруге болады: Раскольников («Қылмыс және жаза»), Версилов («Жасөспірім»), Князь Мышкин («Ақымақ»), Ставрогин («Жындар»), Ағайынды Карамазовтар (үшбатырдың бет-әлпетінің тең «ипостастары»). Ауырлық орталығын жазушы эмпирикалық нақты адамдардан метафизикалық тұлғаларға көшірді. Оның кейіпкерлерішын мәнінде бар және жоқ сияқты. Оның кейіпкерлері мен оқиғаларышынайы емес және фантастикалық. Ол өзінің реализмін фантастикалық деп атады.

Байқалған тағы бір негізгі идея, мүмкін, тек В. В. Розановтың данышпан ақыл-ойы (бұл оған жазушыға деген құштарлық рухани сүйіспеншілік мүмкіндік берген шығар) – адам өзінің табиғатының жағымпаздығы үшін иррационалды болмыс болып табылады, сондықтан оның жыныстық түсіндірмесі ақылға қол жетімді емес деген идея. Басқалардың да

адамы туралы білетіні және ол өзі туралы білетіні оның болмысының толықтығын сарқып алмайды. Онда ешкім білмейтін маңызды нәрсе жоқ. Біз адамды сүйге қарсы бола аламызонда не көрсек те. Ф. М. Достоевский орыс әдебиетінде алғаш рет философия адам жанының иррационализмін көрсетті. Адам ақыл мен пайдаға ұмтылмайады, кейде ол тіпті хаос пен құлдыратуға тырысады. Ол өмірдің ұтымды құрылымына шыдамайды және эмбебап үйлесімділік пен әл-ауқаттың барлық ұтымды ұйымын қабылдамайды.

Бұл ой алғаш рет зерттеушілерінің көпшілігі өтпелі, деп санайтын жазушының «Жер асты жазбаларында» айтылды.

Трансценденттік принцип арқылы адамды түсіну-идеялардың бірі, бұл кез-келген діни ойшылға тән, бірақ мұнда орыс жазушысының өзіндік ерекшелігі бар. Ф. М. Достоевский, адамды «табиғи заң» және «рухани заң» басқарады, деп есептеді. Рухани заң-бұл «жоғары идея».

Оның пікірінше, жоғары идеясыз адам баласына деген сүйіспеншілік тіпті мүмкін емес. Сіз өзің сияқтыларды жақсы көре аласыз, өйткені өлместік идеясы бар, өйткені адам Құдайдың бейнесі. Адамға деген сүйіспеншілік табиғи емес, ол табиғаттан тыс және жоғары. Адамды сүйге болады, өйткені оның рухани табиғатына сенім бар.

Күнә мен адамның құлауы арқылы әрқашан Құдайдың бейнесі байқалады. Сондықтан ең соңғы адамды да өлтіруге болмайды. Осыдан Ф. М. Достоевскийдің антропологиясының тағы бір идеясы шығады – әр адами тұлғаның шартсыз маңызы. Бұл идея ең мұқият түрде «Қылмыс пен жазада» ашылған. Көптеген адамдар бұл романды жазушының ең сәтті және тұтас романдары, деп санайды. Бұл роман Ф. М. Достоевскийдің жұмысындағы өте маңызды кезең. Бұл жазушының дүниетанымы қалыптасқанының дәлелі, ал болашақта-кейінгі романдарда – біз сол тақырыптың дамуын көреміз, бірақ ол қазірдің өзінде терең мағынаға ие. Адам өтпелі эмпирикалық құбылыс емес, әлеуметтік ортаның пассивті өнімі емес. Әр адамның өмірі мен тағдыры абсолютті мәнге ие болады. Романда Ф. М. Достоевский кез-келген адамды (бұл зиянды кемпір болсын) Құдайдың бейнесі мен ұқсастығы ретінде танып-мойындайды. Бұл бейнені бұзу басты кейіпкерді азапқа апарды. Басқаны өмірінен айыруда, Раскольников Құдайдың бейнесін өзі бұзады.

Адамның антиномикалығы мен қарама-қайшылығы-жазушының толқынды тақырыптарының бірі. Ф. М. Достоевский діни ойшыл ретінде адамды дуалистік болмыс ретінде қарастырады. Адам-бұл жақсылық пен жамандық, хаос пен үйлесімділік күресі. Митя Карамазов: «жоқ, кеңадам, тым кең, мен оны тарылтар едім», дейді. Жазушы үшін сұлулық екі жақты және жұмбақ. Ол сұлулық туралы ойланбайды, бірақ оны жарық пен қараңғылықтың соқтығысуы деп санайды. Ол сұлулықтың зұлым және жын бастауы екенін көрсетті. «Сұлулық-жұмбақ», – дейді князь Мышкин Настася Филипповнаны көргенде. «Сұлулық-қорқынышты және жұмбақ нәрсе. Мұнда шайтан Құдаймен күреседі, ал күрес алаңы-адамдардың жүрегі», – дейді Митя Карамазов. «Сұлулық-қорқынышты зат. Қорқынышты, өйткені ол анықталмайды, бірақ оны анықтау мүмкін емес, өйткені Құдай тек жұмбақтар жасады. Мұнда жағалаулар біріктіріледі, барлық қайшылықтар баролар бірге

тұрады...». Ф. М. Достоевскийдің инферналды әйелдері (Настасья Филипповна мен Грушенка) жақсылыққа, сонымен бірге зұлымдыққа ұмтылады. Жазушы бұл әлемдегі сұлулық тағдырының қайғылы екенін көрсетті.

Адам бейнесіндегі Құдай мен Құдай бейнесіндегі адам идеясы адамның дуалистік бағытын көрсетеді. Адами құдайының идеясы Николай Ставрогин-жын-перілердің бейнесінде «Жындар» романында үлкен күшпен көрінеді. Құдай бейнесіндегі адам (Христос) – бұл князь Мышкин. Ф. М. Достоевский бойынша, Христостың жердегі идеясы жүзеге асуы мүмкін емес: князь Лев Николаевич Рогожин Настасья Филипповнаны өлтіргеннен кейін ақыры әлсіздікке (деменция) түседі.

Адамның екіұштылығы мен қайшылықтарының салдарызап пен зұлымдық. Жазушының ең өткір және азапты адам тәжірибесін бейнелеуге бейімділігі бар. В. В. Розанов атап өткендей Ф. М. Достоевскийді құлау сәттері қызықтырды, ол талдаушы адам рухында жаңадан келген адам. Оны тек өмір суреттерін тартқантігістер қызықтырады. Ол түсіну үшін осы суреттерге қарайды, неліктен Құдай әлемінің бейнесі соншалықты бұрмаланған және дұрыс емес, сондықтан оның барлық шығармаларының үніауыр.

Бірақ, Ф. М. Достоевский азап адамның жүрегіне де, адам азапқа деген құштарлықты сезінеді деп сеніп, одан әрі қарай жүреді. Және тіптіөзінің қорлауыңнан ләззат алады. Азап – адам болмысының әмбебап заңдылығы. Азап шегу арқылы адам болмыс негіздерінтерең түсінеді. Азап шегу арқылы ол тазартылады.

Бостандық тақырыбы – жазушының антропологиясындағы ең маңызды тақырыптардың бірі. «Ұлы инквизитор туралы аңызда» Ф. М. Достоевский экзистенциализмнің орталық идеяларының бірі – адамдардың бостандықты көтере алмауын, бостандық ауыртпалығыннегіздейді. Бұл данышпан метафизикалық поэмада ол екі әлемдік бастаудың күресін ашып көрсетеді – бостандық пен мәжбүрлеудің күресі. Ұлы инквизитор адамның табиғатын біледі және адамдардың қажеттіліктерін қанағаттандыру үшінбәрін жасайды.

Инквизитордың міндеті – бұл бақытсыз тіршілік иелеріне олардың қысқа өмірінен зардап шегуді жеңілдету. Ол әмбебап бақыттың суретін салады, адамдарды барлық азаптан және шешім еркіндігіненқұтқарады. Адам жердегі барлық нәрсені табадыздейді: «кімге тағзым ету керек, кімге ар-ұждан беру керек және қалай бірігу керек, сайып келгенде, бәріне даусыз жалпы және дауысыз». Христос адамның бостандығына, оның рухани табиғатына сенеді. Христос бас бостандығынан айыру арқылы адамды азап пен азаптан құтқарғысы келмейді, адамға өз таңдауы үшін үлкен жауапкершілікке тартты.

Ф. М. Достоевскийдің иррационалды-көркемдік диалектикасында тұлғаның абсолюттік принципі барлық адамдардың бірлігіндегі мистикалық принциппен үйлеседі. Н. А. Бердяев Ф. М. Достоевскийдің романдарында біз қатаң орталықтандырылған жүйенің басында отырған бір ғана тұлғаныкөреміз, деп жазады. Барлық басқа кейіпкерлер оның «эманациясы» болып табылады, оған белгілі бір дәрежеде тәуелді. Ф. М. Достоевский романдарының мақсаты – адамдардың көптігі арқылы адамның бірегей бет-бейнесін ашу. Бетәлпеттердің әртүрлілігі адамдардың тек ішкі әлемнің жеке дауыстарын білдіру тәсілі.

Барлығының бірлігі, жеке тұлғаның және барлығының қарым-қатынасы жеке адамға барлық адамдардың тағдыры үшін толық жауапкершілік жүктелетіндігінде көрінеді. Егер адам бұл жауапкершілікті көтере алмаса (және бұл әрдайым дерлік болады), оның тағдыры қайғылы болып шығады және бұл трагедия айналасындағылардың бәрін баурап алады. Ф. М. Достоевскийдің барлық романдары – бұл трагедиялар, онда жергілікті тұрғындар үшін жауапкершілікті өз мойнына алған адам физикалық және моральдық өлімге барады (Раскольников, князь Мышкин, Версилов, Ставрогин, Иван Карамазов). Бұл трагедия адамдардың жердегі бірлігі Құдайдың жаратылысының жақсылық пен кемелдіктен қаншалықты алыс екенін дәлелдеді.

Әдебиеттер:

1 Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов: Сб. статей. М., 1990. – С.217

2 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1990.

3 Степанян К.А. «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. – М.: Раритет, 2005. – С. 16.

4 Там же. – С.18

5 Там же. – С.19

6 Бехтерев В.М.. Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности. С.-Пб., 1999.

7 Ефремов В.С. Самоубийство в художественном мире Достоевского. С.-Пб., 2008. – С. 195.

8 Подробнее см.: Черюкина Г.Л. Время и его ипостаси как результат рефлексии героев Ф.М. Достоевского. // Достоевский и мировая культура. СПб., 2009. № 26. – С. 76-82.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. СТЕПНАЯ ДУША Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	3
Баяндурян Н.А. СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АФФЕКТИВНЫХ ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКЕ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»	3
Гладкова А.А. МОТИВ ДЕТСКОГО СТРАДАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО И З. БЯДУЛИ	7
Горбенко М.В., Штукина Е.Э. Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ. 12	
Губарь С.В., Арбагулова А.К. СТЕПНАЯ ДУША Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	16
Котлярова Т.Я., Черненко М.А. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	21
Крамаренко Ю.А. ОТ РАСКОЛЬНИКОВА ДО МЫШКИНА: СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В МИРЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	26
Кусаинова А.М., СТЕПЬ КАК ВМЕСТИЛИЩЕ ДУШИ.....	29
Слесарева Т.П. АДЪЕКТИВНЫЕ И ПРЕДИКАТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ КАК СРЕДСТВА РЕАПРЕЗЕНТАЦИИ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ ПОВЕСТИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО «БЕЛЫЕ НОЧИ»	36
Франк А.С. КАЗАХСТАНСКИЙ ПЕРИОД БИОГРАФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	40
СЕКЦИЯ 2. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ.....	45
Бондаренко Ю.Я. ИДЕЯ БОГА В СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ ЛЮДЕЙ У Ф. ДОСТОЕВСКОГО И Н. БЕРДЯЕВА. ВЗГЛЯД ИЗ НАЧАЛА ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ВЕКА.....	45
Великород А.В. АКТУАЛЬНОСТЬ ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ИХ ПОНИМАНИИ М.М. БАХТИНЫМ	54
Видершпан А.В. БОГОИСКАТЕЛЬСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО КАК ПРИЗНАК ИДЕЙНОГО КРИЗИСА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	59
Дробышева А.В., Бондарь И.А. Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И ЕГО ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ И КЛАССИКИ	65
Капитанова О.М., Волкова И.А., ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АГЕНТ (ИЗ ОПЫТА ПРИМЕНЕНИЯ ИИ В АРХИТЕКТУРЕ УРОКА).....	67
Колдыбаев С.А. Ф. ДОСТОЕВСКИЙ О Ч. ВАЛИХАНОВЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ ПЕРЕДОВОЙ ЧАСТИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К КАЗАХСКОМУ НАРОДУ	72
Кульжанова Г.Т. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДОСТОЕВСКОГО В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ XXI ВЕКА.....	75
Кульжанова Ж.Т., Кабаева А.А. ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	81
Олексюк А.В. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.....	87

Самаркин С.В., Видершпан А.В. К ВОПРОСУ О «НЕИЗБЕЖНОСТИ» РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ В РОССИИ: ОТ ПРЕДСКАЗАНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ДО РАССУЖДЕНИЙ ПОЛИТИКОВ И ФИЛОСОФСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	93
Тойматаев Д.Б. АНТРОПОЛОГИЯЛЫҚ ӨЛШЕМДЕГІ Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ	99

**Ғылыми-практикалық конференция материалдары
оқытушылар, жас ғалымдар, студенттер, мұғалімдер, оқушылар
«Ф.М. Достоевскийдің Ұлттық мәдениеттердегі мұрасы»
(халықаралық қатысумен)
2025 жылғы 24 қаңтар**

**Материалы научно-практической конференции
преподавателей, молодых ученых, студентов, учителей, школьников
«Наследие Ф.М. Достоевского в национальных культурах»
(с международным участием)
24 января 2025 г.**

**Materials of the scientific-practical conference
teachers, young scientists, students, teachers, schoolchildren ‘The Legacy
of F.M. Dostoevsky in national cultures’ (with international participation)
(with international participation)
24 January 2025**

Подписано в печать __. __. 2025 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая лазерная.
Усл. печ. л. 3,3. Тираж 30 экз.
Заказ № 1248 (2025).

Отпечатано в ТОО «Издательский дом».
г. Костанай, ул. А.Байтұрсынова, 2А,
тел: +7 (7142) 50-18-89, 50-14-68.